

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СИМПОЗИУМ
ПО ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(15–16 января 1974 г.)

Предварительные материалы

Издательство "Наука"
Москва
1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СИМПОЗИУМ
ПО ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ
СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(15-16 января 1974 г.)

Предварительные материалы

Издательство "Наука"

Москва

1973

Редакционная коллегия:

Вяч.Вс. ИВАНОВ, И.И. РЕВЗИН, Т.В. ЦИВЬЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

2-е занятие постоянного Семинара по балканистике посвящено вопросам изучения грамматической структуры современных балканских языков, входящих в балканский языковой союз (БЯС). Особое внимание уделяется обсуждению проблем общего плана, связанных с широким типологическим подходом к исследованию БЯС.

В сборнике материалов принимают участие специалисты по балканскому языкознанию из Москвы, Ленинграда, Кишинева. Публикуемые работы по своей тематике распадаются на два раздела. Первый из них – "Грамматические схождения в системе БЯС". Здесь рассматриваются проблемы, не теряющие актуальности в балканистике. Это прежде всего анализ структуры глагола в балканских языках: синтаксический уровень (видо-временные системы балканских языков, конструкции с так называемым балканским конъюнктивом и т.д.); происхождение и статус некоторых глагольных категорий в применении к БЯС (инфинитив, модус); результаты грамматической интерференции в области глагола (синтаксические инновации, морфологическое оформление заимствований). Кроме того в грамматическом разделе рассматриваются вопросы, связанные с категориями имени в морфолого-синтаксическом плане; падежная система балканских языков в свете общей теории падежей; некоторые виды именных конструкций в балканских языках (аппозиция, атрибутивные синтагмы). В раздел включены также работы, касающиеся более общих проблем БЯС: предложение некоторых критериев типологической характеристики балканских языков; соображения по поводу построения общей грамматической схемы БЯС.

Второй раздел сборника – "Проблема определенности / неопределенности" (в рамках БЯС). В этот раздел входят работы, анализирующие способы выражения определенности / неопределенности в балканских языках и диалектах на грамматическом уровне. Ввиду особенностей структуры БЯС с многообразием входящих в него компонентов (конгломерат языков и диалектов) представляется важным обеспечить однородность результатов описания. Для этого целесообразно использовать метод анкетирования. В качестве первого опыта анкеты такого рода здесь представлена анкета по описанию категории определенности / неопределенности, широкое обсуждение которой предполагается провести в ходе семинара.

В сборнике помещены отдельные сообщения, разбирающие и другие вопросы, так или иначе соотносимые с проблематикой БЯС, в частности, проблемы исторической диалектологии в связи с межъязыковой интерференцией.

Сборник заключается библиографическим обзором основных изданий по современной балканистике.

Многие публикуемые здесь материалы носят дискуссионный характер, что предусматривается характером и целями семинара: наметить существенные проблемы и перспективы дальнейшего развития современной балканской лингвистики и выработать более или менее конкретные координационные планы.

* * *

В дальнейшем постоянный Семинар по балканистике предполагает провести занятия по следующим темам:

Античная балканистика (в продолжение 1-го семинара по античной балканистике, 1972) – 1-е полугодие 1974;

Структура текста – 2-е полугодие 1974. На этом занятии предполагается провести анализ текстов разного рода – как фольклорных, так и литературных, от античности и до современности. Речь может идти как о формальной структуре текстов, так и об их семантической характеристике и установлению ряда общих закономерностей, позволяющих перейти к реконструкции более сложных систем. Предполагается, что выбор текстов определяется их ролью в балканском культурно-историческом универсуме.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ
(ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНО-АЛБАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ)

I. Для разработки исторического аспекта проблемы взаимодействия языков данные диалектологии дают более благоприятные возможности исследования, чем реконструкция гипотетических субстратов. Историческая диалектология оперирует хронологическими различиями, распределенными на географической плоскости. Такие факты могут быть особенно релевантны для изучения своеобразных отклонений от общего направления развития, признаваемого внутренне закономерным для изучаемого языка.

II. Историческая диалектология албанского языка показывает, что гегский диалектный ареал находился на протяжении последних столетий в состоянии непрерывных фонетических изменений. Аналогичные изменения обнаруживаются в изолированном ляберийском говоре на юго-западе тоскского диалектного ареала.

Остальная часть тоскского ареала (так наз. севернотоскский диалект) выделяется своим консерватизмом и в основном сохраняет старотоскский облик фонетической системы. С одной стороны, перед нами здесь, по-видимому, общие фонетические тенденции, изменяющие в одном и том же направлении системы гегских и ляберийского говоров. С другой стороны, проявление инертности в отношении этих тенденций, действие которых как бы подавлено в силу какой-то загадочной причины.

III. Предлагается следующая гипотеза. Консерватизм севернотоскского диалектного типа может иметь своей первопричиной билингвизм населения, пользовавшегося этим типом албанской речи, а также славянским языком в течение относительно длительного времени. Постепенно выходящая из употребления македонско-славянская речь могла оставить свое наследие не только в албанской лексике, оказавшейся наполненной славянскими элементами, связанными с сельским хозяйством, но также и в характере артикуляционных навыков, сохранившихся у ее прежних носителей. Артикуляционная база, свойственная славянской речи, не создавала препятствий для овладения албанской системой фонем — в ее основных признаках. Однако в то же время она не содействовала усвоению всех вариантов фонем и развитию некоторых специфических инноваций, связанных со специфически албанскими тенденциями фонетической эволюции. Влияние исчезавшей славянской речи выразилось, таким образом, не в особом направлении фонетической эволюции, но наоборот, оно содействовало сохранению цельности старотоскской фонетической системы. Двужычные славяне усваивали старотоскскую систему фонем в ее основных вариантах, но они, вероятно, не усваивали специфической вариативности албанского небрежного произношения, специфических отклонений от общего стандарта, дававших начало спонтанным инновациям. Возможно при этом проявлялась известная степень сознательности в предпочтении стандартного типа произношения, характерного для старотоскского устного койне, унаследованного от речевых ситуаций албанского родового общества. В этнически смешанной двуязычной среде, в условиях еще частично сохранявшихся остатков родовых обычаев и норм, унаследованный тип стандартной речи повышенного уровня мог все еще сохранять значительный престиж и на него могли преимущественно ориентироваться двуязычные говорящие.

IV. Свообразный консерватизм севернотоскского диалектного типа раскрывается в его связи с речевой ситуацией, которая была характерна для южной Албании в период раннего средневековья и в частности в связи с долго длившимся состоянием албано-славянского билингвизма.

Совершенно иным был ход языкового развития в горах Ляберии, где примесь славянского населения была незначительной и где действие внутренних тенденций фонетической эволюции, основанных на собственно албанских артикуляционных навыках, не было задержано влиянием внешних факторов.

ДИАХРОННО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БАЛКАНСКИХ СДВИГОВ В СФЕРЕ ИНФИНИТИВА

Эволюция балканских языков в сфере инфинитива специфична тем, что позволяет изучать неповторимо интенсивные преобразования в этой сфере, в большей или меньшей мере затронувшие все языки ареала. Таков переход от очень широкого употребления рекордно богатого синтетическими категориальными формами греческого инфинитива к его полной утрате. Ср. сходное явление, при разной степени интенсивности в албанском, дакороманском, южнославянском, в трех южноитальянских поддиалектах и в цыганском. Ср., далее, периферийный охват той же тенденцией небалканских языковых единиц (пограничных венгерских говоров, гагаузского и балкано-турецких говоров, сефардского и др.). Ср., наконец, начавшийся по меньшей мере в дакорумынском, албанском и цыганском обратный процесс создания нового инфинитива.

Хотя факты указанной эволюции подробно описаны, не существует единого мнения о том, насколько каждый из двух разнонаправленных сдвигов типологически представителен. Балканская утрата инфинитива рассматривается то как особый случай, то лишь как продвинутый этап эволюции, проделываемой всяким языком, знающим инфинитив.

Между тем, если только не принимать наличную, вероятно, в любом языке синонимии каких-то инфинитивных оборотов неинфинитивным (ср. фр. *Je le vois venir* – *Je le vois qui vient*, рус. *Можно мне пойти?* – *Можно, я пойду?* и пр.) за симптом утраты этим языком инфинитива как такового, то в пределах всего приведившегося в пользу подобного мнения у произошедшей на Балканах замены (ср. ее полную завершенность в греческом, тоскском, арумунском, македонском и др.) не оказывается никаких достоверных концевтов. Если и вспомнить отчасти сходный случай древнегрузинского (впрочем, не привлекавшийся сторонниками полигенеза, произошедшего на Балканах), то параллелизм оказывается ограниченным, прежде всего ввиду замены древнегрузинского инфинитива не столько личными формами глагола, сколько формами имени действия и причастия (см. также ниже).

Анализ многочисленных этиологий произошедшего также свидетельствует о типологической необычности утраты инфинитива (прежде всего эндогенной) и обычности обратного. Так, если остановиться лишь на этиологиях, пользующихся признанием, то прогреческая и, тем более, полигенетическая версии оказываются типологически мало правдоподобными. Усматриваемая в инфинитиве полигенетистами семантическая дефектность (ср. из последних мнений И.Бачинского и его сторонников) должна была бы создавать ситуацию типа балканской во всяком языке, чего на самом деле не происходит. Омонимия же с личными формами (ср. крайне неудачное оперирование ею в трудах К.Тогебу – см. подробно в наших работах) также налицо в разных языках, хорошо сохраняющих инфинитив. Прогреческая версия более правдоподобна ввиду усмотрения ею типологически маловероятного эндогенного сдвига в одном языке, а не в нескольких, притом ввиду особого стечения обстоятельств (и инфинитивно-финитной омонимии, и редкого богатства инфинитива категориальными формами, обусловившего его очень широкое употребление вместо типологически более обычных придаточных предложений). Однако и эта версия не окончательна, прежде всего в свете типологии. Об омонимии см. выше (к тому же она разными способами преодолевалась в греческом языке, включая и инфинитив – ср. его формы в понтийских говорах на *-νε* или поздний древнегреческий префикс *τοϋ*). О том, как могли бы исчезнуть категориальные и функциональные необычности греческого инфинитива без ущерба для типологически обычного бытования его в языке, уже приходилось писать. Сейчас подчеркнем, что и в этих необычностях как таковых нельзя видеть причины утраты инфинитива: ср. не менее богатый формами, хоть и аналитическими (залога, вида и относительного времени), английский инфинитив, прочно бытующий в языке. Сопоставление же с грузинским (ср. выше) показательно тем, что этот единственный достоверный случай полной утраты инфинитива небалканским языком не основан ни на одном из факторов, привлекаемых для греческого: у грузинского инфинитива не было ни омонимии с финитными формами (мало того, еще сохранялась омонимия с именной праформой), ни категориального богатства, ни сколько-нибудь широкого в срав-

нении с другими языками употребления. Здесь в условиях нестабильности и последующей утраты глагольного управления (см. труды Д.З. Чхубианишвили) была вытеснена не столько глагольная форма, сколько вербоид, т.е. типологически редкое и преходящее образование, признаки которого (что важно в нашем случае) совершенно чужды любому из балканских инфинитивов. Типологическая слабость прогреческой версии состоит, таким образом, в том, что она предполагает нечто, хотя в принципе и возможное, но не наблюдавшееся ни в одном языке.

В отличие от этого, субстратно-билингвистическая версия, хотя она также не может исходить из непосредственного наблюдения над ходом давно завершившихся сдвигов, предполагает еще для одного языка факт, достоверно наблюдаемый в разных языках, причем именно в данной языковой области: ср. прежде всего субстратную передачу того же явления из кельтурно деградировавшего и исчезающего в Южной Италии греческого в местный итальянский (сведения, давно известные, но нуждающиеся в постановке с головы на ноги). Ср. полную утрату инфинитива в цыганском, избыточном греческой лексикой. Далее, ср. привлечение к себе внимание позже факты частичной замены инфинитива в венгерских говорах (Г.Шухардт), в гагаузском и балкано-турецком (Л.А. Покровская) или в сефардском, специально привлеченном в качестве модели старого балкано-романского языка на начальной стадии балканизации; ср. тот же балканизм в русской речи молдаван и пр. Экстраполяция тенденции совершенно явного происхождения из небалканских языков на старые балканские (для которых, в свою очередь, полной неудачей кончались все попытки найти "внутренние" причины такой же "независимой" эволюции в южно-славянском, дакороманском и тоскском) подсказывает, что та же тенденция сходным путем могла передаваться раньше (через греческий или прямо) из автохтонного, еще безинфинитивного источника. Но и в случае подтверждения прогреческой версии, именно ввиду ее основанности на неповторимом, нигде не засвидетельствованном, стечении обстоятельств, замена инфинитива, полностью отвечающего общелингвистическому определению такового, диахронически отличным от него образованием все равно являет собой тип эндогенного сдвига, представленный единственным случаем (субстратная версия исключает здесь эндогенность — при принятии этой версии указанная замена без сильного влияния извне, осуществляемого в условиях массового двуязычия, оказывается вообще вряд ли возможной в принципе).

Балканские же языки демонстрируют противоположно направленные сдвиги, по своей сущности тождественные происшедшему во многих языках разных семей и ареалов — возникновение инфинитива из имени действия. Здесь, однако, интересна типологизация на уровнях сущностей меньшего порядка.

Наименьшей спецификой характеризуются в данном случае процессы создания, еще вне Балкан, праязыковых инфинитивов, позже ставших, в частности, дакороманским и южнославянским. Эти формы, равно как и греческий инфинитив, балканского времени появления, будучи исторически падежными формами имен действия, дают примеры наиболее частого типа инфинитивации. Под него, однако, не удается подвести один первичный балканский инфинитив — алб. *me ba/me bërë*. Правда, его инфинитивация (и даже утрата в тоскском) относится к дописьменной истории и, являясь объектом предположений, не может привлекаться как достоверный материал для общей типологии. Предварительно, однако, можно указать на гипотезу (см. подробное обоснование в наших работах), согласно которой *me* есть бывший предлог совместности, и теперь наличный вне инфинитива, а тип *ba/bërë* — еще не снабженное артиклем (ныне рудиментарным) отпричастное имя действия (соврем. *të bamë/të bërë*). Вместе *me ba(më)* дали деепричастие, впоследствии в контекстах взаимозаменяемости его и инфинитива (обычных в албанском — ср. прежде всего фазовые глаголы) переосмысленное в последний. Доводом против этой гипотезы является единичность предполагаемой ею эволюции, в частности обычная направительно-целевая (а не комитативная) семантика предлогов — впоследствии префиксов инфинитива. Тем не менее, типологически редкое вероятно здесь в свете собственно албанских данных о сходно образуемом деепричастии типа *tue ba/duke bërë* (и вариантов), с *tue/duke* также бывшим предлогом (теперь уже узкодиалектным), т.е. о реальном факте, типологически не менее редком, чем *me ba/me bërë* (ср. необычность в языках герундизации сочетаний типа "предлог + имя действия"). По тому же типу образуется приватив (тип *pa ba/pa bërë*), антоним герундия, а иногда и ин-

финитива. Если отказаться от предполагаемого и считать тип *те ба* префиксально потенцированным, некогда суффиксальным инфинитивом (ср. англ. *to do*), версия о "старом" албанском инфинитиве (многочисленные догадки о котором не выдерживают критики) оказывается также типологически невероятной ввиду полного отсутствия у *те* как у предлога направительно-целевой семантики, характерной для десемантизируемых при инфинитиве предлогов. В целом, предыстория *те ба* остается одним из загадочных случаев инфинитивации.

Намного более доступны для типологизации вторичные балканские сдвиги в том же направлении: ср. дакорумынское, прежде всего молдавское, *де фэкут* и албанские *për të bërë* и *së bëri* (последнее, правда, не достигло до сих пор самой инфинитивности, но уже стало нелично-глагольной формой с функциями, типологически характерными для инфинитива). При всем интересе, представляемом этими образованиями как редкими примерами доступной непосредственному наблюдению выработки инфинитива языком, процесс в своей сущности такого воспроизводит то, что уже неоднократно происходило в разных языках, в частности, произошло в праязыках самих данных языков — ср. дакорум. *а фаче* < лат. *facere*, алб. *те ба/те бërë*. На уровнях же сущностей меньшего порядка балканская специфика сказывается и здесь — она не представляет саму инфинитивацию как что-то типологически новое (в отвлечении, конечно, от факторов вторичности и наблюдаемости), но явно обогащает сведения по типологии в пределах инфинитивации.

Так, диахронически интересно тут то, что *për të bërë* и *де фэкут* суть бывшие не падежные формы, а предложные сочетания, подводимые под один случай, например, с фактами семитских языков (ср. ивр. *la'asoth* при сохранности *la-* [и алломорфов] как предлога направления), а не ближайших родственных (речь идет о создании инфинитива, а не об усилении его, уже бытующего, элементами вроде зап.-европ. *zu, to, de* и т.д. — ср. алб. *për те ба*, дакорум. *де а фаче*). (Тип же *së bëri* есть бывший аблатив, что сказывается на его преобладающем финитивном употреблении, лишь начавшем сопровождаться дуративным и инхотативным — также редкий случай эволюции к инфинитиву, хоть и незавершенной). В статике результатами трех указанных процессов являются конфликально образуемые инфинитивы и терминатив, чьи показатели записываются для наиболее продуктивных классов глаголов как *де... ат*, *për të... уар* и *së... уари*.

Совершенно особый тип инфинитивации представлен утратой личных окончаний у цыганского конъюнктива (*тэ кэрэ*), заменяющего инфинитив по балканскому образцу.

При вербализации имени действия катализатором эволюции, очевидно, является наличие элемента, омонимичного издавна глагольному (ср. дакорум. *де фэкут* и *ач фэкут*, алб. *për të bërë, së bëri* и *кам бërë*), поскольку при прочих сходных предпосылках вторичная инфинитивация не развивается в южнославянском (греческий пока не обследовался) с той интенсивностью, которую можно было ожидать, судя по общности некоторых исходных пунктов эволюции (ср. тавтологии вроде *де фэкут фак*, *për të bërë бэй*, *за правенье правам* и под.).

Хотя первым, специфически балканским процессом (замена инфинитива личными оборотами, впоследствии формами) и обусловлен второй (вторичная инфинитивация), нет непосредственной зависимости между степенями продвинутой каждого из них. Так, в дакорумынском, сохраняющем старый инфинитив, второй процесс развился заметно дальше, чем в тоскском, полностью утратившем тип *те бërë* (причем влияние иноязычного инфинитива не является здесь решающим). Сосуществование старого и нового инфинитива в языке (ср. молд. *а фаче* и *де фэкут*) также типологически интересно, однако диахронически его не следует относить к тому же типу, что и употребление (как в праязыках отдельных индоевропейских диалектов) конкурирующих образований, из которых еще не избрана основная форма будущего инфинитива.

Важно, что сказанное выше о сущности каждого из двух процессов сохраняет силу и без привлечения другого и лишь впоследствии им подтверждается. Так, сама экстраполяция в прошлое непосредственно наблюдаемых фактов утраты инфинитива говорит в пользу ее экзогенности, что ясно и без привлечения вторичных инфинитивов, представляющих безинфинитивность как устраняемое состояние. В свою очередь, инфинитивность ряда балканских инноваций установима и чисто синхронными критериями, при полном отвлечении от этиологии, и лишь далее вопрос о том, почему в соответствующих языках (в отличие от многих других) инфинитив появляется во второй раз, подводит к мысли об имевшем место перерыве в чисто эндогенной эволюции.

В целом, таким образом, изучение балканской ситуации позволяет внести уточнения в типологию создания инфинитива и, в отличие от этого, ее утраты. Первое положение подводится как частный случай под тип чисто эндогенного в разных балканских языках развития, прослеживаемого во многих языках мира, второе же дает тип сдвига, если и эндогенного в одном балканском языке (что сомнительно), то представляющего лишь свой собственный случай. Балканский ареал есть, таким образом, место встречи двух не просто противоположно направленных, но и типологически никак не равно представительных тенденций.

Вяч. Вс. Иванов

К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ИНФИНИТИВА В БАЛКАНСКИХ И ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Инфинитив (в частности, в русском языке) рассматривали после Карцевского как "нулевой", полностью немаркированный относительно всех глагольных категорий член системы глагола. Предполагалось поэтому, что и в динамике (например, в случае афазии) должна наблюдаться тенденция к увеличению употребительности инфинитива за счет других форм.

2. Обратный ожидаемому процесс сокращения числа инфинитивных конструкций характерен не только для балканских языков (включая и такие языки, предположительно примыкавшие к балканским, как цыганский) и смежного ареала южноитальянских диалектов. Кроме уже обсуждавшихся ранее параллелей (в истории грузинского языка) следует отметить открытое Гардинером развитие новоегипетского и коптского конъюнктива (обычно продолжающего в последующих предложениях глагольную форму сказуемого предшествующего предложения) из среднеегипетских сочетаний предлога ḥn^c с инфинитивом¹:

1) $\text{ḥn}^c \text{ ṣ} \text{ ḏm}$ 'со слушанием' (буквально: 'слушать')

2) $\text{ḥn}^c \text{ ṣ} \text{ ḏm nt k}$ 'со слушанием тебя' (= 'твоим')

3) $\text{ḥn}^c nt k \text{ ṣ} \text{ ḏm}$ 'вместе с твоим (=тебя) слушанием'

4) $\text{ntk (=mtw.k) ṣ} \text{ ḏm}$ '(что) ты (бы) слушал' [новоегипетский конъюнктив = коптск. *NT* (*WTM*)].

Для типологического сопоставления со среднеегипетским ḥn может представлять интерес и значение албанского предлога *me* 'с', предположительно связываемого с *me* в албанском инфинитиве типа *me ba*.

3. Поскольку развитие в новоегипетском (как отчасти и в балканских языках) можно описать как вытеснение инфинитива в части конструкций синонимичными модальными формами, к тому же кругу явлений можно отнести и редкость предикативного употребления инфинитивных конструкций в тохарском, вытесняемых отглагольными именами на $-\text{I}$ ², часто имеющими в тохарском (как отчасти и в славянском и хеттском) модальное значение. Последний факт существен для сопоставления с древнеармянским, где из родственных форм на $-\text{I}$ (возможно в результате развития, первоначально близкого к тохарскому), образовались инфинитивы, тогда как в албанском соответствующие имена на $-\text{I}(\text{>}j\text{ë})$ не претерпели подобной трансформации.

¹ A. Gardiner. An Egyptian split infinitive and the origin of the Coptic conjunctive tense. — "Journal of Egyptian Archaeology", vol. 14, 1928, pp. 86–89. Появление местоименных личных префиксов при старом инфинитиве в ряде конструкций в коптском языке можно сравнить типологически и с использованием личных префиксов при масдаре в составе сложного сказуемого в адыгейском.

² W. Thomas. Die Infinitive im Tocharischen. — "Asiatica. Festschrift Friedrich Weller," Leipzig, 1954, SS. 746, 763.

С точки зрения ностратических сравнений исключительный интерес могут представить функции имен действия на $-\text{I}$ в юкагирском.

4. Возможность развития в направлении утраты или статистического ограничения употребительности инфинитива представляется целесообразным поставить в связь с 1 типологическим выводом о необязательности наличия инфинитива в системе глагола, ср. делаемый в типологических исследованиях последних лет аналогичный вывод о частой фонологической эволюции в сторону утраты тех именно "необычных" фонем, которые типологически реже представлены (или статистически редко встречаются) в системах разных языков мира. Кроме уже указывавшихся ранее в этой связи фактов отсутствия инфинитива (в эскимосско-алеутских, тунгусо-маньчжурских, кавказских языках) следует обратить внимание на такие древние индоевропейские языки, как ведийский и древнеирландский, где одновременно используется значительное число (более 15) различных способов образования глагольных имен, выступающих в функции инфинитива. Эти имена в древних индоевропейских языках могут склоняться (в древнеармянском и тохарском), иметь зависящее от них слово в родительном падеже (древнеирландский, древнеармянский) и обнаруживать другие явные синтаксические следы своего именного происхождения. Поэтому остается в силе вывод об отсутствии единообразного инфинитива в общеиндоевропейском². Но тем не менее еще до своей письменной фиксации все индоевропейские языки начали развитие в сторону создания инфинитива (кельтские языки, обычно выделяемые в этом отношении, тем не менее в древнеирландских конструкциях с *do* отличают инфинитив от имени).

5. В древнейших письменных памятниках индоевропейских языков II тысячелетия до н.э. инфинитивы выступают в качестве форм, уже отличных от тех общеиндоевропейских отглагольных имен с гетероклитической парадигмой на **-ter/*-ten, *-uer/*-uen, *-ser/*-sen*, к которым восходят эти инфинитивы. Хеттские инфинитивы на *-atar* и *-uagar* являлись в качестве словарных представителей глагола переводными эквивалентами аккадских инфинитивов в шумеро-аккадско-хеттских словарях, где о глагольном характере хеттских инфинитивов говорят их сочетания с превербам и частицами типа *raa-kan raagar* 'выходить'. Эти инфинитивы (по Ларошу, отглагольные имена по Камменхубер) соотносятся соответственно с супином (по Ларошу, инфинитивом по Камменхубер) – древними формами направительного падежа на хет. *-an-na <*-atna (danna-ma-za le ilaliaši* 'ты же не должен хотеть взять себе') и лувийск. *-una³*, хет. *-uaganzi <*-uont-i* (старая форма локатива, ср. инфинитив из локатива на *i* основы на *-t* в балтийском с соответствиями в славянском и возможно в тохарском⁴). Последняя форма удостоверяет дописьменную дату образования этих инфинитивов, так как в хеттском в исторический период его развития чередование **-r/-*r^ht-* (соответственно **-u-og/-u-ont-*) не засвидетельствовано. Древность отглагольных имен типа хет. *i-tar* 'ходить' (встречающегося только один раз в качестве инфинитива к корневому глаголу *i-*, вытесненному приставочными производными), *taruagar* 'побеждать', др.-хет. *taruagan* подтверждается их этимологией (лат. *iter, itineris* 'путь', тохар. *A.ytar*; др.-инд. *turvāṇe* 'побеждать'; авест. *ta^hvar-*). В микенском греческом представлены уже инфинитивы типа *e-ke-e = εκεεν*, возводимые к именным основам на **-sen*.

6. Следовательно, гипотеза об отсутствии инфинитива в древних индоевропейских языках Балканского полуострова во всяком случае не может быть обоснована срав-

¹ Э.И. Белимов. Типологическая характеристика кетского инфинитива. "Происхождение аборигенов Сибири и их языков", Томск, 1973, стр. 41.

² Следовательно, нельзя согласиться с конечными выводами статьи: J.B. Voyles. The infinitive and participle in Indo-European. A syntactic reconstruction. – "Linguistics", 1970, № 58, pp. 87–88. К позднеобщеиндоевропейскому склонны возводить инфинитивы Томас в указанной выше работе о тохарском и А. Камменхубер (A. Kammenhuber. Studien zum hethitischen Infinitivsystem, – "Mitteilungen des Instituts für Orientforschung", Bd II–IV, 1954–1956).

³ Ср. В.В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963, стр. 152–154; E. Laroche. Études de linguistique anatolienne. III, 9. Le directif. "Revue hittite et'asienne", XXVIII, 1970, pp. 41–42.

⁴ К фонетической возможности возведения тохарского инфинитива на *-tsik -ti* ср.: W. Winter. Die Vertretung indogermanischer Dentale im Tocharischen. – "Indogermanische Forschungen", Bd LXVII, 1962, 1 Heft, SS. 17, 21–22.

нением с другими родственными языками. По отношению к албанскому нужно учитывать и достаточно долгое сохранение целой группы старых индоевропейских отглагольных имен, в частности, изученных в последнее время (после работы А. Джувани) причастий на *-m*¹, родственных балтийским, славянским и анатолийским формам медиопассивных причастий и отглагольных имен на **-mo-*² типа хет. *lalukkima-* 'лучезарный'; 'свет, теплота', соответствующего производному на **-mo-* от того же корня в тохарском (к семантике ср. албанск. *zjapn, zjag* 'огонь' при греч. *θεριός* 'теплый', арм. *յէթ*, лат. *fortis*, дрвнем. *wagt* и т.п.). Если в албанском языке сохранилось значительное число индоевропейских типов причастных отглагольных имен (на **-l, *-m, *-t-, *-n-*) то нет основания думать, что в нем ранее не было тех отглагольных имен, которые в других индоевропейских языках в период их ранней дописьменной истории развились в инфинитивы. В этом случае позднейшее развитие в албанском можно было бы сравнить с утратой инфинитива, достоверно прослеживаемой по греческим, македонским и болгарским и румынским (и другим восточнороманским) данным (а также и при сопоставлении цыганского языка с другими индо-арийскими).

7. Типологическое исследование функций инфинитива подтверждает вывод Куриловича о высоком иерархическом ранге и соответственно периферийном положении инфинитива в системе и о трансформационном характере инфинитива, равнозначного придаточному предложению³. С точки зрения трансформационной грамматики можно говорить об отсутствии инфинитива в ядерных предложениях и об относительной сложности вывода этой категории по сравнению с другими глагольными. Сокращение числа и соответственно уменьшение сложности правил для каждого из контактирующих языков при интенсивном двуязычии в условиях устного общения (что, видимо, определяло ситуацию балканского языкового союза) осуществляется прежде всего за счет трансформационных правил, в частности, тех, которые дают синтаксические структуры, получаемые при склеивании ядерных предложений. Особенно наглядно роль двуязычия выступает при объяснении утраты инфинитива в цыганском.

8. Периферийная подсистема отглагольных имен, функционирующих в качестве эквивалента отглагольной группы подчиненного предложения, в большей степени, чем ядро грамматики, затрагивается изменениями и в случае письменного взаимодействия языков при массовых переводах текстов, как это можно показать на примере языков, входивших в центрально-азиатский культурно-языковой круг к концу I тысячелетия н.э. (тибетский, тохарский, древнетюркский, санскрит). Но направление развития в этом случае оказывается обратным: под вероятным воздействием переводов санскритских оригиналов, в которых широко использовались абсолютные конструкции, увеличивается употребительность древнетюркских конвербов, тибетских абсолютивов и тохарских абсолютивов (последние восходят к индоевропейским отглагольным именам с суффиксом, родственным хет. *-цаг* в инфинитивах).

¹ М.А. Габинский. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970, стр. 84-89.

² Е.Р.Намр. On Baltic, Luwian and Albanian participles in **-m-*. "Baltistica", IX (1), 1973; к албанскому типу на *-imë* ср. кроме слав. **-i-m-* также хет. *-im(a)-* в таких древних производных, как *lalukkima-*, *kartimija-* 'сердиться' (к семантике, кроме известных балтийских и славянских параллелей в производных от того же индоевропейского названия 'сердца', ср. также албанск. *zëmërohem* 'обижаться, сердиться' при *zëmër* 'сердце' и такие неиндоевропейские аналогии, как тарасканские глаголы *ik'j-mi-ṭa-ni*, и *hatá-ṭi-a-sa-ku-ni* 'сердиться', включающие морфему *-ṭ-* 'сердце', эве *dzibibi* 'гнев': *dzi* 'сердце' и т.п.), ср. также сходное по структуре хет. *kišrim-* 'вручаемый' (ср.: Г.Г. Гиоргадзе. Очерки по социально-экономической истории Хеттского царства. Тбилиси, 1973, стр. 192-193) и т.п.

³ J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European, chapter VI, Impersonal verbal forms, Heidelberg, 1964, pp. 158-170.

К ВОПРОСУ О РЕЛИКТАХ ПЕРВИЧНОГО АЛБАНСКОГО ИНФИНИТИВА В ТОСКСКОМ

Проблема генезиса балканского инфинитива типа *me ba* остается по сей день весьма неясной. Как известно, этот инфинитив присутствует в гегском с момента его фиксации на письме и соответственно отсутствует в тоскском, что дает основания рассматривать его как гегскую инновацию. В последнее время М.А. Габинский¹ принял попытку доказать, что и в тоскской диалектной группе некогда существовал аналогичный гегскому инфинитив, имеющий таким образом общеалбанский характер и соответственно очень длительную, реконструируемую автором предысторию. Ввиду того, что языковые памятники не позволяют нам судить о состоянии тоскских говоров в лучшем случае ранее конца XVI в. (а для большинства говоров еще значительно позже), автору не оставалось ничего другого, как попытаться извлечь максимум данных из доступного ему, по времени сравнительно нового, материала, что он и сделал с исключительной добросовестностью и компетентностью. Ниже мы рассмотрим отдельные положения этого безусловно выдающегося – независимо от интерпретации отдельных фактов или проблемы в целом – исследования.

Ранее при рассмотрении вопроса о возможных реликтах инфинитива в тоскском исследователи оперировали одним лишь, хотя и широкоупотребительным, оборотом *do me thënë* 'значит' (дословно 'хочет, нужно сказать'), который в силу своей изолированности рассматривался обычно как переоформленное заимствование из гегского. М.А. Габинский привлекает целый ряд других примеров, которых, впрочем, в общем не так уж много, притом что они далеко не равноценны: подавляющее большинство является кальками соответствующих гегских форм или прямыми заимствованиями и потому рассматриваются в специальной главе в конце исследования². Появление их, как нам сообщается, обусловлено, с одной стороны, тоскско-гегскими языковыми контактами, а, с другой, попыткой писателей решить таким образом проблему общенационального литературного языка. Разумеется, при анализе реликтов инфинитива такие случаи не могут приниматься во внимание. Поэтому в группу реликтов автор включает только лексикализованные обороты, которые, однажды возникнув, могли сохраниться и тогда, когда в тоскском инфинитив был повсеместно вытеснен конъюнктивом. Подавляющее большинство приводимых примеров принадлежит тому же синонимическому ряду, что и вышеупомянутое *do me thënë*, напр., арберешское *për me then*, *vjen me thënë* и *vjen me rarë* старозельбасанское *është me thanë* и тоскское *si me thënë*, *shkurt me thënë*, *do me jënë* (42–46). В качестве доказательства их реликтовости постоянно, где возможно подчеркивается, что соответствующим гегским оборотам тоже свойственна некая "предреликтовость". Этот несколько необычный термин означает, что этим уже превратившимся в фразеологическое единство оборотам удастся удержаться даже в том случае, если в гегском, как в дописьменном тоскском, внезапно исчезнет инфинитив.

Впрочем, насколько можно судить, гегскому инфинитиву пока еще не грозит полное исчезновение, так что проверить правильность предположения М.А. Габинского, по крайней мере в ближайшее время, по-видимому, не удастся. Между тем вопрос о реликтовости лексикализованных словосочетаний заслуживает, на наш взгляд, более пристального внимания. К сожалению, автор не обращается к специальной литературе, полагая, что он имеет дело с бесспорной аксиомой. На самом деле это далеко не так: реликтовость и фразеологизация совсем не тождественные друг другу понятия и не всегда даже сопутствующие. Лексикализация словосочетания способствует, конечно, его консервации, но в то же время сочетание приобретает спо-

¹См.: М.А. Габинский. Появление и утрата первичного албанского инфинитива (к проблеме инфинитивности в балканских языках). Л., 1970. Номера страниц этой работы приводятся прямо в тексте.

²См.: "Вопрос о бытовании инфинитива на *me ba* в современном литературном языке", стр. 130–147.

способность мигрировать: среди фразеологизмов кальки совсем не редкость. Чтобы наше утверждение не показалось голословным, заглянем в историю русского соответствия как раз того из этих "крылатых" слов, которое оказалось, по мнению М.А. Габинского, столь глубоко архаичным в тосском ареале, а именно, "так сказать". Согласно данным картотеки Словаря русского языка XVIII в., находящейся в ЛО ИЯ АН СССР, этот, на первый взгляд, исконный русский оборот входит в обиход только с 60-х гг. XVIII века (Фонвизин, Зуев, Радишев, Карамзин), причем надежность этой датировки определяется и тем, что он еще не встречается у писавших в предшествующий период Кантемира, Ломоносова и Тредьяковского¹. Первое свидетельство дает нам Вейсманнов Лексикон 1731 г. см. стр. 495: "also zu reden, ut ita dicam так сказать, молвити, да тако реку", ср. также ту же лемму на стр. 18 и 495. Образцом послужило лат. ut ita dicam (в свою очередь, по-видимому, калькирующее гр. ὡς ἔπος εἰπείην²) или одно из восходящих к нему выражений, напр., фр. pour ainsi dire, нем. also zu reden (совр. so zu sagen) или польск. *ze tak powiem*, которому полностью соответствует приведенное авторами Вейсманнова Лексикона "да тако реку". К 1717 г. относится попытка Феофана Прокоповича ввести в употребление оборот "так реши", тоже явная калька. Соответствующие русские обороты "сказать"³ и "дескать"⁴ не успев еще проникнуть в литературный язык, с этого момента окончательно отесняются в просторечие.

Что касается вышеупомянутых албанских фразеологизмов типа *do me thënë* и т.д., то здесь речь может идти, разумеется, не столько о кальках (хотя не исключено, что гегское *do me thanë* восходит в конечном счете к ит. *vuol dire*⁴, а проникновение глагола *vjen* в арберешские обороты *vjen me thënë*, *vjen me rënë* связано с ит. *vien detto*), сколько о прямых заимствованиях из гегского, подвергшихся фонетической тоскизации. Надо сказать, что на практике М.А. Габинский всегда учитывает эту весьма реальную возможность (в Албании, как и в Италии, Север, в первую очередь, Шкодра, и в экономическом и в культурном отношении до недавнего времени решительно преобладал над Югом), напр., в случае, когда исследуемые обороты появляются в тосских текстах в гегской форме, напр. *si me thënë – si me thanë* (44), *shkurt me thënë – shkurt me thanë* (44), *si me qënë* (48-49) или когда оборот недостаточно засвидетельствован, как напр., арб. *rër me then* (44), автор совсем не настаивает на реликтовости. Но беда в том, что за вычетом этих примеров, а также *do me qënë*, встречающегося только один раз, и притом в переводе Евангелия Г. Гирокастри (46) и неясного, как признает сам автор (50 и след.), каракуртского *milys, mblys*, у нас остается все то же *do me thënë*, которое мы с еще большим основанием – благодаря собранным Габинским аналогиям и в силу типологической очевидности – должны рассматривать как тоскизированный гегизм.

И прочие выдвигаемые М.А. Габинским доказательства былого существования инфинитива в тосском не представляются нам вполне убедительными. Бесспорно наличие в тосском причинного деепричастного оборота *me qënë*, развившегося затем в

¹ Этим важным наблюдением, равно как и материалами картотеки, мы обязаны любезности м.н.с. ЛО ИЯ АН СССР канд. ф.н. А.А. Алексеева, которому мы приносим нашу искреннюю благодарность.

² Представлено в картотеке только двумя примерами: "супругъ у Душеньки, сказать, и быть и нетъ" (Богданович, Душенька, 51) и "толко прохождение было время или сказать скуке" (Записки Н.Б. Долгорукой 1767 г., 31). Любопытно аналогичное "реши" у Посошкова: "другая линия или, реши, черта" (Посошков. Книга о скудости и богатстве [около 1724 г.], 222); "до обеда, или, реши, до полудни" (там же, 110).

³ В картотеке представлено только начиная с 1798 г. Этимология требует некоторых уточнений.

⁴ Кальки с итальянского у албанских католиков, разумеется, не редкость, см. напр., цитируемые автором на стр. 42 примеры из Эльбасанского Анонима, где встречается *qî ë = siò ë* "то есть", восходящие к лат. *id est* и принадлежащие тому же подклассу "крылатых слов" что и "так сказать".

причинный союз *me qëñ se(që)*(46-47), но непонятно, почему в этом обороте следует обязательно усматривать реликт инфинитива вместо напрашивающегося предлог + причастие? Отсутствие проклитического артикля не показательно, ввиду относительной недавности последнего, как успешно демонстрирует сам автор вслед за Э. Чабеем на массе примеров (стр. 66 и след.), среди которых отметим хотя бы *mezi 'с трудом, едва-едва'* (81), т.е. *me* + субст. прил. ж.р. без прокл. арт.; ср. также регулярное неупотребление артикля в другой, более распространенной деепричастной конструкции *duke bërë*. Зарегистрированные О.Дозоном в районе Фиера (переходная гегско-тоскская зона) конструкции типа *duke me bërë* (53) возникли скорее всего в результате контаминации вышеприведенных оборотов, причем, вероятно, и здесь проявилась та особо свойственная албанскому тенденция к избыточной языковой характеристике, которой Э.Чабей приписывает в частности появление и развития проклитического артикля (см. автор, стр. 67). К тому же сама идея возможного использования инфинитива при образовании деепричастных конструкций представляется нам типологически очень подозрительной. Проникновение инфинитива в приватив в говоре Борго Эришо (ср. *po me vo* и общеалб. *pa bërë/pa ba*), а также очень редко в арберешском (55) объясняется скорее всего итальянским влиянием (ср. ит. *senza sognare*) и во всяком случае не может служить аналогией. Характерно, хотя это и не столь уж существенно, что в говоре Фиера такие случаи отсутствуют.

Несколько слов об арберешском, давшем автору целый ряд лексикализованных реликтов (см. выше), конструкций типа *duke me bërë* и обычных инфинитивов, которые, в отличие от аналогичных случаев в тоскском (см. выше), автор склонен считать архаизмами. Но при этом он сам сообщает, что в Италию переселялись не только тоски из Ляберии и Чамерии, но и геги из Шкодры и Круи, которые впоследствии из-за своей малочисленности были тоскизированы (62). Некоторый след (который автор несколько недооценивает) они все же оставили, ср. хотя бы неоднократно цитируемое автором *për me bënë* у Феррари (64) или *më u bënug* у Серембе (58) и тоск. *për të bërë*, гег. *me ba(bame, bamun)*. Арберешское причастие, как мы видим, соединяет в себе тоскский вокализм с гегским консонантизмом. К этому исходному гегскому элементу в арберешском следует прибавить культурное влияние Шкодры, ощущавшееся в Италии с неменьшей силой, чем на Юге самой Албании. Архаичность арберешского по отношению к собственно тоскскому таким образом оказывается весьма относительной. Куда более убедительным в этом плане было бы привлечение арберешских говоров Греции. Но автор не приводит каких-либо идущих из Греции материалов по инфинитиву и можно вполне положиться на его эрудицию: их нет.

Таким образом, основной тезис М.А. Габинского об общеалбанском характере первичного инфинитива типа *me ba* нельзя считать окончательно доказанным. Мнение Чабея (см.: автор, 39) об отсутствии инфинитива в тоскском остается в силе, и собственно говоря, не видно, как и зачем его опровергать. Как нам кажется, это несколько не умаляет несомненных достоинств монографии "Появление и утрата первичного албанского инфинитива" М.А. Габинского. И помимо центральной темы книга содержит массу интереснейших фактов и наблюдений, не говоря уже о том, что собрав и на редкость объективно изложив огромный фактический материал, автор внес, можно сказать, решающий вклад в дело изучения рассматриваемой проблемы. Мы, разумеется, не думаем, что никто больше не станет (а тем более сам автор!) защищать тезис, отстаиваемый с такой настойчивостью М.А. Габинским: существенно теперь лишь то, что все необходимые материалы собраны, и объективно разобраться в них есть отныне персональное дело каждого.

Е.И. Демина

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОДАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ БОЛГАРСКОГО ИНДИКАТИВА

1. К числу важнейших проблем балканского языкознания смело можно отнести мало изученный вопрос о генезисе особых модальных категорий болгаро-македонского глагола, несвойственных древнеболгарскому и другим славянским языкам. Речь идет о грамматических категориях, выражаемых в современном болгарском языке с помощью особых парадигм перфектных по происхождению форм: так наз. переска-

звательных форм (ПФ), форм умозаключительного (конклюзивного) действия (КФ) и адмиративных форм (АФ), противопоставленных по различным нетемпоральным признакам старой временной парадигме и вовлекающих ее тем самым в сферу своего действия.

В разработке данной проблемы центральное место занимает вопрос о путях постепенного закрепления в единицах языка вызвавшего к жизни эти категории особого способа анализа, расчленения потока внеязыковой действительности, об истоках и эволюции последнего, о хронологии основных этапов этого процесса. Если смотреть на развитие языка как на процесс непрерывного преобразования его системы, преодоления возникающих в результате инноваций противоречий, процесс, протекающий неодновременно в разных локальных (диалектных) идиомах этого языка, то состояния, отраженные в частных диалектных системах, можно представить как этапы этого развития и тем самым проследить процесс постепенного движения системы. Отсюда очевидна важность для решения поставленной проблемы материала современных говоров, а также памятников письменности, достаточно адекватно отразивших живую народную речь, данные которых в известной степени позволят хронологизировать процесс.

Выявление динамики системы особенно важно при изучении названных модальных категорий, поскольку их возникновение, по мнению большинства современных лингвистов, является результатом внешнего воздействия, языковых контактов, пережитых болгаро-македонским на Балканском полуострове. Появление ПФ обычно объясняют наличием болгаро-тюркских контактов. Истоком тюркского влияния большинство ученых (Цонев, Андрейчин, Мирчев, Вл.Георгиев) считает турецко-болгарский билингвизм в период владычества Османской Империи на Балканах (XIV-XIX вв.), однако раздаются голоса (К.Попов) и в защиту мнения о влиянии (с VII в.н.э.) со стороны тюркского протоболгарского языка племени Аспаруха, а также со стороны некоторых тюркских диалектов (куманского), ассимилированных болгарскими славянами на Балканском полуострове. Относительно адмиратива высказывалось мнение о его албанском происхождении (Вайганд). Другие авторы (В.Фидлер) считают появление адмиратива в албанском и балканославянских итогом длительных контактов этих языков в специфической балканской среде, не связывая его происхождение с одним каким-либо языком и подчеркивая, что следы отмеченной общности теряются в глубоком тылу собственной языковой семьи. В тюркских языках значение адмиратива отмечено, в частности, в турецком; из балканских он известен только албанскому и болгаро-македонскому (впрочем, по свидетельству Вакернагеля, сходное с адмиративом значение в греческом передается формами имперфекта). Поскольку значение адмиратива в болгарском выражается теми же формами, которые входят и в состав парадигмы пересказывания, причем не вызывает сомнения генетическое единство этих форм (некоторые лингвисты поэтому вообще не разграничивают этих форм, считая адмиратив одним из случаев употребления ПФ), встает проблема, которая до сих пор обходится молчанием в трудах исследователей, как совместить высказывавшиеся мнения о происхождении в нем этих двух категорий. По-видимому, лишь изучение последовательности изменений системы глагола, выявление наиболее ранних стадий процесса позволит уточнить характер и источники влияния и придти к приемлемой объяснительной гипотезе. В настоящем докладе содержится попытка осмысления некоторых известных нам фактов болгарского языка, которые, как представляется, отчасти проливают свет на данную проблему.

2. Развитие интересующих нас категорий в болгарских диалектах проходило неравномерно. Так, в говоре банатских болгар-переселенцев из северо-западной и средней северной Болгарии, отделившемся от общebolгарской языковой территории в конце XVIII — начале XVIII в., названные категории не развились. В то же время в одном из восточно-болгарских (балканских) говоров, отраженном в новоболгарских дамаскинах, восходящих к первооригиналу начала XVII в., представлена уже довольно развитая парадигма форм для выражения действий плана прошлого, известных говорящему со слов других (ПФ типа: *писал, бил писал, щял да пише*), а также парадигма форм для выражения действий плана прошлого по умозаключению говорящего (КФ типа: *писал е, бил е писал, щял е да пише*). Благодаря этому совпадающие с ними по темпоральному значению формы аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, будущего в прошедшем втянуты в сферу действия категории, оценивающей степень очевидности высказывания путем указания на характер осведомленности говорящего

о действии (для ее названия подошел бы термин Evidential, предложенный Якобсоном). В сложившейся трехступенчатой оппозиции $\text{ПФ} \sim_{\text{пр}} \text{НПФ} \sim_{\text{пр}} \text{КФ}$ крайние члены выступают каждый как носители релевантного модального признака (осведомленность о действии по чужим словам, осведомленность о действии путем умозаключения по каким-то следам о его наличии в прошлом), порознь противопоставляющего их среднему члену как немаркированному. Поэтому собственным значением $\text{НПФ}_{\text{пр}}$, т.е. значением, которое могут выразить только эти формы, становится обозначение действия, известного говорящему из непосредственного наблюдения.

Те же различительные признаки лежат в основе разграничения т.наз. "очевидных" и "неочевидных" времен в турецком и др. тюркских языках. По словам Вайганда, в языке населения албанских городов, где турецкое влияние было особенно сильным, отмечается употребление аориста для выражения действия, очевидцем которого говорящий был, в противоположность сложному перфекту, обозначающему действие, известное говорящему понаслышке, по сообщению, по предположению, однако полного развития это явление не получило.

Оппозиция $\text{ПФ} \sim \text{НПФ} \sim \text{КФ}$ в языке XVII в. реализуется в высказываниях, коммуникативным заданием которых является информация о факте прошлого, очевидцем или неочевидцем которого говорящий мог быть и это неизвестно собеседнику. Случаи употребления ПФ в контексте сообщения о сообщении не отмечены. Сам состав ПФ по сравнению с современным литературным языком также ограничен. Отсутствует причастие на -л от основы имперфекта и соответственно формы, включающие его в свой состав. ПФ для имперфекта совпадает с ПФ для аориста. Нет ПФ для настоящего, будущего времени, перфекта и повелительного наклонения, а также эмфатических ПФ. Это свидетельствует о том, что в письменности XVII в. отражен один из ранних этапов становления ПФ в болгарском языке. Следующим этапом можно считать систему некоторых западных говоров, в которых также отсутствует причастие от основы имперфекта, однако уже представлены ПФ для презенса, футурума и перфекта. Далее на оси последовательности могут быть помещены говоры восточные, развившие специальное причастие на -л от основы имперфекта, и, наконец, как наиболее продвинутая, — система современного болгарского литературного языка.

3: В языке дамаскинов XVII в. находим случаи употребления перфектных форм (с опущением в 3 лице ед. и мн. числа вспомогательного глагола) с темпоральным значением настоящего времени при выражении особого эмоционального отношения к высказыванию о действии, о котором говорящий только что неожиданно для себя узнал или услышал и которое вызвало у него чувство удивления. В значении этих форм во втором из отмеченных случаев релевантный семантический признак, свойственный адмиративу, фактически сочетается с признаком ПФ (осведомленность о действии по чужим словам). Характерно однако, что выбор этих форм при построении высказывания обусловлен (как и в первом случае чистого адмиративного значения) именно потребностью выразить чувство удивления от неожиданного открытия, а отнюдь не уточнить источник осведомленности о действии.

Восприятие второго признака как доминантного, по-видимому, могло явиться путем становления ПФ для настоящего времени. О том, что развитие здесь, видимо, шло от адмиративного значения к пересказывательному (а не наоборот, что можно было бы объяснить случайностью зафиксированного в дамаскинах материала) свидетельствует албанский язык, в котором адмиратив (примеры его употребления отмечены уже в письменности XVII в.) и в настоящее время выражает "целую шкалу возрастающе комментативных (т.е. пересказывательных—Е.Д.) и одновременно убывающе адмиративных значений" (Фидлер), вершиной которой можно считать употребление форм адмиратива в повествовательном контексте эпических песен северной Албании, однако его выбор никогда не обусловлен необходимостью передать собственно пересказывательное значение. Заслуживающим внимания представляется само совпадение функций адмиратива в болгарском языке XVII в. (при отсутствии ПФ настоящего времени) с состоянием, на котором остановилось развитие в современном албанском языке.

4. Появление ПФ для времен плана настоящего и будущего ($\text{ПФ}_{\text{нб}}$) внесло существенные изменения в нарисованную картину. В контексте сообщения о большинстве фактов плана настоящего и обо всех фактах плана будущего несущественна или вооб-

ще невозможна свидетельская ~ несвидетельская позиция говорящего по отношению к действию. Отсутствие КФ для действий плана настоящего и будущего свело оппозицию к противопоставлению ПФ_{нб} ~ НПФ_{нб}, в которой маркированными по-прежнему оставались ПФ. Однако существо этой оппозиции иное: релевантным признаком становится подчеркнутая ссылка на чужие слова. При определенном лексико-семантическом наполнении и коммуникативном задании высказывания употребление ПФ становится достаточным для придания высказыванию характера сообщения о сообщ^{нб}ении. Создается новая оппозиция НПФ ~ ПФ, в которую втягиваются и времена плана прошлого, также ПФ для императива. Существо этой оппозиции и соответственно новой семантической категории состоит в указании на принадлежность первичной оценки отношения действия к действительности. ПФ представляют действие как такое, первичная оценка которого принадлежит другому лицу, НПФ или не несут указания на принадлежность первичной оценки или указывают на то, что первичная оценка отношений действия к действительности принадлежит самому говорящему. ПФ становится морфологическим средством выражения мысли "сообщение о сообщении", которая в других языках передается обычно лексико-синтаксическими средствами. По существу, это их значение и является собственно "пересказывательным".

Употребление ПФ (в том числе и для действия плана прошлого) становится одинаково возможным как при объективно несвидетельской, так и при объективно свидетельской позиции говорящего, поскольку названная сторона мысли о действии не участвует в формировании данной оппозиции. Оппозиция НПФ ~ ПФ осложняется появлением особых форм эмпатического пересказывания для всех времен (ЭПФ). В привативной оппозиции с ПФ эти формы маркированы по признаку отрицательного отношения говорящего к содержанию сообщаемого по чужим словам. Наряду с оппозицией НПФ ~ ПФ ~ ЭПФ, в контекстах сообщения о самом факте плана прошлого по-прежнему, как своеобразный след прошлог о настоящем, действует оппозиция ПФ ~ НПФ ~ КФ, связанная со свидетельской ~ несвидетельской позицией говорящего по отношению к сообщаемому и оценивающая степень очевидности высказывания. ПФ_{пр} и НПФ_{пр} в современном болгарском литературном языке участвуют, таким образом, в двух различных по своей сущности, связанных с различными синтагматическими моделями оппозициях. Конституирующими значение каждой из форм оказываются два различных модальных признака, совмещающихся на уровне кода в одном лингвистическом знаке. При функционировании этого знака в речи в зависимости от коммуникативного задания высказывания (сообщение о самом факте действительности, сообщение о сообщении) актуализируется один из этих признаков. Иными словами, ПФ и НПФ являются типичными представителями класса грамматических единиц (Есперсен, а затем Якобсон предложили называть их шифтерами), значение которых не может быть определено без ссылки на сообщение. Различие в значении ПФ в зависимости от участия в одной из оппозиций: ПФ ~ НПФ ~ КФ (по признаку: характер осведомленности о действии) или НПФ ~ ПФ ~ ЭПФ (по признаку: принадлежность первичной констатации действия), на наш взгляд, прослеживается и при анализе отношений между кодом и сообщением, принципиально различных в каждом из случаев: в первом — код, ссылающийся на сообщение, во втором — сообщение с помощью кода, отсылающее к другому сообщению. Это различие не учитывается другими исследователями, в частности, Якобсоном. Сведение оппозиции к одному из признаков в известной мере, видимо, и явилось причиной многолетних споров по вопросу, что существеннее в значении ПФ: выражение действия как такого, очевидцем которого говорящий не был, или собственно пересказывание чужих слов в противоположность прямому высказыванию.

5. Итак, развитие модальных категорий болгарского глагола характеризуется не только хронологически-территориальной неравномерностью, но и неравномерностью появления конкретных инноваций, преобразовывавших систему формально-семантических оппозиций в рамках индикатива. В результате одни и те же генетически формы в современном языке совмещают в своем значении на уровне кода различные релевантные признаки и определяющим их значение в речи становится само участие в той или иной синтагматической модели и состав охваченных оппозицией парадигм. Сложившаяся в современном болгарском языке картина не имеет себе полного соответствия ни в турецком языке, ни в других тюркских языках (если считать, что они достаточно адекватно описаны), хотя на более ранних этапах движения системы

и для некоторых современных оппозиций эта связь безусловно обнаруживается. Наличие албано-балканославянских параллелей свидетельствует о том, что объяснение происхождения рассмотренных модальных категорий глагола, видимо, разумно искать во всей сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове, а не только непосредственно в болгаро-турецком билингвизме.

А.П.Сытов

ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ БОЛГАРСКОГО, НОВОГРЕЧЕСКОГО И АЛБАНСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Типология видо-временных систем балканских языков не принадлежит к числу традиционно выделяемых языковых балканизмов. В основу теории балканского языкового союза положены те черты грамматической и лексической структуры различных языков Балканского полуострова, которые являются для них специфическими и в своей совокупности не обнаруживают типологических параллелей с другими индоевропейскими языками. В этом смысле отнесение к числу балканизмов общих особенностей строения и функционирования видо-временных систем болгарского, новогреческого и албанского языков может показаться спорным и требует специального обоснования.

2. Методической базой сопоставительного изучения видо-временных систем болгарского, новогреческого и албанского языков, конечная цель которого – установление специфики этих систем, являются общие для составляющих их форм структурные и функционально-семантические признаки, исследуемые на основе принципов типологии (в том числе диахронической) в ее формальном и содержательном аспектах.

3. Видо-временные системы современных болгарского, новогреческого и албанского языков представляют собой результат исторического развития некоторого, принимаемого за исходное, состояния, в основе которого лежат данные ближайшей реконструкции общиндоевропейского языкового состояния. Этот процесс, основное содержание которого составляли редукция и разложение индоевропейской видовой системы, а также рост грамматических значений относительного времени, был в принципе сходным во всех ветвях индоевропейских языков. Однако при совпадении общих тенденций развития видо-временных систем различными были его темпы в отдельных языках. В ходе дальнейшего развития в глагольных системах большинства индоевропейских языков (в том числе славянских) происходят определенные семантические и структурные сдвиги, сопровождаемые ослаблением (вплоть до полного разложения) групп аналитических относительно-временных форм. В этом отношении примечательно сравнение болгарского с другими (небалканскими) языками славянской группы.

4. В плане формальной структуры к общим чертам видо-временных систем болгарского, новогреческого и албанского языков следует отнести прежде всего флективно-суффиксальный способ образования простых временных форм и сохранение грамматического противопоставления основ аориста и презенса. (Это, в целом реликтовое явление, наиболее отчетливо представлено в новогреческом языке). Кроме того, сходство глагольной морфологии этих языков проявляется при сопоставлении моделей образования сложных временных форм (будущее время и времена группы перфекта).

5. В плане содержания типологически релевантным является характер отношений и набор различительных признаков форм времени. Семантические отношения форм, составляющих сложные, многоярусные видо-временные системы в болгарском, новогреческом и албанском языках, строятся на основе противопоставлений по четырем грамматическим признакам:

а) по отношению к моменту речи все времена делятся на настоящее, прошедшее и будущее.

б) внутри подсистем прошедшего и будущего различаются формы, выражающие абсолютное или относительное временное значение.

в) между формами относительного времени устанавливаются различия по временному признаку – признак относительной хронологии действий.

г) между формами абсолютного времени выявляются различия по виду – по признаку завершенности/незавершенности.

6. Специфика видо-временных систем болгарского, новогреческого и албанского языков во многом определяется тем, что в них унаследованные формы аориста, имперфекта и презенса, сохраняющие некоторые формальные и семантические характеристики, возводимые к древнему состоянию, являются компонентами сложной системы, в составе которой сохраняются также более поздние по образованию аналитические формы относительного времени. В свою очередь, тот факт, что общими формальными и семантическими признаками в области видо-временных систем характеризуются языки, как известно, не связанные между собой ближайшим генетическим родством, позволяет предполагать наличие внутренних, специфически балканских истоков современного состояния.

В.Ю. Розенцвейг

О СИНТАКТИКЕ ГЛАГОЛОВ И СИНТАКСИСЕ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1. Как известно, в современном румынском языке придаточному предложению с союзом *să* (са...*să*) и глаголом в личной форме в конъюнктиве соответствует синтаксически (и семантически) конструкция с инфинитивом в качестве прямого дополнения. Это грамматическое правило обусловлено синтаксическими свойствами управляющего глагольного слова. Так, наряду с *eu pot (încerc, încerc) să cânt* 'возможно *eu pot (încerc, încerc) a cânta* 'я могу (начинаю, пытаюсь) петь', но *eu vreau (trebuie, cer, fac, las) să cânt* 'я хочу (должен, прошу, заставляю, разрешаю) петь', а не **eu vreau (trebuie, cer, fac, las) cânta*. Есть, наконец, некоторые глаголы, которые вводят, как правило, придаточное, но в письменно-литературном языке употребляются и в инфинитивной конструкции, в особенности с предлогами *de, prin, pentru*. (См. примеры в I. Iordan. *Limba română contemporană, București, 1956, стр. 417-419*). Подобный параллелизм, обусловленный синтактикой управляющего глагола, существует и между придаточными, вводимыми союзами *cum* или *să*, и конструкциями с герундием. Ср.: *aud să cântîi (aud cum cântîi) - te aud cîntînd* 'слышу, что (как) ты поешь'; *cred să plecîi* 'полагаю, что ты уезжаешь', но не **te cred plecînd*.

2. Рассматриваемые синтаксические вариации в их сцеплении со словарем можно лингвистически описать по крайней мере двумя способами:

(а) указать в словаре при соответствующих глаголах и других предикатных словах, что они допускают управление как придаточным предложением, так и инфинитивом (или герундием), а в грамматике сформулировать правила, задающие соответствие между управлением глагола (предикатного слова) и синтаксическими связями придаточного предложения и инфинитивной конструкции, с одной стороны, и между этими связями и выражаемыми ими глубинно-синтаксическими отношениями, с другой стороны;

(б) указать в словаре при соответствующем предикатном слове лишь основное управление и признак, по которому этот глагол объединяется с другими глаголами в класс, которому свойственно двойное управление, а в грамматике указать правила соответствия между управлением, указанным в словаре, и вторым управлением (например, инфинитивной конструкцией), а так же те же сведения о соответствии между управлением глагола и синтаксическими связями и отношениями, что и при (а).

Традиционно принят первый из этих двух способов описания. Так, академический словарь современного румынского языка регулярно отмечает двойное управление при таких глаголах как *a putea, a încerca, a încerca* или же допустимость инфинитивного управления глаголов типа *a ști* 'знать', а академическая грамматика румынского языка, описывая, например, прямое придаточное предложение, указывает, что оно управляется глаголом, при котором оно выполняет функцию прямого дополнения, и что такому предложению соответствует инфинитивная конструкция. Однако, делается это не явно и не полно.

В терминах модели "смысл \longleftrightarrow текст", предложенной И.А. Мельчуком, первый из двух рассматриваемых способов сцепления словаря с грамматикой может быть представлен более четко. В словаре, при предикатном слове, указывается его модель управления, включая ее модификации. Так, при *a putea* 'мочь' имеем две модификации:

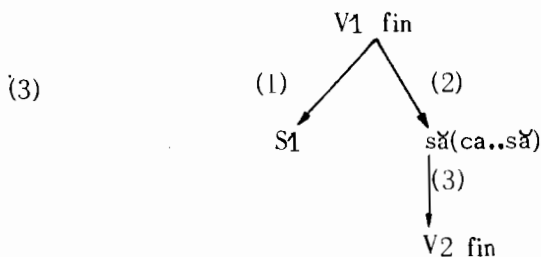
Mod 1	
M1	M2
S	Să(ca .. să) + compl.

Mod 2	
M1	M2
S	V.inf

Тем самым указываем в первой модификации, что первое место глагола может заполняться лишь существительным (S), а второе – лишь придаточным, вводимым союзом să или ca... să, а во второй модификации, соответственно, лишь существительным и глаголом в инфинитиве. Здесь же, в словаре, указываем, что имеет место соответствие между базовой глубинно-синтаксической структурой (1) и глубинно-синтаксической структурой (2):

т.е. задаем эквивалентность субъектных (первая стрелка) и объектных (вторая стрелка) отношений, выражаемых в предложениях, в которых реализуются первая и вторая модификации глагола а putea. В грамматике формулируются правила соответствия каждой из двух моделей управления поверхностно-синтаксическому дереву: управлению, представленному в Mod 1 соответствует дерево зависимостей (3)

(т.е., между управляющим глаголом главного предложения (V1 fin) и его подлежащим имеет место предикативная связь (первая стрелка), между этим же глаголом и союзом să (или ca..să) – прямая (первая) комплетивная связь (стрелка 2), а между să(ca..să) и глаголом в личной форме – союзная связь), а управлению, представленному в Mod 2, соответствует дерево (4)

В грамматике же задается соответствие между деревом (3) и базовой глубинно-синтаксической структурой (1) и между деревом (4) и глубинно-синтаксической структурой (2), т.е. устанавливается соответствие между синтаксическими связями, оформленными в предложении и их глубинно-синтаксическими (и в какой-то мере и семантическими) отношениями.

Второй способ описания рассматриваемой здесь связи между словарем и синтаксисом может быть представлен, в терминах той же модели, следующим образом. В словаре указывается лишь основная модель управления, например для а putea:

M1	M2
S	să(ca..să) + compl.

Сверх того указывается, что глагол принадлежит к некоторому классу глаголов, обладающих определенным синтаксическим признаком (например, что *a putea* может иметь двойное управление). В грамматике задается правило соответствия между приведенной в словаре моделью управления и ее модификацией, причем указывается, что — для *a putea* — $M1(\text{Mod}1) = M1(\text{Mod}2)$, $M2(\text{Mod}1) = M2(\text{Mod}2)$. Здесь же, в грамматике, приводятся сведения о соответствии модели управления — поверхностно-синтаксическому дереву и последнего — глубинно-синтаксическому дереву.

Очевидно, что указанное различие в представлении синтаксических свойств глагола и предложений, в которых он используется, проявится и в различных правилах анализа и синтеза. При первом способе описания анализ и синтез будут существенно опираться на словарные сведения. Так, при анализе предложений *eu pot să cînt* и *eu pot cînta* указание в словаре на две модификации модели управления глагола позволит построить поверхностно-синтаксическое дерево каждого из них, а от него перейти к глубинно-синтаксическому дереву.

При втором способе описания построение поверхностно-синтаксического дерева инфинитивного предложения, исходя лишь из словарных сведений, невозможно, так как в словарь, при этом способе описания, не включается информация о способности глагола управлять инфинитивом. Приходится исходить из сведений о синтаксическом признаке, свойственном глаголам этого класса. Эта информация позволит обнаружить в грамматике правило построения второй модификации модели управления из первой, и затем выявить синтаксическую структуру инфинитивной конструкции. *Mutatis mutandis*, сказанное верно и относительно синтеза.

Итак, имеются два способа лингвистического описания синтактики слова и синтаксических правил, использующих эти сведения при анализе и синтезе предложения. Оба эти способа сходятся в отделении описания словаря от описания грамматики языка. Разнятся они, однако, причем существенно, в понимании связи между словарем и грамматикой. В пределах обсуждаемого нами вопроса и рассматриваемого материала это различие заключается в следующем.

Первое описание опирается, в основном, на словарь, сообщая здесь информацию, необходимую при обращении со словом в ходе построения и разбора предложения. Второе опирается на грамматику, сообщая здесь информацию, требующуюся для анализа и синтеза предложения, включая и сведения о синтаксических свойствах слов, используемых в предложении. Таким образом, сведения, даваемые при первом способе описания в словаре, служат фильтром для применения грамматических правил, использующих эти сведения, а при втором способе описания эти сведения ("фильтры") включают в грамматику, оставляя в словаре лишь помету, служащую для обращения к грамматическим правилам. Весьма существенно, что при втором способе описания сведения о синтаксических свойствах слов даются обобщенно, в терминах классов слов, что не только весьма затрудняет работу лингвиста, составляющего такого рода описание, но неизбежно влечет за собой неполноту описания: лингвист может описать синтаксические свойства каждого данного слова в отдельности; но перечислить исчерпывающим образом все словарные единицы, синтаксические свойства которых удовлетворяют условиям, необходимым и достаточным для применения грамматических правил, лингвист вряд ли может без специальных исследований¹.

Выбор между перегрузкой словаря сведениями о синтаксических свойствах слов (и в этой мере разгрузкой грамматики) и перегрузкой грамматики сведениями и пра-

¹ Показательно, что авторам трансформационных грамматик, представляющих, в идеале, второй тип описания, не удается задавать все сведения о синтаксических свойствах слов, ограничивающих правила порождения.

вилами, касающимися этих свойств (и в этой мере разгрузкой словаря) может определяться и тем, насколько эти свойства индивидуальны: очевидно, что наличие большого числа классов слов значительно осложнит грамматику.

Отметим, наконец, что первый способ описания хорошо согласуется с построением грамматики по тексту, моделирующим усвоение родного языка в детстве или же усвоение второго неродного языка: эвристическое выявление синтаксических правил может осуществляться лишь исходя из наблюдений над синтаксическим поведением слов, встречаемых в данном корпусе текстов, причем важен порядок поступления текстов. Объединение слов по общему синтаксическому признаку достигается лишь на продвинутом этапе построения грамматики.

3. Есть основание полагать, что вопросы операционного описания имеют существенно важное отношение к диахроническим описаниям, в особенности к описанию синтаксической конвергенции контактирующих языков. Так, можно утверждать, что вытеснение инфинитивной конструкции придаточным предложением может быть лингвистически описано лишь исходя из изменений синтаксических свойств глагольных слов, вводящих такого рода синтаксические построения. Конечно, допустимо описание этого изменения вторым из названных способов, а именно исключением из грамматик балканских языков (в частности – из румынского) правил, управляющих построением и разбором инфинитивных конструкций. Однако, оставляя здесь в стороне вопросы об экстралингвистических причинах такого изменения и о логике такого описания, трудно обойти два других вопроса: о постепенности этого изменения – начале и последующих этапах процесса – и о связи этого изменения с процессом языковых контактов. Обе задачи можно научно сформулировать и, надо полагать, разрешить, если подойти к рассматриваемому изменению со стороны словаря, учитывая особенности речевой коммуникации в условиях контакта. По сути дела многие конкретные исследования так и поступают; отмечается, во-первых, постепенное выпадение инфинитивных конструкций, причем порядок этого изменения – от конструкций винительного с инфинитивом в поздней латыни до инфинитивных конструкций, вводимых предикатными словами со значением 'мочь' в балканских языках – ставится в связь с синтаксическими (и семантическими) свойствами управляющего глагола и, во-вторых, ломка правил и норм контактирующих языков, вызванная упрощением правил построения и, в особенности, понимания высказывания в условиях контактов. Но и в подобных описаниях нередко проявляется непоследовательность и неэксплицитность. Для описания, теоретически основанного на тех же принципах, что и операционное синхроническое описание, требуется тщательное обследование балканских языковых памятников с точки зрения конгруэнтности изменения синтактики глаголов и синтаксиса инфинитивных и придаточных предложений, а также, разумеется, наблюдения над происходящими в наше время изменениями в этой области в балканских и "околобалканских" языках и диалектах¹. Представляют интерес, для выяснения общих закономерностей изменения контактирующих языков, креольские языки.

Л.А. Покровская

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА И БАЛКАНО-ТУРЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Гагаузский язык, как лингвистическое явление, интересен прежде всего своими особенностями, отличающими его от других тюркских языков, в частности, огузской группы, и объясняющимися историческими условиями развития этого языка. Как известно, гагаузы до конца XVIII в. жили в северо-восточной Болгарии среди болгарского, турецкого, греческого и другого населения Балкан. По работам В. Мошкова,

¹См.: P. Ivič. Les balkanismes naissants dans les parlars serbes du Banat. – CL, 1958, № 2, 222–235; М.А. Габинский, Этимология балканской утраты инфинитива в свете фактов сефардского языка. – RRL, 1969, № 6, 539–548; Л.А. Покровская. Об одном "балканизме" в гагаузском языке и в балкано-турецких диалектах. – ВЯ, 1972, № 3, 67–75.

Т.Ковальского, Г.Дёрфера, В.Зайончковского¹ можно судить о том, что говоры гагаузов, и поныне живущих в Болгарии, очень близки к соседним турецким говорам, хотя и не идентичны им. Замечено также, что турецкие и гагаузские говоры в Болгарии испытывают сильное воздействие болгарского языка, особенно в местностях с преобладающим болгарским населением. Следы болгарского влияния в турецких говорах отмечают Ю.Немет, Ж.Какук, Р.Моллов и М.Моллова, В.Гузев² и некоторые другие тюркологи.

В начале XIX в. большая часть гагаузов переселилась, вместе с частью болгар, в южную Бессарабию (Буджак), где гагаузы оказались изолированным тюркоязычным "островком" среди иноязычных народов (молдаван, болгар, русских, украинцев, цыган и др.). В такой неоднородной лингвистической среде гагаузский народно-разговорный язык развивается уже около двух столетий. Естественно, что в нем обнаруживаются специфические черты, свидетельствующие о глубоком проникновении иноязычных влияний как в лексику, так и в фонетический и грамматический строй. Наиболее заметные особенности наблюдаются в гагаузском синтаксисе, что впервые отметил Н.К. Дмитриев³.

Автором данного сообщения было проведено специальное исследование особенностей синтаксиса гагаузского языка, выявленных в процессе его описания. Исследование ставило своей задачей по возможности определить происхождение и причины возникновения этих особенностей, выявить пути и средства, использованные гагаузским языком в процессе развития синтаксических изменений, то есть попытаться восстановить процесс эволюции конкретных специфических черт гагаузского синтаксиса.

В известных нам немногочисленных работах по изучению иноязычных влияний в области синтаксиса тюркских языков⁴ обычно представлены статические результаты или следы этих влияний, установленные путем сопоставления определенных синтаксических конструкций изучаемого языка с соответствующими конструкциями влияющего неродственного языка (или языков), с одной стороны, и генетически родственного языка или группы языков, — с другой. Однако установление структурного сходства и различий сопоставляемых конструкций характеризует лишь первый этап исследования. Изучение синтаксических изменений в ретроспективном плане требует разработки специальной методики сопоставительного анализа. При исследовании развития синтаксических особенностей гагаузского языка нами сопоставлялись гагаузские конструкции с соответствующими конструкциями не только родственных (тюркских) и неродственных (болгарского, русского) языков, но и синонимичные гагаузские конструкции между собой, ибо, как показывает практика исследования, в про-

¹ В.А. Мошков. Турецкие племена на Балканском полуострове. "Известия Русского Географического общества", т. XL, СПб., 1904; T.Kowalski. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est. Kraków, 1933; G. Doerfer, Das Gagausische. "Philologiae turcicae fundamenta", t. 1, Wiesbaden, 1959; W.Zajaczkowski, Języki folklor gagauzów z Bułgarii, Kraków, 1966.

² J.Nemeth. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklor, Religion. Budapest, 1965; S.Kakuk. Constructions hypotactiques dans le dialecte turc de la Bulgarie Occidentale, "Acta Orient. Hung.", t. XI, fasc. 1-3, Budapest, 1960; R.Mollov et M.Mollova. Parlers turcs des Rhodopes de l'ouest du point de vue slavistique. "Балканско езикознание" XI, 1, Sofia, 1966; В.Г. Гузев. Описание турецкого говора села Крепча Тырговиштенского округа в Болгарии. "Балканско езикознание", V, 2, София, 1962.

³ Н.К. Дмитриев. Гагаузские этюды. В кн.: Н.К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 251.

⁴ Н.А. Баскаков. О некоторых типологических изменениях в синтаксисе современных тюркских литературных языков. Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Кононова, М., 1966; Он же, Дваязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков). В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия, М., 1972; К.М. Мусаев, Общепрофессиональное двуязычие и синтаксис родного языка. В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия, М., 1972.

цессе образования синтаксических инноваций в языке обычно сохраняются их исходные модели или хотя бы следы этих моделей. Таким образом, при исследовании особенностей гагаузского синтаксиса оказалось необходимым прибегнуть как бы к внутренней реконструкции определенных синтаксических моделей на материале современного гагаузского языка, поскольку гагаузский язык не имеет своих письменных памятников (письменность для гагаузского языка была введена в Молдавской ССР в 1957 г.).

Как показывают наблюдения, изменение синтаксических моделей и образование новых по иноязычным образцам происходит в языке посредством целого ряда грамматических элементов, определяющих структуру словосочетания и предложения. Такими определяющими элементами являются, очевидно, средства выражения синтаксических отношений между словами в предложении и между частями предложения. В языках мира выявлены, насколько нам известно, синтаксические средства следующих четырех типов: 1) морфолого-синтаксические средства (формы слов); 2) лексико-синтаксические средства (служебные слова, т.е. союзы, союзные слова, предлоги и послелоги, частицы и т.п.); 3) собственно-синтаксические средства (порядок слов); 4) просодико-синтаксические средства (ритмико-интонационное членение предложения).

В функционировании синтаксических средств всех четырех перечисленных типов важную роль играет лексико-семантическая сочетаемость слов в предложении.

Синтаксические средства названных четырех типов отражают органическую связь синтаксиса с другими уровнями языка (морфологией, лексикой, фонетикой) и в совокупности составляют как бы универсальную систему, реализующуюся по-разному в языках различных типов.

Во многих языках, в том числе в тюркских, славянских и романских (привлекаемых в нашем исследовании) используются в различной степени и соотношении синтаксические средства всех известных типов: и формы слов, и служебные слова, и порядок слов, и ритмико-интонационные средства. Это объясняется, по-видимому, некоторой типологической неоднородностью каждого языка, например, проявлением аналитизма в агглютинативных языках и т.п. Благодаря наличию в системе языка грамматических средств различных типов (что обусловлено сложностью процесса исторического развития грамматического строя языка) при интенсивном и длительном контактировании языков разных систем в них всегда обнаруживаются средства, способствующие проницаемости системы одного языка под воздействием другого.

Поскольку синтаксические средства, на наш взгляд, являются определяющими элементами структуры предложения и по своим типам сопоставимы в языках различного грамматического строя, они и были положены нами в основу исследования синтаксических особенностей гагаузского языка и балкано-турецких диалектов. Хотя в оформлении структуры предложения обычно участвуют различные синтаксические средства (например, формы слов, порядок слов и интонация одновременно), но в процессе исследования синтаксические средства каждого типа могут анализироваться отдельно. Тем самым наряду с конкретными синтаксическими изменениями выявляются и общие закономерности в изменении самих синтаксических средств. В частности, нас интересовал вопрос о том, что изменяется раньше, функция грамматической формы или ее значение, и т.п.

Среди морфолого-синтаксических средств гагаузского языка нами были выделены и проанализированы в сопоставительном плане особенности употребления повелительно-желательных форм глагола, инфинитива, причастий, деепричастий, отглагольных имен, некоторых падежных форм и послелогов, предикативного слова вар 'есть', 'имеется', одной из форм отглагольного прилагательного.

В разделе "Лексико-синтаксические средства" рассмотрены происхождение и особенности употребления ряда союзов и союзных слов, оформляющих связь подчиненной части предложения с главной.

Наконец, был проведен функциональный анализ порядка слов в гагаузском языке в его отношении к исторической роли порядка слов в развитии агглютинативного слоя тюркских языков.

Специальный анализ ритмико-интонационных средств гагаузского языка не мог быть нами проведен ввиду недостаточной изученности этих средств как в тюркских, так и славянских и романских языках. Удалось сделать лишь отдельные наблюдения,

касающиеся особенностей ритмико-интонационного членения предложения в гагаузском языке.

В результате анализа названных синтаксических средств гагаузского языка в составе определенных конструкций (с постоянным привлечением данных гагаузских и турецких говоров Болгарии, а также — некоторых турецких говоров Македонии) нами были сделаны следующие основные выводы:

1. Развитие синтаксических особенностей гагаузского языка, проявляющихся в грамматической структуре простого и сложного предложения, вызвано общей тенденцией гагаузского синтаксиса к построению предложения по моделям синтаксических конструкций, в основном, болгарского и русского языков, оказывающих наибольшее воздействие на гагаузский язык. Сближение структуры предложения гагаузского языка с таковой названных славянских языков достигается всеми имеющимися в языке средствами, служащими для выражения синтаксических отношений.

2. В изменении морфолого-синтаксических средств гагаузского языка обнаруживаются следующие закономерности:

а) под действием иноязычного влияния происходит изменение (расширение или сужение) функций отдельных глагольных или именных форм; эти изменения направлены к функциональному сближению данных форм с соответствующими им в плане содержания формами неродственных языков.

б) Функциональные изменения отдельных словоформ, достигающие системного уровня, могут переходить в органические, субстантные изменения, проявляющиеся как на уровне синтаксиса, так и на уровне морфологии.

в) Наряду с процессом изменения морфолого-синтаксических средств в гагаузском языке наблюдается и сохранение древних функций отдельных морфологических показателей, что объясняется сохранением в гагаузском языке некоторых архаических конструкций благодаря наличию идентичных синтаксических моделей в соседних, контактирующих с ним языках.

Приведенные положения могут быть проиллюстрированы образованием новых структурных типов сказуемого в гагаузском языке, несвойственных другим тюркским языкам.

1) Под влиянием конструкций с конъюнктивом болгарского и других балканских языков в гагаузском языке (и балкано-турецких диалектах) значительно расширились функции повелительно-желательных форм глагола, сблизившись с функциями конъюктива болгарского языка. Эти функциональные изменения привели к органическому изменению на уровне морфологии — образованию в гагаузском языке сослагательного наклонения (конъюктива) на базе желательного наклонения. Активное употребление конъюктива способствовало вытеснению им ряда других глагольных форм вплоть до полного исчезновения некоторых из них или преобразования их морфологического статуса, а именно:

а) Употребление конъюктива в роли инфинитива с глаголами, выражающими модальные значения отношения к действию, способствовало утрате отглагольным именем на -мак, -мак функций инфинитива (которые оно выполняет в южнотюркских языках) и привело к полной его субстантивации в гагаузском языке.

б) Образование аналитических конструкций с конъюнктивом, выражающим наличие или отсутствие условий для осуществления действия, повлекло за собой полное исчезновение причастноименных конструкций с этими значениями, построенных на притяжательной связи (типа: форма на -ажак с аффиксами принадлежности + слова шей 'вещь', 'что', ер 'место' и т.п. + вар 'есть'/йок 'нет').

в) Образование аналитических конструкций с конъюнктивом, выражающих модальные значения возможности, невозможности, долженствования, привело к ограничению в употреблении форм возможности (типа йазабилмаа 'мочь писать'), невозможности (типа йазамамаа 'не мочь писать') и почти полному исчезновению долженствования того наклонения (формы на -малы, -мели).

г) Употребление конъюктива прошедшего времени (формы на -айды, -эйды, -ейди) в функций форм прошедшего времени условного наклонения (на -сайды, -сейди) привело к полному исчезновению этих форм условного наклонения, утративших свою функцию.

Таким образом, развитие конъюктива в гагаузском языке вызвало значительные изменения в системе косвенных наклонений и модальных аспектов глагола.

Употребление гагаузского конъюнктива в функции инфинитива и образование в связи с этим аналитических конструкций с конъюнктивом, выражающих различные модальные значения, привело к органическим изменениям и на уровне синтаксиса — к образованию новых структурных типов составного сказуемого.

а) Образовалось составное глагольное сказуемое, состоящее из глагола в индикативе (выражающего отношение к действию) и глагола в конъюнктиве (выполняющего функцию субъектного инфинитива), типа истеерим гидейим 'хочу пойти' (досл. 'хочу, чтобы я пошел'). Сказуемое этого типа образовалась путем выпадения союза *ки* между сказуемыми главной и подчиненной частей предложения (типа истеерим *ки* гидейим...) и стяжения данной подчинительной конструкции в простое предложение.

б) Образовалось составное глагольное сказуемое, состоящее из аналитической конструкции со значением наличия или отсутствия условий для выполнения действия, возможности, невозможности, и глагола в конъюнктиве:

вар/йок не алайым 'мне есть что / нечего взять' (досл. 'есть / нет что взял бы я'); вар/йок нижӓ алайым 'могу / не могу взять' (досл. 'есть / нет как взял бы я').

в) В связи с образованием аналитической формы долженствования, состоящей из модального слова лӓӓзым 'необходимо', 'нужно' и глагола в конъюнктиве, появилось и составное глагольное сказуемое типа лӓӓзым алайым 'я должен взять' (досл. 'должно, чтобы я взял').

Сказуемое типов б) и в) также образовалось путем стяжения сложноподчиненного предложения в простое¹.

2) Под влиянием инфинитивных конструкций русского языка в гагаузском произошло расширение синтаксических функций отглагольного имени на *-мак*, *-мак* в дательном падеже (формы на *-маґа*, *-меґӓ*), которое привело к образованию новой грамматической формы в системе гагаузского глагола — неизменяемого инфинитива на *-маа*, *-маӓ*. Образование неизменяемого инфинитива отразилось на синтаксическом уровне в образовании нового структурного типа сказуемого, состоящего из глагола в индикативе со значением начала, окончания или продолжения действия или глагола, выражающего отношение к действию, и глагола в инфинитиве, типа: а) чек-едерим окумаа 'начинаю читать', б) истеерим алмаа 'хочу взять'.

Инфинитивные конструкции постепенно вытесняют синонимичные им "балканские" конструкции с конъюнктивом, так как гагаузский язык Молдавии и Украины уже около двух столетий развивается вне балканского языкового арала.

3) В гагаузском языке весьма употребительна конструкция типа йанашмыш чобан 'нанялся пастухом', ишлеер тракторист 'работает трактористом', койдулар ону бригадир 'назначили его бригадиром' и т.п. Она представляет собой сочетание глагола с именем существительным в основном (безафиксальном) падеже, выступающем в предикативной функции. На основании этого нами выделяется в гагаузском языке структурный тип составного именного сказуемого с полнозначным глаголом в роли связки (ср. составное именное сказуемое с творительным предикативным в русском языке).

Сочетание глагола с предикативным дополнением в основном падеже зафиксировано в древнетюркских рунических памятниках VIII в., в памятнике староузбекского языка XVII в. и др., а в современных тюркских языках употребляется обстоятельственная конструкция, т.е. между глаголами и именем в основном падеже помещается деепричастная форма служебного глагола *ол-/бол-* 'быть' (оларак, олуп/болуп 'будучи'), типа тур. *muallim olarak işliyor* 'он работает учителем'. Сохранение в гагаузском языке архаической конструкции с именем существительным в основном предикативном падеже (без деепричастия от глагола *ол-*) объясняется, по нашему предположению, тем, что идентичная конструкция имеется в болгарском языке, например, той се глави ратаи 'он нанялся батраком'; Избраха го народен представител 'его выбрали депутатом' и т.п. По-видимому, под влиянием этой болгарской модели в гагаузской конструкции исторически произошло и изменение порядка ее компонентов, т.е. имя существительное из препозиции к глаголу, обычной для тюркских языков, перешло в постпозицию (например, чобан йанашмыш > йанашмыш чобан 'нанялся пастухом').

¹ Подробнее см.: Л.А. Покровская, Об одном "балканизме" в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах. — ВЯ, 1972, № 3.

В гагаузском языке образовались различными путями и другие типы составного сказуемого, и образование их по иноязычным моделям продолжается в современном гагаузском языке.

В данном исследовании выявлены некоторые закономерности и в изменении лексико-синтаксических средств (служебных слов), и чисто синтаксического средства (порядка слов) гагаузского языка, которые будут изложены в предлагаемом сообщении.

При изучении иноязычного влияния в синтаксисе и морфологии различных языков анализ использования отдельных грамматических форм и служебных слов в составе определенных синтаксических конструкций¹ проводится в работах и некоторых других авторов, в частности, В.С. Расторгуевой¹, рассматривающей следы узбекского влияния в таджикских говорах, Т.П. Ильяшенко² на материале молдавско-русских языковых контактов, И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко³ на материале русских говоров на территории Прибалтики и Карелии. Представляется однако, что сопоставительный анализ материала контактирующих языков на основе всей системы синтаксических средств, имеющихся в данных языках, может дать еще более эффективные результаты в области исторического изучения иноязычных влияний на уровне синтаксиса и морфологии.

И.И. Воронина

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОГЛАСОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Синтаксические связи слов являются одной из центральных проблем в современной синтаксической науке. В целом, исследования в области подчинительных синтаксических связей идут по пути детализации общепринятых типов подчинительных связей (согласование, управление, примыкание)⁴ и специальных языковых показателей, использующихся в том или ином языке в качестве средств выражения синтаксической связи. Последний из названных аспектов представляет особую важность, ибо позволяет определить особенности синтаксического строя языка, его "национальную специфику"⁵.

2. В настоящем докладе речь пойдет об одной из особенностей албанской синтаксической системы — о тех формально-грамматических средствах, с помощью которых в албанском языке передаются "чисто внутренние отношения"⁶: отношения между предметом и его признаком. Автор полагает, что полученные результаты могут представлять интерес не только с точки зрения проблем частного албанского синтаксиса, но

¹ В.С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, стр. 129, 146.

² Т.П. Ильяшенко. Языковые контакты на материале славяно-молдавских отношений. М., 1970.

³ И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко. К вопросу о проницаемости синтаксической системы говоров при возможности иноязычного влияния. "Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка". Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.

⁴ А.Е. Михневич. Некоторые вопросы изучения синтаксических связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов. — ВЯ, 1958, № 5.

⁵ В.В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетаний. — ВЯ, 1954, № 3.

⁶ О характере смысловых отношений между компонентами атрибутивно-адъективного словосочетания см., например: А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. 1-2, изд. 2, Харьков, 1888, стр. 99; В.Г. Адмони. Структура групп существительного в немецком языке. Уч. Зап. ЛГПИИЯ, Нов. сер., вып. 1, 1954.

и в плане балканского синтаксиса – для типологических сопоставлений описанных албанских языковых фактов с аналогичными явлениями в других балканских языках.

3. В качестве метода исследования избран метод описания и сопоставления двух типов атрибутивно-адъективных словосочетаний, существующих в современном албанском языке (*njeriu i edukuar* ‘воспитанный человек’; *njeriu fanatik* ‘отсталый (фанатичный) человек’). Анализ каждого из них в отдельности и сопоставление друг с другом позволяет более четко представить сходство и различие указанных синтаксических единиц с точки зрения принципов их организации и особенностей функционирования в современном языке.

4. В конструкции I типа (*njeriu i edukuar*) в качестве формальных средств выражения синтаксической связи согласования выступают следующие:

а) проклитический артикль прилагательного – особый грамматический префикс, являющийся средством грамматического уподобления большинства албанских прилагательных в роде, числе и падеже (Ср. *i edukuar* – *e edukuar* ‘воспитанный’, ‘воспитанная’; *i edukuar* – *të edukuar* ‘воспитанный’, ‘воспитанные’, м.р.; *i edukuar* – им.п.; *e, të edukuar* – вин. п.; *të edukuar* – род.п., дат.п., отл. п.);

в) совокупность артикля и аффиксов (родовой –*e*, числовой –*a*), которую можно рассматривать как единую, но позиционно расчлененную морфему. Расположенные дистантно, препозитивный артикль и постпозитивные аффиксы –*e*, –*a* только в их единстве выступают как средство согласования (ср. *i lezetshëm* – *e lezetshme* ‘приятный’, ‘приятная’; *të edukuar* – *të edukuara* ‘воспитанные’ (м.р.), ‘воспитанные’ (ж.р.);

с) местоположение компонентов атрибутивно-адъективного сочетания. Зависимый компонент следует за ядерным словом (*njeriu i edukuar*) – прямой порядок; зависимый компонент предшествует ядерному слову (*i edukuar njeri*) – обратный порядок;

д) флексия. С порядком слов в адъективном словосочетании связано особое синтаксическое явление – падежная монофлексия. В современном албанском языке флективно оформляется только инверсированное прилагательное. (Ср. *i edukuari njeri* – им.п.; *të edukuarin njeri* – вин.п.; *të edukuarit njeri* – род., дат., отл. п.). В качестве падежных показателей здесь выступают два грамматических средства: препозитивный артикль и флексия прилагательного. При таком построении словосочетания ядерное слово выявляет свою синтаксическую форму через согласующийся компонент.

5. Подчинительная синтаксическая связь в конструкциях II типа выступает в ином виде. В качестве средств выражения синтаксической связи здесь могут быть названы следующие:

а) специальные аффиксы, которые являются средством согласования прилагательных по роду и числу. (Ср. *romantik* – *romantike* ‘романтический’, ‘романтическая’; *zëmërbardhë* – *zëmërbardha* ‘добрая’, ‘добрые’; *qyqar* – *qyqare* ‘несчастный’, ‘несчастные’);

в) порядок размещения компонентов словосочетания. Он полностью совпадает со словопорядком в адъективной конструкции I типа;

с) связанное с порядком слов особое структурное средство – монофлексия. Синтаксическая форма компонентов словосочетания как при прямом, так и при обратном порядке словорасположения формально выявляется в первом компоненте, независимо от функции, выполняемой им в составе словосочетания. Второй компонент словосочетания и в том и в другом случае в отношении падежа остается формально неизменяемым. (Ср. прямой порядок слов: *djali besnik* ‘верный юноша’ – им.п.; *djalin besnik* – вин.п.; *djalit besnik* – род., дат., отл.п.; обратный порядок: *besniku djal* – им.п.; *besnikun djal* – вин.п.; *besnikut djal* – род., дат., отл.п.).

6. Синтаксический анализ адъективных конструкций обоих типов показал, что принципиальное различие между ними состоит: во-первых, в средствах выражения синтаксической связи; во-вторых, в характере падежного (синтаксического) согласования.

Адъективные словосочетания, равноправные с точки зрения передаваемых смысловых отношений (отношения между предметом и признаком), противопоставляются, таким образом, по способу выражения атрибутивной связи. Для синтаксической организации атрибутивных словосочетаний албанский язык использует целую серию разнообразных грамматических приемов.

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ РУМЫНСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ С КОНЪЮНКТИВОМ В АСПЕКТЕ БЯС

1. Один из основных балканизмов, так называемый балканский конъюнктив, в румынском представлен конструкцией $S\check{a} + V_f$.

2. В румынском, максимально по сравнению с другими балканскими языками, распространены конструкции, которые можно интерпретировать как трансформы конъюнктива на грамматическом уровне (лексико-семантические, стилистические и другие ограничения в данном случае не рассматриваются). Продуктивность этих конструкций позволяет говорить о "вторичной инфинитивности" (ср. многочисленные работы М.А.Габинского, где дакорумынская конструкция *de făcut* и албанские *për të bërë, së bëri* считаются субститутами инфинитива).

3. В современном румынском можно выделить более 10 конструкций, синонимичных $S\check{a} + V_f$

а) конструкции с V_f
 $s\check{a} + V_f$ *sper că vine (=să vină)* 'надеюсь, что он придет';
 $c\check{a} + V_f$ *mi place cănd strivesc firele de iarbă (=să strivesc)* 'мне нравится, когда я мну траву';
 $de + V_f$ *du-te de te culcă (=să te culci)* 'иди и ложись спать';
 $\check{s}i + V_f$ *du-te și te culcă (=să te culci)* 'иди и ложись спать';

в) конструкции с V_{inf}
 V_{inf} *poate scrie (=să scrie)* 'он умеет писать';
 $Pr\check{a}ep + a + V_{inf}$ *refuză de a spune unele lucruri (=să spună)* 'он отказывается говорить некоторые вещи';
 $Pr\check{a}ep + Sup$ *am terminat de lucrat (=să lucrez)* 'я кончил работать';
 $Gerund$ *aveau să se întoarcă din nou, reînfindu-și loji pentru tot anul (=aveau să-și rețină)*

'они должны были вернуться снова, чтобы взять ложи на весь год';
 $Part$ *Cartagena trebuie dărîmată (=să fie dărîmată)* 'Карфаген должен быть разрушен';

с) конструкции с $Subst$:
 $Pr\check{a}ep + Subst$ *se pregătea de plecare (=să plece)* 'он готовился к отъезду';
 $Subst$ Ob *posibilitatea scrisului (=să scrie)* 'возможность писать';
 $Subst$ N_{Acc} *încercase în gînd rostirea lecției (=să rostească)* 'он мысленно попытался прочесть лекцию'.

4. Эти конструкции, соответственно правилам распределения, могут присоединяться к следующим классам слов: V_f *începe a lucra* 'начинает работать'; $Subst$ *bucuria de a umbra prin ninsoare* 'радость бродить в снегопад'; Adj *lucruri demne de luat în seamă* 'вещи, достойные внимания'; $Adv(e)$ *ușor de scris* 'легко написать'.

5. В аспекте БЯС особый интерес представляет замещение гипотактической конструкции с *să* паратактическими конструкциями с *și* и *de*: *mă duc și mă culc* 'я иду ложиться спать' ('и ложусь спать'); *mă duc și cumpăr cărți* 'я иду покупать книги' ('и покупаю'); *merg la școală și învăț* 'я иду в школу учиться' ('и учусь'); *pe pune dracul de umin o stîncă* 'чорт заставляет нас сдвинуть скалу' ('и мы сдвигаем'); *mergi la rău de te speli* 'ты идешь к ручью умываться' ('и умываешься') и т.д. Эта конструкция, широко распространенная в албанском и новогреческом, лишь недавно была отмечена в румынском (см. в частности работы И.Гецие, А.Росетти, Р.Тодорана).

6. Существенно отметить, что в рамках рассматриваемых конструкций складывается набор своего рода грамматических формантов (предлогов, союзов и под.), ослабляющих собственное лексико-семантическое значение и приближающихся к выражению чисто синтаксической функции. В этом смысле особенно яркий пример — предлог *a*, ставший знаком инфинитива и многими исследователями приравниваемый к морфеме. Далее перечисляются наиболее употребительные для приведенных конструкций предлоги: *a* *încearcă a oferi o nouă mitologie* 'он пытается предложить новую мифологию'; *cu ne-am deprins cu gruparea imuabilă a aptelor* 'мы привыкли к неизменной группировке фактов'; *de* *veni vremea de stat la masă* 'пришло время сесть за стол'; *de a mîndră de a fi cîntec* 'гордая быть песней'; *din* *s-a oprit din mers* 'он остановился'; *în* *a plecat în căutarea apei* 'он ушел искать воду'; *la* *invitația la fumat* 'приглашение курить'; *pentru* *nu mai avem timp pentru citit* 'у нас уже нет времени читать надписи'; *pentru* *a pretext pentru a scrie* 'предлог для того, чтобы писать'.

7. Можно с достаточным основанием предполагать, что в современном румынском языке существует тенденция к образованию целого ряда синонимичных синтаксических конструкций. В определенном смысле эти конструкции (см. перечисленные выше) можно признать изоморфными на грамматическом уровне (т.е. приравнивать их к грамматическим трансформам). Для конструкций такого рода постепенно вырабатывается инвентарь соответствующих формальных показателей. Эти показатели, в свою очередь, претерпевают определенные изменения: они ослабляют или почти утрачивают свою морфологическую принадлежность, лексико-семантическую самостоятельность и т.п. и становятся показателями определенных синтаксических отношений в чистом виде (см. конструкции с предлогами, союзами и т.д.). Поскольку аналогичные явления отмечаются и в других балканских языках, можно приписывать их возникновение и развитие действию балканистических процессов.

О.С. Широков

НОВОГРЕЧЕСКИЕ И АЛБАНСКИЕ ПАДЕЖИ

1. Различение типов новогреческого склонения (в единственном числе) связано с противопоставлениями по грамматическому роду.
2. Имена женского рода имеют основы на любую из пяти гласных (foni 'голос', nepes 'мама', jaja 'бабушка', Marigo 'Марья', maimu 'обезьяна'); из трех падежей выделен родительный (аффикс -s: fonis, nepes, jajas, Marigos, maimus).
3. В именах мужского рода выделен (аффиксом -s) именительный падеж (bojadzi-s 'маляр', teneke-s 'жестянка', psara-s 'рыбак', adelfo-s 'брат', rapu-s 'дед').
4. В именах женского рода винительный падеж (и звательная форма) не отличается от именительного (чистая основа, оканчивающаяся на гласную). В именах мужского рода с основами на -i-, -e-, -a-, -u- винительный падеж (и звательная форма) не отличается от родительного.
5. Имена мужского рода с основами на -o- имеют чередование гласных: им, adelfo-s, вин. adelfo, род. adelfu, зв. adelfe. При другом описании это можно бы представить как прибавление особых окончаний -os, -o, -u, -e к согласным основам, однако звательные формы типа gero, Petro не укладывались бы в общую схему.
6. При принятом нами описании все именные основы в единственном числе являются гласными, имеются два омонимичных двузначных показателя -s: один обозначает "субъектность" + "мужской род (ед.ч.)", другой - "экзоцентричность" + "женский род (ед.ч.)".
7. В именах на -o- мужского рода кроме собственно-падежного показателя в качестве дополнительного грамматического средства выступает чередование гласной основы, "экзоцентричность" (обозначенная специальным аффиксом в женском роде) выражается чередованием o/u. В других словах мужского рода противопоставление по "экзоцентричности" в ед.ч. нейтрализовано; в словах женского рода нейтрализовано противопоставление по "субъектности".
8. В албанском языке также имеются противопоставления по "субъектности/объектности (направленности)" (fusha 'равнина' - fushën 'равнину', fushash 'с равнин' - fushave 'равнинам') и "концентричности/экзоцентричности" (fushën 'равнину' - fushës 'равнине, равнины', fushat 'равнины' - fushavet 'равнин', fushat 'равнины' - fushash 'с равнин'). Кроме того имеется противопоставление по "звательности/определенности". Такое склонение можно представить в таблице:

	Об.	Экз.	Опр.	Число
fushë	0	-	-	ед.
fushë	0	+	-	ед.
fusha l	-	-	+	ед.
fushën	+	-	+	ед.
fushës	0	+	+	ед.

Продолжение таблицы

	Об.	Экз.	Опр.	Число
fusha 2	0	-	-	мн.
fushave	+	+	-	мн.
fushash	-	+	-	мн.
fushat	0	-	+	мн.
fushavet	0	+	+	мн.

9. В определенной форме единственного числа нейтрализовано противопоставление по "субъектности / объектности", но в южно-тоских диалектах (и в бессарабском наречии) это противопоставление в женском роде сохранилось (fushës "(с) равнины" - fushët "(на) равнине").

10. В бессарабском наречии албанского языка неопределенно-звательная форма не различается по падежам (т.е. противопоставления по "субъектности" и "экзоцентричности" нейтрализованы). Поскольку вокатив, как один из аспектов неопределенной формы, воспринимался как разновидность основной, базовой формы существительного (производными от которой являются все остальные падежные формы), то славянские существительные могли заимствоваться именно в форме вокатива (babo, kako), а дальше изменяются по привычной албанской парадигме (babu, kaku; babos, kakos; babon, kakon; babot, kakot).

11. Такой характер бессарабско-албанских именных парадигм может служить типологической параллелью к реконструируемому протогреческому склонению, где также чистая основа представлена в звательной форме, остальные же падежные формы являются от нее производными, причем падежные отношения выражались как добавлением специальных аффиксов, так и чередованием гласной основы. В атематическом склонении добавление -s к согласной основе давало форму именительного падежа, а добавление -i - форму местного; при чередовании нулевой огласовки окончания с огласовкой о/е возникали формы родительного на -os (или -es) и дательного на -oi (или -ei). Именительный тематического склонения омонимичен с родительным атематического, местный тематического - с дательным атематического; в тематическом склонении родительный и дательный становились как бы "двойные тематическими" (-ōs, -ōi).

12. В новогреческом склонении падежные отношения могут быть представлены на следующей таблице:

	Об.	Экз.	Опр.	Число	Род
fonī	0	-	0	ед.	жен.
fonis	0	+	0	ед.	жен.
fonēs	0	-	0	мн.	жен.
fonon	0	+	0	мн.	жен.
psaras	-	0	+	ед.	муж.
psara	+	0	0	ед.	муж.
psara	0	0	-	ед.	муж.
psarades	0	-	0	мн.	муж.
psaradon	0	+	0	мн.	муж.
adelfos	-	-	+	ед.	муж.
adelfo	+	-	0	ед.	муж.
adelfu	0	+	0	ед.	муж.
adelfe	0	0	-	ед.	муж.
adelfi	-	-	0	мн.	муж.
adelfus	+	-	0	мн.	муж.
adelfon	0	+	0	мн.	муж.

согласование в роде: vajza e mirë 'хорошая девушка', жен.р.,
 оппозиция: djali i mirë 'хороший парень', муж.р.,
 согласование в числе: vajza e mirë 'хорошая девушка', ед.ч.,
 оппозиция: vajzat e mira 'хорошие девушки', мн.ч.,
 согласование в падеже: vajza e mirë 'хорошая девушка', им.п.
 оппозиция: (i,e) vajzës së mirë 'хорошей девушки', род.п.

При частичном уподоблении возможна:

а) неполнота включения грамматических категорий в процесс согласования, что связано со свойствами определяющих компонентов словосочетания (например, прилагательные без артикля не выражают согласования в падеже: vajza ruse 'русская девушка' – им.падеж и (i,e) vajzës ruse 'русской девушки' – род. падеж);

б) парадигматическая неполнота словосочетания, что объясняется особенностями основного слова, категориальные свойства которого предопределяют согласование, в частности – неполнотой категориальной его оформленности (например, существительные типа *Singularia tantum* у которых грамматическая категория числа представлена обычно только одним единственным числом, не могут согласоваться со множественным числом определяющих компонентов, и сочетание, таким образом, имеет ущербную числовую парадигму: e ardhmja e afërtë 'близкое будущее').

6. Характерной для албанского языка особенностью согласования является наличие большого класса существительных, грамматическая категория рода которых оказывается в зависимости от числа. Согласовательная связь этих существительных с определяющими компонентами обнаруживает их принадлежность к мужскому роду в единственном числе и к женскому – во множественном: ед.ч.: mësimi i parë "первый урок", согласование по мужскому роду, но мн.ч.: mësimet e para "первые уроки", согласование по женскому роду. Указанная особенность согласования позволяет выделить особый родовой класс албанского языка, класс имен обоечного рода, отличающийся смешанной родовой парадигмой.

7. Субстантивное сочетание, связь между компонентами которого основана на управлении, также может строиться по двум моделям:

а) непосредственное соединение двух существительных, одно из которых стоит в отложительном падеже: një shishe uji 'одна бутылка воды';

б) соединение двух существительных с помощью предлога, который определяет падеж зависимого компонента: një shishe me verë '(одна) бутылка с вином' (вин.п.). Как и согласование, синтаксическая связь управления передает определительные отношения. Определяющим компонентом является существительное в отложительном падеже или существительное, вводимое предлогом.

8. Анализ словосочетаний, построенных на управлении определяемым словом определенными грамматическими категориями определяющего, позволяет обнаружить при конкретизации семантики выражаемых ими определительных отношений несколько различных групп. При этом в некоторых из этих групп возможна реализация обоих способов связи управления: një dhëmb floriri '(один) золотой зуб' и një unazë prej floriri '(одно) кольцо из золота'. В обоих случаях передано отношение предмета к материалу, из которого он сделан. Возможно, однако, и обратное явление, когда при одних и тех же знаменательных компонентах сочетания изменение характера управления приводит к смене передаваемых отношений: një shishe uji '(одна) бутылка воды' – отношение количества, но: një shishe me verë '(одна) бутылка с вином' – отношение предмета к его содержанию.

9. Выбор определенного вида синтаксической связи (согласования или управления) для передачи определительных отношений в субстантивных сочетаниях зависит от более конкретной семантики передаваемых отношений. В определенных семантических группах наличие того или иного вида связи часто оказывается не единственно возможным, но лишь предпочтительным наряду с другими, находящимися в рамках связи подчинительной. Атрибутивные отношения определенной семантики, устанавливающиеся в именных сочетаниях на основании одного вида подчинительной связи, могут сохраняться при замене его другими видами. К приведенным выше примерам, показывающим отношение предмета к материалу, можно добавить следующий с согласовательной связью: unazë e florinjte 'золотое кольцо'.

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
 АППОЗИТИВНОГО ТИПА В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ
 (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, СЕРБОХОРВАТСКОГО И
 РУМЫНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Одной из актуальнейших задач балканистики является систематизация материала и его сопоставительный анализ. Можно считать общепризнанным, что сопоставление по языкам следует осуществлять прежде всего на синтаксическом уровне, поскольку схождения в балканском языковом союзе проявляются преимущественно в области синтаксиса. Сопоставление требует предварительного однородного описания синтаксических систем отдельных балканских языков. Ниже приводится пример сопоставительного рассмотрения некоторых явлений из синтаксиса балканских субстантивных словосочетаний. Однородность в данном случае обеспечивается описанием синтаксических фактов с помощью элементарных словосочетаний и их моделей, т.е. структурных типов словосочетаний.

Будут рассмотрены словосочетания, состоящие из двух существительных, соединенных с помощью аппозитивной синтаксической связи, и сложные слова, состоящие из основ двух существительных без соединительной морфемы.

Представляется, что в качестве критерия для разграничения сложного слова и словосочетания следует признать морфологическую цельнооформленность/раздельнооформленность. В языках с падежной системой морфологическая цельнооформленность выражается в неизменяемости по падежам и числам 1-го компонента анализируемого образования (срх. бисер-гора, рум. *prim-pretor*; русск. жар-птица), а раздельнооформленность — в его изменении по падежам и числам (срх. паун перо, рум. *pastrama-trufanda*, русск. фабрика-кухня). В болгарском языке, где категория падежа существительного практически разрушена, аппозитивные словосочетания характеризуются согласованием компонентов в числе (вагон-хладилник и вагоны-хладилници) и наличием членной формы только у 1-го компонента (вагонът-хладилник и вагоните-хладилници); сложные же слова характеризуются отсутствием форм числа и определенности у 1-го компонента (генерал-полковник и генерал-полковници, генерал-полковникът). В румынском языке хотя и существует именное склонение, существительные мужского и обоедного рода единственного числа, а также всех родов множественного числа не согласуются в падеже с определяемым существительным, например, *aparitia sergentului* (косв. п.) - *fugier* (прям.п.); согласование в падеже наблюдается только у существительных женского рода единственного числа, например, *cisoană Anica* - *cisoanei Anichii*; таким образом, в румынском языке единственным показателем цельнооформленности /раздельнооформленности нередко оказывается артикль: *prim-pretor* - *prim-pretorul* (сложное слово), *meșter=lăcătuș* - *meșterul=lăcătuș* (словосочетание).

1. Аппозитивные словосочетания.

Определяемым компонентом обычно является 1-ое существительное: болг. паравоз-влекач, турчин-разбойник, дъб великан, очи-череша, паун-пила, дядо Цоно, град София, Петър овчарят, Плевен-град; срх. дрво врбовина, клин-чорба, пост рамадан, девојка ђаволица, село Бистрица, краљ Томислав; рум. *povestitorul=poet*, *duca=voievod*, *țigan aristocrat*, *domnul director*, *cumătra Marghioala*, *fluviul Dunărea*, *Ali turcul*, *Manole hoțul*, *Rădu=Vodă*.

В сравнительно редких случаях определяемое существительное стоит на 2-ом месте, например, болг. вълшебница пролет, планина човек; срх. алмаз камен, славуј пила, паун перо.

В словосочетаниях с именем собственным типа болг. Петър овчарят, Плевен-град и рум. *Manole hoțul*, *Vlădică=țiganul* определяемым является 1-ый компонент, хотя он выражен именем собственным. Здесь нарицательное существительное определяет имя собственное; в этом случае происходит более тесное объединение компонентов словосочетания: 1-ый компонент получает более сильное, ообщающее ударение, а 2-ой — ослабленное. Такие словосочетания сближаются со сложными словами, а иногда и переходят в сложные слова.

От словосочетаний аппозитивного типа следует отличать сочетания двух существительных со связью именного примыкания, где нет согласования ни в числе, ни в

падеже. Имеются в виду словосочетания с именами собственными — названиями газет, журналов, организаций, станций и пр. и вообще со всякими собственно названиями, пишущимися обычно (но не обязательно) в кавычках: срх. име Сава (под-именом Сава), општина Палилула (из општине Палилула), брод "Зента"; болг. хотел "Трансильвания", марка "Плиска", специалност филология; рум. cîntecul "Bucureşti", frizeria "Рах". Именное примыкание имеет место также в сочетаниях существительного с так называемым кратным именительным, т.е. с двумя или более существительными в именительном падеже: болг. система човек-машина, маршрут София-Варна; срх. друм Београд-Лублана; рум. întrevederea Mussolini — Regele Boris, şoseaua Bucureşti — Târgovişte), а также в сочетаниях существительного с именительным падежом количественного числительного (болг. число три, Балкан-2; срх. брой три, дужина три метара; рум. trenul 42, etajul III).

От аппозитивных словосочетаний следует также отличать сочетания из двух существительных с устойчивым порядком компонентов, соединенных сочинительной связью. Такие сочетания обычно называют парными; болг. марксизм-ленинизм, экспорт-импорт, овчарче-чобанче; срх. марксистам-ленинизм; рум. marxism=lениnism.

Как свидетельствуют грамматики, словари и некоторые специальные исследования, аппозитивные словосочетания не очень частотны в рассматриваемых балканских языках (менее частотны, чем в русском). Но для современного состояния этих языков характерно увеличение численности аппозитивных словосочетаний, в особенности терминологических и газетно-публицистических, не без известного влияния русского языка.

2. Сложные слова аппозитивного типа.

В большинстве сложных слов определяемый компонент стоит на 2-ом месте: болг. помощник-командир, заместитель-председатель, вагон-ресторант, бисер-съези, отбор-юнаци; срх. бисер-гора, бисер-роса, бисер-зрна; рум. prim=pretorul, zgârie=porii.

Сложные слова аппозитивного типа сравнительно немногочисленны в рассматриваемых балканских языках (они менее характерны для данных языков, чем, например, для русского).

Таким образом, как видно из приведенного описания, аппозитивные субстантивные словосочетания и сложные слова аппозитивного типа имеются во всех трех рассмотренных балканских языках. При этом синтаксическая структура словосочетаний в этих языках обнаруживает принципиальное сходство. То же относится и к сложным словам.

Т.Б. Менская

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ТУРЕЦКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ (КАТЕГОРИЯ НЕПЕРЕХОДНОСТИ/ПЕРЕХОДНОСТИ)

Среди болгарских глаголов-заимствований из турецкого на -Tis- находим только те турецкие второобразные глаголы, залоговые значения которых сопоставимы с лексикограмматическими значениями исконных болгарских глаголов или могут быть соответственно трансформированы. Таких значений несколько: 1. значение переходности у основ понудительного залога на -TUR-, -T-, -UR-, вторичных к основам непереходных глаголов, и редко — у основ понудительного залога, вторичных к основам переходных глаголов; во втором случае значение переходности развилось на болгарской почве из первоначального значения каузативности, так что второобразный глагол в понудительном залоге и соответствующий первообразный глагол становятся синонимами, если заимствованы оба; 2. значение медиальности у основ возвратного залога на -N-, вторичных к основам непереходных глаголов, и у основ страдательного залога на -L-, вторичных к основам переходных глаголов; 3. субъектной ориентации у основ возвратного залога на -N- (и на -L-), вторичных к основам переходных глаголов и 4. реципрокальности у основ взаимного залога на -S-.

Залоговые значения перечисленных категорий заимствований выражены морфологически — у непереходных глаголов (возвратной частицей) и формально-синтаксически — у переходных, а самые глаголы обнаруживают регулярность словоизменения по парадигме: непереходный глагол на *се* — переходный глагол без *се*.

Отбор, организация и сохранение исходных грамматических (в нашем случае залоговых) значений в заимствованиях, а также их морфологизация есть процесс морфологической адаптации заимствований. Эти явления могут быть также описаны в терминах морфологической интерференции, причем интересно сопоставить результаты морфологической интерференции двух неродственных языков (турецкого и болгарского) и двух родственных языков (греческого и болгарского). Например, поле активного взаимодействия греческого и болгарского языков на морфологическом уровне составляет лексико-грамматическая категория вида, результатом этого взаимодействия явилось заимствование сигматических суффиксов *-oc-*, *-iac-*, *-uc-*, получивших статус болгарских суффиксов совершенного вида.

Типические черты и результаты морфологической интерференции и, следовательно, возможность морфологических заимствований в условиях гетерогенного и гомогенного двуязычия могут быть представлены следующим образом: сосуществование в условиях активного двуязычия сопоставимых категорий контактирующих языков с последующим их отождествлением на основе частичной синонимии составляет необходимую основу заимствования форманта. При заимствовании из греческого это синонимия болгарского противопоставления: глагол несовершенного вида – глагол совершенного вида и новогреческого: глагол с основой презенса – глагол с основой аориста. Для рассмотренных выше фактов адаптации заимствований из турецкого такого рода фон на уровне значений есть релевантность противопоставления: непереходный глагол – переходный в болгарском и турецком языках. Другим важным этапом морфологического заимствования нам представляется дублирование формального средства выражения соответствующего грамматического или лексико-грамматического значения, которое в воспринимающем языке нормально трансформируется в лексико-грамматическое, то есть дублирование заимствуемого форманта. Так, форманты непереходных значений *-N-*, *-L-* и *-S-* дублируются в заимствованиях омонимичными болгарскими формантами *ce¹*, *ce²*, *ce³*. Форманту *ce¹* мы приписываем здесь значение медиальности, *ce²* – субъектной ориентации, *ce³* – реципрокальности. Введение нескольких оморффов при описании грамматической сущности глагольных образований с возвратной частицей есть в нашем случае лишь принцип организации весьма конкретного и ограниченного лексического материала – болгарских глагольных турцизмов. Наконец последний этап морфологического заимствования состоит в выделении иноязычной морфемы из бесконечно большого числа заимствованных лексем и включение ее в систему словообразовательных средств заимствующего языка. Так, греческие по происхождению элементы *-uc-*, *-oc-*, *-iac-* стали продуктивными суффиксами болгарского глаголообразования. Этот последний этап отсутствует в рассмотренных явлениях взаимодействия турецкой и болгарской залоговых систем, что обусловлено, по-видимому, принципиальной неразложимостью турецких основ в болгарском языке; для заимствований из греческого, напротив, чрезвычайно характерно переразложение, приведшее к выделению не только новых суффиксов, но и различных префиксов. Турецкие языковые единицы, поскольку они становились единицами болгарского языка, не подвергались членению не только на уровне морфем, но и на уровне семем, отсюда, например, сохранение у заимствованных глаголов целого комплекса значений соответствующего турецкого глагола, теоретически – всего семантического поля, с последующим распределением их по отдельным диалектам. Наблюдаемая неразложимость заимствований из турецкого в отличие от разложимости заимствований из греческого ставит предел возможности сопоставления двух видов межязыковой интерференции: из неродственного языка и из родственного.

¹ Ср. категориальный статус медиальности, субъектной ориентации действия, реципрокальности в системе турецкого залога с соответствующей лексико-грамматической группировкой глаголов в болгарском языке.

² Выделение заимствуемых формантов может происходить в результате проведения в заимствованных лексемах новых этимологически немотивированных морфных границ; так, прототипы болгарских суффиксов *-oc-*, *-iac-*, *-uc-* – *losl*, *lasi*, *lisl* не являются в новогреческом морфемами, но лишь незначимыми отрезками аористных основ.

КЛАССИФИКАЦИЯ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРУКТУРЫ РЕЧЕВЫХ ВАРИАНТОВ

Балканское языкознание началось с выделения группы языков с общими типологическими признаками, то есть с выяснения сходств балканских языков. Естественно предположить, что следующим шагом в изучении балканских языков должно быть проведение их классификации по типологическим признакам, то есть выяснение их различий между собой.

Чтобы избежать тех трудностей, которые могут возникнуть при выборе критериев сегментации речи, можно обратиться к отрезкам речи с естественными границами — высказываниям (репликам) — и считать, что такие отрезки распадаются на следующие три группы:

А. Словесные варианты — высказывания, отвечающие следующим четырем условиям:

- 1) они встречаются с тем же смыслом в виде частей больших высказываний;
- 2) они не состоят из двух частей, каждая из которых с тем же смыслом нормально (неэмфатизированно) встречалась бы в виде меньшего высказывания (в одну точку);
- 3) встречаясь с тем же смыслом в виде частей больших высказываний, они не становятся прерывными частями последних и
- 4) встречаясь с тем же смыслом в виде частей больших высказываний, они не меняют свободно порядка своих составляющих.

В. Словоподобные варианты — высказывания, отвечающие только трем первым из четырех вышеперечисленных условий.

С. Прочие варианты — высказывания, отвечающие только первому и второму или только первому из четырех вышеперечисленных условий.

При достаточно хорошем знании устной речи балканских народов очевидным является то, что немало отдельных часто встречающихся графических слов в письменной речи различных балканских народов нормально не соответствуют отдельным высказываниям, и тем самым не могут соответствовать отдельным словесным или словоподобным вариантам (например, такие графические слова как греч. $\mu\acute{\epsilon}$ 'меня', болг. ме 'меня', макед. ме 'меня', рум. $m\grave{a}$ 'меня', серб.-хорв. ме 'меня', алб. $m\grave{e}$ 'меня'). Следовательно, варианты (в том числе словесные и словоподобные) могут изображаться нередко при помощи сочетания двух или более графических слов. Так, соответствующими словесным вариантам в греч. будут не только отдельные графические слова вроде $\beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\omega$ 'я вижу', но и такие сочетания графических слов, как $\sigma\grave{\epsilon}\ \beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\omega$ 'я вижу тебя', $\delta\grave{\epsilon}\nu\ \sigma\grave{\epsilon}\ \beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\omega$ 'я не вижу тебя' и т.д.

В таких примерах словесных вариантов как $\sigma\grave{\epsilon}\ \beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\omega$, $\delta\grave{\epsilon}\nu\ \sigma\grave{\epsilon}\ \beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\omega$ и т.д. части ω и $\sigma\grave{\epsilon}$ выражают лицо-число-родо-падежную связь этих вариантов с их ближайшими окружениями или обозначают в этих вариантах субъект и объект, то есть являются личными показателями. Приведенные примеры показывают, что в одном словесном варианте может находиться одновременно более одного личного показателя. Тем самым становится возможным утверждать, что в греч. наличествуют полипросопные словесные варианты. Наличие или отсутствие полипросопии может, несомненно, рассматриваться как один из важнейших критериев при типологической классификации балканских языков. С точки зрения этого критерия балканские языки можно разделить на две группы. В первую войдут языки, в которых наличествуют полипросопные словесные варианты — греческий, македонский, румынский и албанский (ср. греч. $\sigma\grave{\epsilon}\ \beta\lambda\acute{\epsilon}\pi\omega$ 'я вижу тебя', макед. $m\grave{u}\ g\circ$ показав 'я показал ему его', рум. $\acute{i}mi\ place$ 'мне нравится', алб. $t\grave{e}\ pash\grave{e}$ 'я тебя видел', отвечающие четырем приведенным выше условиям). Во вторую войдут языки, в которых полипросопных словесных вариантов нет, а есть лишь полипросопные словоподобные варианты — болгарский и сербскохорватский (ср. болг. $l\acute{o}\nu\ g\circ$ 'он ловит его', серб.-хорв. $poklonili\ su\ j\circ j$ 'они ей подарили'), отвечающие лишь трем первым из четырех приведенных выше условий.

Если взять такую последовательность графических слов как греч. $\sigma\tau\grave{\eta}\ \mu\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\lambda\eta\ \mu\omicron\upsilon$ 'αβερφή' 'моей старшей сестре', то $\sigma\tau\grave{\eta}$ и $\mu\omicron\upsilon$ нормально не соответствуют отдельным высказываниям, и тем самым не могут соответствовать отдельным словесным

или словоподобным вариантам. Отдельному словесному или словоподобному варианту не может в данном случае соответствовать также ни $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta$, ни $\acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$, ибо высказывания, которым нормально соответствуют отдельные $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta$ и отдельное $\acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$, имеют иной смысл, чем части высказывания $\sigma\tau\acute{\eta}\ \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta\ \mu\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$, обозначаемые $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta$ и $\acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$ (ср. средства, при помощи которых осуществляются русские переводы трех высказываний, в которых идет речь: именительный или винительный падеж в первых двух случаях, дательный падеж или предлог в третьем случае). Значит $\sigma\tau\acute{\eta}\ \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta\ \mu\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$ соответствует одному словесному или словоподобному варианту.

Те части словесных или словоподобных вариантов $\sigma\tau\acute{\eta}\ \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta\ \mu\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$ "моей старшей сестре", $\sigma\tau\acute{\eta}\ \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\eta\ \sigma\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}$ "твоей старшей сестре" и т.д., которым соответствуют графические слова $\mu\omicron\upsilon$, $\sigma\omicron\upsilon$ и т.п., могут считаться — принимая во внимание их смысл — показателями притяжательности. Тем самым становится возможным утверждать, что в греч. наличествует морфологическое выражение притяжательности.

Наличие или отсутствие морфологического выражения притяжательности также, несомненно, может рассматриваться как один из важнейших критериев при типологической классификации балканских языков. С точки зрения этого критерия, балканские языки можно разделить на две группы. В первую пойдут языки, в которых наличествует морфологическое выражение притяжательности — греческий, болгарский, македонский (ср. греч. $\acute{\eta}\ \acute{\alpha}\delta\epsilon\rho\phi\acute{\eta}\ \mu\omicron\upsilon$ "моя сестра", болг. майка ми "моя мать", макед. жена му "его жена"). Во вторую войдут языки, в которых морфологического выражения притяжательности нет — румынский, сербскохорватский и албанский (в сербскохорватском случае вроде глава jоj велика и т.п. вряд ли могут считаться случаями морфологического выражения притяжательности).

Таковы те два критерия типологической классификации балканских языков, на которые до сих пор, как кажется, не обращалось внимания, но которые, тем не менее, представляются довольно существенными.

Существуют, однако, еще два критерия, имеющие отношение к структуре речевых вариантов, а именно наличие или отсутствие падежных форм имен (эти формы наличествуют в греческом, румынском, сербскохорватском и албанском языках, отсутствуют в болгарском и македонском языках) и наличие или отсутствие членных форм имен (эти формы наличествуют в болгарском, македонском, румынском и албанском языках, отсутствуют в греческом и сербскохорватском языках). На только что упомянутые факты (и особенно на наличие или отсутствие членных форм имен) внимание обращалось уже неоднократно, однако без связи с фактами, о которых шла речь ранее.

Попытка классифицировать балканские языки с учетом всех четырех критериев, имеющих отношение к структуре речевых вариантов, даст следующую картину:

	полипросопия	притяжательность	падежность	членность
греческий	+ (словесн.)	+	+	-
болгарский	+ (словопод.)	+	-	+
македонский	+ (словесн.)	+	-	+
румынский	+ (словесн.)	-	+	+
сербскохорватский	+ (словопод.)	-	+	-
албанский	+ (словесн.)	-	+	+

При рассмотрении полученных результатов приходится констатировать, что с точки зрения типологических критериев, которые нужно признать одними из важнейших, в балканской языковой общности придется выделить почти столько же классов, сколько языков входит в эту общность. Большое или меньшее единообразие с точки зрения всех четырех использованных типологических критериев представляют лишь члены в двух парах — 1) болгарский — македонский и 2) румынский — албанский. Представляется целесообразным уделить особое внимание полипросопии, поскольку полипросопия является единственным из имеющих отношение к структуре речевых вариантов явлений, которое наличествует во всех балканских языках.

МОРФОЛОГИЯ МОЛДАВСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА

В анкету Молдавского Лингвистического Атласа (АЛМ) было заложено большое число фонологических и морфонологических вопросов [см.: Р.Г. Пиотровский, В.С. Сорбалэ, Р.Я. Удлер. К вопросу о региональных атласах (Молдавский Лингвистический Атлас). "Известия ОЛЯ АН СССР", XVIII, 5, 1959, стр. 438-449; "Кестіонарул Атласулуй Лингвистик ал лимбий модовенешть". Кишинэу, 1960, стр. 79-80, 210-230].

Вышедшие в настоящее время тома АЛМ (ср.: "Атласул Лингвистик Молдовенеск." Кишинэу: вол. 1, п. 1, 1968; вол. I, п. II, 1968; вол. II, п. I, 1972, вол. II, п. II, 1973) дают богатый материал для изучения морфонологии современной молдавской разговорной речи, народных говоров и колониальных диалектов. Здесь обращают на себя внимание следующие явления.

1. Отвердение мягких [c', š', z', ž'] приводит либо к устранению морфологических различий между единственным и множественным числом некоторых существительных (ср. кырнац: кырнаць > [k'ɪnɔc], рошу: рошь > [roš], бузе:бузе > [budzî], вынж: вынжь > [vɲž]), а также 1-м и 2-м лицами единственного числа настоящего времени некоторых глаголов (ср. луминез; луминезь > [lumɪn'edz]), либо к переносу морфологического противопоставления с окончаний на внутреннюю флексию (ср. мустяцэ: мустець > [mustɔc': must'ecɪ]), либо, наконец, к возникновению новых морфологических моделей (ср. кыржэ: кыржь > [k'ɪrdžɪ: k'ɪrdžʲ], ушэ: ушь > [ušɪ: ušʲ]).

2. Аналогичные результаты дает смягчение твердого [r], а также устранение лабиализации в конце слова (ср. морар: морарь > [morarʲ], арарь [arʲ: ʔrʲ] рошу: рошь > [roš], ынтру: ынтрэ [ɪntr: ɪntrə]).

3. В целом же карты АЛМ хорошо отражают борьбу между аналитизмом и традиционной балканороманской флексией, борьбу, которая порождает неожиданные аналитические конструкции типа [m-an dus-mɪ] (=м'ам дус), новые парадигмы (ср. [skar:skək] =скап:скаль), а также различные виды языковой терапии (ср. фер: чер > [šer: šer(u)]).

А.В. Жугра

АЛБАНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

I. Албанский язык не относится к числу таких языков, в которых выражение тех или иных аспектуальных значений получает морфологическое оформление. Тем не менее в ряде грамматик (К.Кристофориди, О.Дозон, Г.Вейганд, М.Лямберти, К.Ципо, Ш.Демирай) содержатся указания на существование в албанском языке средств, служащих для выражения актуальности конкретного действия или его длительности. В числе таких средств обычно называют частицу ро, если она сопровождается формами презенса или имперфекта индикатива, а также перифразы типа глагол jam 'быть' + деепричастие знаменательного глагола. Вопрос о категориальном статусе указанных форм нигде не ставится, однако невключение их в глагольную парадигму свидетельствует о том, что в качестве самостоятельных единиц морфологического уровня они не рассматриваются.

II. С точки зрения структуры в албанском языке можно выделить несколько типов в разной степени грамматизованных аналитических конструкций, которые, дублируя временное значение соотносительных с ними форм индикатива (реже - других наклонений), способны выражать и некоторые аспектуальные значения.

1. частица ро + личная форма глагола

2. вспомогательный глагол jam 'быть' + деепричастие

3. вспомогательный глагол jam 'быть' + частица kah + личная форма глагола

4. различные контаминированные формы.

1-й тип - ро shkoj 'я иду' (в данный момент).

Частица ро, прибавляемая к формам обычного (синтетического) презенса или имперфекта, характеризуется неизменяемостью, безударностью, постоянным местом впереди глагольной формы, однозначностью (поскольку не обладает морфологической

членимостью) и невозможностью вставки после нее каких-либо знаменательных слов. Отрицание ставится перед частицей. Всякое нарушение контактности компонентов формы (кроме кратких форм личных местоимений) превращает частицу *po* из формообразующей в утвердительную или в союз. Аналогичное явление наблюдается при сочетании частицы *po* со всеми остальными глагольными формами, кроме презенса адмиратива.

Ограниченный парадигматически, этот тип форм характеризуется также лексической избирательностью, — он образуется в основном от глаголов, обозначающих действия, хотя встречаются образования и от глаголов *kam* 'иметь', *di* 'знать', *dua* 'хотеть', 'любить' и т.п.
2-й тип — *jam duke shkua r*.

Значение этой конструкции сходно со значением рассмотренной выше формы, но более подчеркнуто значение процесса. О том, что данная конструкция достигла определенной степени грамматизованности, свидетельствуют следующие, характерные для нее черты: контактное, как правило, расположение компонентов; утеря деепричастием в составе данной конструкции способности употреблять собственное отрицание *mos* (отрицания *nik, s'* ставится перед глаголом *jam*); возможность образовываться от глаголов разных лексических групп; возможность образовываться от глаголов переходных и непереходных, активного и пассивного залогов, а также от безличных; выполнение в предложении функции одного члена предложения (простого сказуемого). Конструкция засвидетельствована в формах презенса, имперфекта, аориста, плюсквамперфекта индикатива, имперфекта конъюнктива, презенса адмиратива.
3-й тип — *jam kah shkoi*.

Этот тип форм образуется сочетанием двух глаголов в личной форме (вспомогательного *jam* и знаменательного), соединенных между собой частицей *kah* (по происхождению наречный союз со значением 'куда, к'). Этот тип характерен для гегского ареала албанского языка, см., например, об этих формах у Э.Ляфе в описании говора Никай и Мертур¹. Отмечены формы презенса, имперфекта и аориста индикатива. Следует отметить, что при построении прошедших времен (имперфекта и аориста) знаменательный глагол продолжает оставаться в форме презенса: *ishna kã punoj, kesh kã shkoj*. Смысловых различий между аналитическими формами имперфекта и аориста Э.Ляфе не обнаружил.

4-й тип.

Собственно 4-го типа как такового не существует, но имеются разнообразные контаминированные типы форм, в которых частица *po* сочетается с выделенными выше формами 2-го и 3-го типов, например, *po jam duke bërë, jam kah po bëj*.

III. Предварительное наблюдение над функционированием презенсных форм 1-го и 2-го типов позволяет констатировать следующие возможности их употребления:

1. В значении настоящего актуального. В этом случае формы с частицей *po* и деепричастные конструкции выражают: а) конкретное, протекающее непосредственно в момент речи действие. Значение процессуальности, имплицитно содержащееся в данном значении настоящего актуального, сильнее подчеркивается в деепричастных конструкциях; б) действие, охватывающее, наряду с моментом речи, и отрезок прошлого.

а) Выбор той или иной формы для выражения конкретного действия, протекающего в момент речи, жестких правил не имеет. Обычно глаголы действия в данном временном значении сопровождаются частицей *po* или выступают в перифрастической форме. *Kthehuni se po bije zilja (Bino)* 'Возвращайтесь, потому что звенит звонок'; *Këtu para 3 ditëve bani një xetë i madh, e tash asht tue lamë shi (Migjeni)* 'Здесь 3 дня назад была сильная жара, а сейчас идет дождь'.

Как отмечает Ш.Демирай, глаголы, выражающие постоянные действия и состояния, а также физико-физиологические действия, частицей *po* не сопровождаются. Однако это ограничение не абсолютно, — и те, и другие засвидетельствованы в ряде случаев в формах с частицей *po*. Вопрос о взаимодействии семантики албанских глаголов и рассматриваемых нами форм еще не изучался, как и вообще албанская глагольная система и глагольная лексика не рассматривались с точки зрения аспектуальности. Предварительные наблюдения над функционированием многозначных гла-

¹ E.Lafe. E folmja e Nikaj-Mërturit-St fil, 1964, N3, стр.130-131.

голов в формах с частицей *po* и деепричастных конструкциях указывают на наличие здесь определенной взаимосвязи. Так, глагол *shikoj* обладает значениями 'видеть' и 'смотреть', т.е. может выступать и как глагол действия, и как глагол восприятия. В форме презенса с частицей *po* этот глагол обычно является глаголом действия, тогда как выступая в простой форме презенса сохраняет оба значения. У глагола *njoh*, принадлежащего к непредельным в значении 'знать, быть знакомым' и к предельным в значении 'узнавать, различать', в форме презенса с частицей *po* может реализоваться предельное (но имперфектированное) значение 'узнавать'. Например, в ситуации, когда человек не узнает при встрече своего старого знакомого, имеем: *-Sikur s'po më njeh, -foli përsëri Xhoxhi (Musaraj) 'Ты как будто не узнаешь меня - сказал Джордж'; ср. также деепричастную конструкцию в подобном употреблении: - A ka si me këndë - thotë me vedi - qi un s'jam tuj e njoftë gjuen t'ëme? (Pralla, H.Dritës) 'Возможно ли это, - говорит он про себя, - что я не узнаю свою жену?'*

б) Оба рассматриваемые типа могут употребляться также для выражения действий, которые совершаются уже в течение некоторого промежутка времени, предшествующего моменту речи, но охватывают также и момент речи. Может предполагаться продолжение действия в будущем. В этом случае употребление форм с частицей *po* или деепричастных конструкций служит для соотнесения действия с моментом речи и для его особого выделения. *Ka dyzet vjet që këta të pabesë po na i gënjejnë baballarët tanë! (Shuteriqi) 'Уже сорок лет как эти вероломные люди обманывают наших отцов!'; Oe sa kohe në Beograd asht tue dalë... nji revistë interesante folkloristike: "Krijeshmënia popullore - folklori" (J.re) 'Уже некоторое время в Белграде выходит интересный журнал по фольклористике: "Народное творчество - фольклор"'*

2. В значении будущего.

Употребление форм с частицей *po* (для деепричастных форм это не так характерно, хотя и возможно) в значении будущего времени в научной литературе, насколько известно, еще не отмечалось. Однако такое употребление представлено отнюдь не единичными примерами и возможно для выражения как ближайшего, так и отдаленного будущего. *Po të dëshëroni, po jap urdhën të ju përcjellin ndër kthinat tueja (Pitarka) 'Если хотите, я дам приказ, чтобы вас проводили в ваши комнаты';*

*-Shuej, lum nana, e mos ki dert,
'I herë jam lë, i herë po des,
Shokë e miq po m'dhimben keq. (H.Dritës)*

*!-Успокойся, о мама, и не печалься,
Один раз я родился, один раз умру,
Мое сердце болит о друзьях и товарищах!.*

3. Важной чертой деепричастных конструкций является их способность к более широкому охвату глагольной парадигмы, чем у форм с частицей *po*. Имеющиеся (правда, немногочисленные) случаи употребления деепричастной конструкции в форме аориста показывают, что они не синонимичны соответствующим простым формам аориста. Деепричастная конструкция в аористе выражает длившееся какой-то промежуток времени в прошлом действие. Если глагол имеет предельное значение, то конструкция выражает ограниченное во времени, но не достигшее естественного результата действие. Здесь на первый план выступает имперфективирующая функция деепричастной конструкции и заменить ее простым аористом без ущерба для смысла нельзя. *- Çou, or bir, çoja bukën babës! - Oh, mori nonë, qeshë ty pa nji anër. (Folklor Shqipëtar) 'Поднимайся, сын, отнеси отцу еду! - Ох, мама, я как раз видел сон!'; Unë, për me u largue prej mendimit të hatashëm për atë që qe tue na gjetë, pyeta... (Hasani) 'Я, для того, чтобы отвлечься от ужасной мысли о том, что чуть было с нами не произошло (букв. что было нас постигая)', спросил ...'*

Можно предположить, что разграничение простых форм презенса (и имперфекта) и форм с частицей *po* идет по линии выражения признака актуальности действия (маркированными являются формы с частицей *po*), а деепричастные конструкции противопоставляются соответствующим временным формам по признаку имперфективности (маркированными являются деепричастные конструкции).

IV. С точки зрения структуры и семантики албанские деепричастные конструкции имеют себе параллели в ряде индоевропейских языков (английский, испанский) и могут быть использованы для целей сопоставительной аспектологии. С другой сто-

роны, албанский имеет в этом плане некоторые точки соприкосновения с языками Балканского п-ова. В разные периоды своей истории греческий, болгарский и румынский языки обладали сходными в структурном плане конструкциями, имевшими дуративное значение. Теоретически мы могли бы ожидать здесь появление балканизма. Однако на территории греческого языка указанный тип конструкций сохранился только в цаконском диалекте, где он является единственным средством выражения соответствующих временных значений. В современном румынском перифраза употребляется в презумптивном значении и может быть построена только с будущим, конъюнктивом или оптативом презенса глагола a fi.

Т.В. Цивьян

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

При актуальном и постоянно возрастающем интересе к балканистике определение ее предмета до сих пор остается не вполне выработанным. В традиционном понимании задача балканистики сводится к тому, чтобы описывать ограниченный ареально фрагмент целого ряда дисциплин (лингвистика, литературоведение, фольклор, история, этнография, искусство, культура и т.д.), где в силу ряда обстоятельств, сводимых обычно к историческим или генетическим, обнаруживается большое или даже поразительно большое число сходжений. Результаты исследований такого рода, в конце концов, экстенсивны и имеют ценность скорее для общей типологии, предоставляя ей новый материал, чем для собственно балканистики, где этот материал должен быть включен в особую перспективу. При современном состоянии вопроса имеет смысл говорить о необходимости выделения из конгломерата сходств относительно гомогенного ядра, на основании которого можно сформулировать более строгий объект исследования. Между тем неопределенность ("несформулированность") целей и задач, отсутствие границ и правил в отборе приводит к тому, что и сейчас балканистика стоит перед вопросом: должна ли она включать в себя нечто, выходящее за пределы "специфически балканского" (в разных аспектах) или даже нечто, кроме сопоставления конкретных результатов?

Пожалуй, наиболее благополучное положение создано в лингвистической балканистике, благодаря введению термина балканский языковой союз (БЯС), в свое время вызвавшего споры и разногласия. Post factum можно сказать, что противники этого понятия, даже если бы они были правы по существу, явно недооценили его теоретического значения: с принятием этого термина открывались возможности для определения предмета балканской лингвистики, установления ее границ и формулирования системного подхода к исследованию ее составляющих. При таком широком подходе к балканистике даже на достаточно продвинутом уровне можно пренебречь тем, что определение языкового союза само по себе остается не вполне точным и удовлетворительным, и что многие вопросы решаются, скорее, на интуитивном уровне. Понятие языкового союза, по сути, конвенциональное, делает возможным определять балканскую лингвистику как науку об отношении систем отдельных балканских языков друг к другу и к системе балканского языка-посредника (о котором будет сказано далее). Преимущественным свойством системы БЯС является ее принципиальная динамичность, постоянное пребывание, так сказать, *in statu nascendi*, испытывая влияние балканистических процессов. Особую значимость представляет то, что существенные для системы изменения и тем более их отражения ("волны") в разных ее фрагментах могут быть прогнозированы, притом что прогнозирование осуществляется именно и исключительно в рамках термина языковой союз. Из этого вытекает, что при системном подходе к БЯС необходимо учитывать высокую степень имплицитности составляющих его элементов.

Плодотворность термина языковой союз для балканской лингвистики проявляется среди прочего и в том, что это позволяет предложить дальнейшие шаги (что уже было высказано): избрать эталоном описания некий эвентуальный "общеевропейский язык", "язык-посредник" на грамматическом уровне. Язык-посредник представ-

лял бы собой абстрактную систему символов, которая 1) обеспечивала бы экономное описание любого балканского языка в общепалканистическом аспекте; 2) указывала бы набор приемов, позволяющих с минимальными усилиями переходить от одного балканского языка к другому, от любого балканского языка к языку-посреднику и от языка-посредника к любому балканскому языку. Если исходить из признания глубинных и основообразующих сходств между балканскими языками, то можно предположить, что в качестве эталона может выступить любой балканский язык, входящий в БЯС, при условии, что его описание снабжено правилами пересчета на другие балканские языки (хотя это может оказаться и неэкономным). Такой подход, обеспечивая глобальный взгляд на БЯС, вместе с тем не только не уводил бы в сторону от конкретных исследований, но, напротив, определяя с большей точностью их задачи, обеспечивал бы их актуальность и целесообразность. Этот метод описания балканских языков являлся бы к тому же и достаточно удобным средством для систематизации материала — задача весьма важная для балканской лингвистики, поскольку отсутствие упорядоченного описания одновременно и скрывает лакуны и не дает возможности полноценно использовать накопленные данные.

Системное описание БЯС представляется целесообразным вести в терминах сопоставительной грамматики балканских языков. Грамматика такого рода соответствовала бы модели некоего метаязыка, с указанием способов перехода к каждому из конкретных языков. Как кажется, осуществлять эту задачу следует на синтаксическом уровне (или прежде всего на синтаксическом уровне). Одной из существенных особенностей языковых союзов вообще и БЯС в частности является то, что схождения проявляются прежде всего и преимущественно в синтаксисе. Во всяком случае именно синтаксический уровень обеспечивает нетривиальные результаты: сопоставление фонетических и фонологических данных, как кажется, не столь актуально, о лексике как о системе также трудно говорить, что же касается морфологической системы БЯС, то она, в сущности, становится значимой лишь в проекции на синтаксический уровень, т.е. когда морфологические единицы рассматриваются как конститuentы единиц более высокого уровня — синтаксических. Кроме того, синтаксический уровень легче всего позволяет соединить синтагматический план (текст) с парадигматическим (система), т.к. синтаксические модели содержат весь набор морфологических элементов с указанием правил вхождения их в текст.

Далее можно говорить о некоторых более конкретных аспектах построения сопоставительной грамматики БЯС. Очевидно, ее композиционная схема должна отвечать следующим требованиям: 1) однородное описание синтаксических систем отдельных балканских языков; 2) сведение полученных описаний воедино и попытка построения общей синтаксической системы БЯС. Однородность обеспечивается описанием синтаксиса с помощью элементарных синтаксических конструкций, ЭСК (синтаксические описания такого рода в последнее время находят все большее распространение). Под ЭСК понимаются не менее чем двусоставные сочетания любых классов слов данного языка, между которыми существуют синтаксические связи (т.е. согласование, управление, примыкание). Описание синтаксиса с помощью ЭСК начинается с установления сочетаемости всех классов слов друг с другом; затем рассматриваются все разновидности полученных сочетаний и составляются возможно более полные списки ЭСК. Эти списки снабжаются сведениями о порядке членов ЭСК (для балканских языков это весьма существенно, см. хотя бы мену артиклей в ЭСК в зависимости от порядка составляющих ее элементов), а также правилами расширения ЭСК до трех- и более членных и правилами сочетания ЭСК друг с другом. На дальнейшем этапе ЭСК приводятся в соответствие с основными логико-грамматическими единицами, конституирующими фразу. Под такими единицами понимаются субъект, предикат, атрибут, прямой и косвенный объект и адverb. Предполагается, что в самом общем виде любой текст может быть удовлетворительно описан с помощью именно этих единиц. Все вышесказанное применимо к анализу простого предложения. На более высоком уровне описывается сложное предложение, конститuentами которого являются простые предложения и отдельные, особым образом оговоренные ЭСК.

В собственно сопоставительной части материал балканских языков, т.е. списки ЭСК по конкретным языкам, можно было бы располагать в виде системы соответствий, перечисленных по всем описываемым языкам и не обязательно сводимых к

материальному выражению. Другими словами, речь шла бы о той же идее конструирования некоей условной модели БЯС, которая, будучи по возможности близкой к каждому из реальных балканских языков, обеспечивала бы наибольшую простоту в пересчете на любой балканский язык и обратно. Эта модель была бы совокупностью некоторых грамматических конструкций, проходящих по всем языкам, относимым к БЯС, и при этом принадлежащих структуре БЯС. Очевидно, что строить эту модель целесообразно на основе теоретико-множественного произведения (ТМП) ЭСК балканских языков (а не теоретико-множественной суммы ТМС: тогда при переходе на конкретный балканский язык придется отсекать конструкции, принадлежащие — максимум — ко всем остальным языкам, в то время как при ТМП речь пойдет о прибавлении конструкций одного языка). "Эталонный набор" ЭСК снабжается правилами перехода от метасистемы к любому балканскому языку (на морфо-синтаксическом уровне).

Корректное представление материала обеспечивается соблюдением следующих принципов в его отборе:

1) Приводится сплошная обработка материала, перечисление всех синтаксических конструкций, а не только тех, которые считаются "балканистичными";

2) Заранее предполагается, что в результате такого описания будет построена единая синтаксическая система БЯС, так же относящаяся к каждому из реальных языков, как относится к реальному языку нормативная грамматика.

Первый принцип имеет целью дать возможно более полное описание системы, притом пригодное не только для анализа, но и для синтеза. Таким образом описание системы БЯС велось бы на основаниях противоположных тем, на которых строится обычно описание, например, диалектных систем. Там почти исключительно отмечаются отличия от литературного языка, к которым приходится дополнительно выстраивать систему соответствий. В результате построенные таким образом описания вполне удовлетворительны для анализа (хотя и неэкономны, поскольку реально приходится иметь дело не с одним, а минимум с двумя языковыми вариантами), но не пригодны для синтеза, где нельзя обойтись одними различиями. Аналогию можно распространить и на описание синтаксической системы БЯС, которую нельзя представить только в виде списка балканизмов. Специфичность и в каком-то смысле уникальность системы БЯС основана на монтаже, на комбинации элементов, значительная часть которых является вполне тривиальной, но которые вместе с тем в своем динамическом равновесии составляют нечто качественно новое, представляющее БЯС и только его.

Второй принцип — о заранее известных результатах, — не противоречит первому, а является как бы обеспечением для него: вообще для целенаправленного, а не самодовлеющего исследования (что существенно для современной балканистики) было бы разумно не только правильно выбирать точки приложения сил, но и представлять конечные результаты (что вполне возможно на основании уже собранных фактов, позволяющих вскрывать определенные тенденции в развитии БЯС).

Ориентированность описания на основные логико-грамматические единицы предложения в принципе предполагает высокую степень обобщения и абстрактности; в дальнейшем предложенную абстрактную схему можно как угодно детализировать, — но в своих собственных пределах, от абстрактного к конкретному. При таком уровне описания, может быть, целесообразно не доводить его во всех случаях до уровня материального выражения, но указывать "точки разворота", в отношении которых требуется проведение особого анализа. Указание "точек разворота", как будто, имеет преимущества перед неиерархизованным списком правил (всегда принципиально открытым); оставаясь в пределах системы, "точки разворота" указывают место приложения и направление усилий для дальнейшего движения.

Для балканских языков такой подход представляется вполне оправданным, и прежде всего из-за специфических особенностей понятия "литературный язык" в системе БЯС (на основании чего и предполагается строить сопоставительную грамматику БЯС). Поскольку литературные балканские языки создавались на основе конгломерата вариантов (ареальных, исторических и т.п.), т.е. на обогащении некоего абстрактного языка, а не на ограничении его жесткой "правильностью", система "литературного языка" для БЯС в принципе нестабильна. Такое положение вынуждает в каких-то случаях к предельному схематизму, а в других — к указанию большего

числа вариантов, чем это было бы в языке с отлитой литературной нормой. Особая динамичность БЯС, о которой уже говорилось и которая интерпретируется как результат постоянно действующих балканистических процессов, в свою очередь, имплицитно относителен к единственности варианта. (Ср. в связи с этим хотя бы систему балканских артиклей, где набор строгих формальных правил — артикли и предлоги, артикль и артикль, иерархия артиклей при сочетании различных ЭСК, — контрастирует с полной свободой и безразличием в выборе артикля в тех ситуациях, где по общепринятым канонам требовалось бы однозначное решение, см. особенно свободное варьирование определенного и нулевого артикля. Другой пример — явно выраженная тенденция к номинализации, приводящая в конце концов к ослаблению оппозиции *глагол/имя*; сосуществование гипотактических и паратактических конструкций, с заметным усилением стихии паратаксиса. Ср. также общее стремление к сужению сферы действия формальных показателей, что в конце концов приводит к принципиальной семантической неоднозначности, когда выбор, во-первых, осуществляется на уровнях более высоких, чем грамматический, и, во-вторых, требование единственности и окончательности вообще может сниматься). В результате можно говорить о том, что и внутри одного варианта языка, избираемого в конкретной ситуации, открывается возможность выбора по крайней мере двух в общем равнозначных (стилистические критерии выдвигаются на более продвинутых уровнях) способов выражения одного и того же смысла.

На максимально общем уровне синтаксическую систему БЯС, так же как и любых других групп языков или отдельных языков, можно представить в виде одной схемы, соответствующей простому предложению, и этой же схемы, но трансформированной и мультиплицированной, — для сложного предложения:

Subj + Atr + Praed + Obj dir + Obj obl + Adv.

Строго говоря, эта схема нереальна, вернее, реальна только в своих смежных частях. Даже для одного языка представление синтаксической системы в одном предложении неудобно, оно будет слишком сложным и громоздким, поскольку каждой логико-грамматической единице будет соответствовать слишком большой набор ЭСК. Тем более такая "однофразовая" запись неудобна для одновременного описания нескольких языков, как это происходит в случае БЯС. На практике, в зависимости от цели и степени подробности описания, может быть введена более детальная классификация логико-грамматических единиц, обеспечивающая более детализированный и разветвленный набор смыслов.

Построение сопоставительной грамматики БЯС, как кажется, преследовало бы более широкие цели, чем предложение нового (или еще одного) способа описания. Количество имеющегося балканистического материала вызывает настоятельную необходимость в аранжировке и в создании некоторой схемы, описывающей систему БЯС. До тех пор, пока такая схема не будет выработана, вопрос о сходстве балканских языков, о тенденциях развития БЯС, о сфере действия балканистических процессов и т.п. будет оставаться, скорее, на интуитивном уровне, всецело зависящем от конкретных данных. Поскольку любое сравнение балканских языков внутри БЯС практически предполагает хотя бы мысленное сопоставление с какой-то смутно ощущаемой общей схемой (приблизительно соответствующей набору балканизмов), то экономной и целесообразной представляется попытка реализации этой схемы, т.е. построения единой грамматики БЯС.

В основу грамматики такого рода кладется следующее предположение: синтаксические системы отдельных балканских языков настолько близки друг к другу, что в каком-то смысле о системе БЯС можно говорить как о языке с несколькими терминами, т.е. о языке, обладающем единой грамматикой, которая реализуется на разном лексическом материале. Если такое предположение оправдано, то для всех балканских языков, входящих в БЯС, может быть построен один и единый синтаксис, с указанием в соответствующих пунктах индивидуальных особенностей каждого из языков. Другими словами, если предположить, что синтаксическая система каждого из пяти балканских языков описывается набором из 25 ЭСК (в соответствующем варианте, составленном для новогреческого набор ЭСК равен 25), то при сопоставлении наборов ЭСК разных балканских языков ТМС во всяком случае не будет равно 125, хотя и ТМП не будет равно 25. Однако, если предположить, что ТМП будет

где-то между 15-20, а ТМС - между 60-70 (пока это предположение основано на чисто эмпирических прогнозах и приводится не более чем в качестве гипотезы), то соотношение такого рода делает оправданным построение единой грамматики синтаксиса БЯС.

Помимо ряда практических преимуществ (грамматика дала бы возможность одновременного ознакомления как с общей системой БЯС, так и с каждым отдельным языком и отчасти решила бы проблему того, надо ли в одинаковой степени знать все балканские языки для того, чтобы заниматься балканистикой), такой подход мог бы оказаться плодотворным и для дальнейшего развития теории БЯС. На комплекс разнородного и практически неисчерпаемого материала была бы наложена некоторая сетка ограничений, узлы которой в точках пересечения соответствовали бы наиболее значимым пунктам системы БЯС, в частности с точки зрения действий балканистических процессов. Последнее особенно важно ввиду динамичности системы БЯС, с ее постоянными изменениями и колебаниями, при существовании нескольких равноправных вариантов на уровне формального выражения.

Построение балканского языка-посредника, являющегося в некотором смысле сокращенной записью результатов сопоставительной грамматики балканских языков, имело бы и теоретический смысл (как вклад в дисциплину, посвященную типологии отношений разных лингвистических систем друг к другу) и, возможно, практический (вплоть до задач перевода - внутрибалканского - и обучения). Вместе с тем есть еще одна совершенно реальная ситуация, которая самым настоятельным образом нуждается в исследовании указанного типа. Речь идет о многочисленных ареалах, где осуществляется дву- или многоязычие (см. хотя бы ситуацию Баната). Для таких случаев правомерно говорить о наличии у говорящего (по крайней мере на подсознательном уровне) некоей предельно абстрактной схемы, позволяющей почти мгновенно производить пересчет с одного языка на другой. Поскольку механизм балканского многоязычия, ввиду особенностей БЯС, основан именно на наличии некоего инварианта, обеспечивающего переход к конкретным языкам, можно говорить о том, что балканский язык-посредник, выработанный на основе сопоставительной грамматики БЯС (и при условии корректности описания) в основных своих структурных чертах совпадает с указанной схемой, возникающей при механизме многоязычия.

II. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

И.И. Ревзин

АНКЕТА ПО КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Вводные замечания

Данная анкета задумана, в первую очередь, для извлечения данных из описаний конкретных языков с тем, чтобы построить единообразное описание категории определенности-неопределенности в славянских и неславянских балканских языках на более широком ареально-генетическом фоне. Однако этим не исчерпывается задача анкеты: она должна служить организующим принципом в постановке проблемы и подготовить почву для подробного проспекта. Анкета обращена не столько к лингвисту, занятому полевой работой, как это обычно имеет место при анкетировании (хотя большинство вопросов второй части может быть использовано для этой цели), сколько к лингвисту-теоретику, занимающемуся соответствующим языком, знающему литературу вопроса и имеющему свои (часто весьма различные у разных ученых) взгляды на проблематику определенности.

Этим объясняются два основных отличия данной анкеты:

1) Она содержит не только собственно языковую часть, в которой ставится задача выяснить фактическое положение в изучаемом языке вне зависимости от лингвистических убеждений отвечающего, но и мета-языковую часть, в которой задаются вопросы, ставящие целью выяснить: а) какие лингвистические вопросы вообще целесообразно привлекать для рассмотрения; б) как рассматривает проблему отвечающий; в) как принято рассматривать проблему в соответствующей лингвистической традиции.

2) При постановке отдельных вопросов с целью их уточнения иногда даются ссылки на литературу, а в некоторых особенно важных местах и примеры ответов, которые могут быть даны или фактически давались в литературе. Если обычные вопросы в анкетах соответствуют определению через указание вида и рода, то предлагаемый тип постановки вопроса соответствует определению через задание специфического контекста.

Анкета ориентирована на структурно-системный подход к категории определенности. Поэтому в ней большое внимание уделяется как содержанию, так и выражению категории определенности, причем учитываются по возможности явления, близкие по содержанию, но далекие по выражению и наоборот. Отсюда стремление к широкому охвату явлений. Этим же объясняется то, что некоторые явления упоминаются много раз, так что иногда кажется, что вопросы повторяются. Однако каждый раз существен контекст, в котором задается вопрос и который может повлиять на ответ.

Во второй части исследуется поведение указательных и других местоимений, а также аналогичных частиц или аффиксов, подозреваемых в том, что они могут трактоваться как артикли: определенный, неопределенный, партитивный или possessивный. Будут использованы следующие сокращения:

- Потенциальный определенный артикль D
- Потенциальный неопределенный артикль I
- Потенциальный партитивный артикль P
- Потенциальный possessивный артикль R
- Опущение артикля Ø

Вопросы

Комментарий

1. Мета-языковая часть.

1.1. План содержания.

1.1.1. Какие семантические признаки Вы считаете эффективными для конкретизации категории;

- 1.111. при описании значения определенности:
- 1.1111. деиктичность (указание на конкретный объект в данной ситуации),
- 1.1112. анафоричность (предупомянутость в данном тексте),
- 1.1113. дескрипторность (введение объекта, целиком идентифицируемого своими определениями в предложении),
- 1.1114. объемность (ограничение объема понятия),
- 1.1115. ситуативная однозначность (указание на все объекты или единственный объект данного рода в данной ситуации),
- 1.1116. тематичность (указание на тему высказывания),
- 1.1117. генерализация (универсальность, указание на все объекты независимо от ситуации),
- 1.1118. эмфатичность.
- 1.112. При описании значения неопределенности:
- 1.1121. экзистенциальность,
- 1.1122. рематичность (ср. 1.1116),
- 1.1123. индивидуализованность (указание на часть множества),
- 1.1124. произвольность (указание на выбор произвольного объекта множества в качестве представителя),
- 1.1125. выпишите другие возможные значения.
- Ср. дескрипцию "тот который" у Карнапа.¹
- Этот признак, введенный Р. Якобсоном для падежа, можно трактовать как связанный с определенностью, ср. противопоставление Род. и Вин. падежа в сербохорватском: *je jeo хлеба - je pojeo хлеб*, объясняемое как противопоставление по определенности.²
- Этот признак, обобщающий 1.111 - 1.113 и позволяющий вывести 1.117, восходит к В.А. Проппу.³
- Имеется в виду роль в актуальном членении текста.
- Ср. значение "квантора всеобщности" в логике, например $(\forall x)(P(x))$.
- Отличается от 1.116, если эмфатическое членение отличается от актуального.
- Ср. "квантор существования" $(\exists x)$ в логике, ср. также в болгарском языке выражения типа *едно време имало един старец*, а также фразы, которые можно перефразировать с помощью *имало*.
- Ср. большую факультативность болгарского *един* (по сравнению со значением 1.1121) в случаях типа *Съдът разгледал едно много интересно дело*.
- Ср. указанную работу В.Я. Проппа.

¹ Р. Карнап. Значение и необходимость. Перевод с англ. М. 1959, стр. 70.

² Л. Деже. Вопросы общей и славянской синтаксической типологии. "Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae", Т. XIX, fasc. 1-3, 1973.

³ И.И. Ревзин. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. "Вопросы философии", 1972, 11, стр. 101.

⁴ В.Я. Пропп. Проблема артикля в современном немецком языке. "Памяти академика Л.В. Щербы". Л. 1951, стр. 225.

- 1.12. Считаете ли Вы возможным указать в последовательностях 1.111 и 1.112 признак, являющийся критериальным для выделения члена в языке (и какой из признаков)?
- 1.13. Можно ли выделить специальное значение партитивности (например, связанное с нерасчлененностью исходного множества) или же оно есть частный случай значения неопределенности, например, 1.1123?
- 1.14. Можно ли описать значение поссесивности как сумму: "одно из значений определенности + указание на отношение"?
- 1.15. В каких терминах можно описать значение неактуализованности:
- 1.151. метаязыковость соответствующего выражения,
- 1.152. отнесенность не к предмету, а к понятию.
- 1.2. План выражения.
- 1.21. Считаете ли Вы возможным говорить о категории определенности в языках, в которых нет артикля?
- 1.22. Можно ли распространять эту категорию
- 1.221. на формы, генетически восходящие к тому же источнику:
- 1.2211. полные и краткие прилагательные,
- 1.2212. относительные местоимения, определяющие соответствующее существительное,
- 1.222. на произвольные формы,
- 1.2221. на соотношение падежных форм,
- Ср. предложение¹ считать критериальным для определенного артикля признак 1.1117.
- Например, в апозитивных группах типа *понятие фонемы*.
- Ср. концепцию Стеблина-Каменского².
- Ср. описание их в старославянском языке по схеме близкой к схеме артикля в работе Н.И. Толстого³, а также соответствующее противопоставление в сербохорватском языке⁴.
- Ср. рассмотрение отношений между членом и относительным местоимением в работе Бенвениста⁵.
- Ср. комментарий к 1.114, ср. также противопоставление неопределенного общего падежа определенным родительному и винительному в турецком языке.

¹Н.И. Толстой. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикля. "Всесоюзная конференция по славянской филологии", Л., 1962.

²М.И. Стеблин-Каменский. Об основных признаках грамматического значения. "Вестник ЛГУ", 1954, 4.

³Н.И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательного в старославянском языке. "Вопросы славянского языкознания", вып. 2, М., 1957.

⁴См.: Е. Фекете. Облик, значение и употребление одређеног и неодређеног придевног вида у српско-хрватском језику, I, "Јужнословенски Филолог", 28, 1969.

⁵Е. Benveniste, La phrase relative, problème de syntaxe générale. "Problèmes de linguistique générale", Paris, 1966.

1.2222. на соотношение форм числа.

Ср. трактовку Н.К. Дмитриевым тюркских форм с *-lar* как определенных¹, ср. также определенность собирательных.

1.23. Каково взаимодействие между порядком слов и определенностью?

1.231. Какие из противопоставлений из 1.111 и 1.112 передаются порядком слов?

1.232. Какие особенности порядка слов указывают на определенность?

1.3. Иерархия значимостей.

1.31. Пусть есть форма 1, выражающая основные значения из 1.112; можно ли считать ее артиклем, если в языке нет определенного члена?

Ср. индуктивно установленный факт², что неопределенный член очень редко встречается без определенного, в то время как обратное³ часто, ср. также аргументацию М.Ивич³ о не-артиклевом статусе сербохорватского *jedan*.

1.32. Является ли основной оппозицией: "определенность versus отсутствие определенного члена", и лишь внутри второго члена действует оппозиция "наличие неопределенного члена versus отсутствие его", либо обе оппозиции независимы?

Ср. теорию Куриловича⁴, а также описание развития члена в балканских языках Рейтером⁵, что позволяет единообразно описать языки с неопределенным членом и без него.

1.4. Можно ли установить явления компенсации в развитии различных средств выражения определенности-неопределенности?

Ср. гипотезу Деже⁶ о том, что *jedan* распространяется в сербохорватском языке в тех областях, где другие средства (ср. комментарий к 1.114 и 1.2211) разрушаются.

1.5. Сфера действия категории.

Ср. теорию средневековых арабских грамматистов в изложении Габучана⁷, а также возможность отождествить определенные формы с терминами современной логики а неопределенные формы с предикатами.

1.51. Можно ли задавать противопоставление по определенности-неопределенности на всем множестве существительных, а именно считать неопределенными не только часть существительных, но и все глаголы и т.п.?

¹Н.К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.

²Е.А. Моравчик. Determination. "Working Papers on Language Universals", Stanford, California, 1969, p. 94. (рассмотрено 104 языка с артиклем, и лишь 3 имели неопределенный член без определенного).

³М. Ивич. Элементы неопределенного члена в сербохорватском языке. "VII Międzynarodowy kongres slawistów w Warszawie, 1973." Streszczenia referatów i komunikatów.

⁴Ж. Курьювич. La mimation et l'article en Arabe, "Archiv Orientální", 1950, N 1-2.

⁵Н. Рейтер. Der Artikel in den Balkansprachen, "Zeitschrift für Balkanologie" N.1, 1967.

⁶Л. Деже. Цит. соч., стр. 14.

⁷Г.М. Габучан. Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М. 1972.

- 1.52. Можно ли ставить вопрос о наличии специального possessивного артикля, распространяя категорию определенности на все случаи употребления артикля? Речь идет о статусе притяжательного члена а, а¹ в румынском языке.
- 1.53. Можно ли рассматривать в рамках категории определенности факты дополнительного распределения члена и предлога? Речь идет о конструкциях с ре в румынском языке, ср.: am văzut pe om, но: am văzut omul.

2. Собственно лингвистическая часть.

- 2.1. Частотность.
- 2.11. Каково отношение форм существительных с D к общему числу существительных? Ср. работу С.И. Иорданиди¹, установившей, что процент членных форм в языке былин равен 7.
- 2.12. То же для I,
- 2.13. то же для R,
- 2.14. то же для P.
- 2.15. Обладает ли D(I, R, P) повышенной частотностью,
- 2.151. сравнимой с предлогами,
- 2.152. резко отличающейся от местоимений:
- 2.1521. указательных (для D),
- 2.1522. неопределенных (для I).
- 2.2. Дистрибуция.
- 2.21. С указательными местоимениями (включая *каждый, все* и т.п.):
- 2.211. употребление возможно,
- 2.212. употребление обязательно.
- 2.22. С притяжательными местоимениями:
- Ср. болг. *твоите книги - книгите ти*; ср. выделение класса имен родства в албанском языке (препозиция притяжательного и нечленность, например, *im atë*), в болгарском (нечленность в *баща ми* и т.п.).
- 2.221. норма употребления и позиция.
- 2.222. Не зависит ли употребление от лексических группировок?
- 2.223. Не зависит ли употребление от формы числа? Ср. в болгарском нечленность в 2.222 только в единств.ч.
- 2.23. С именами собственными:
- 2.231. в прямом употреблении,
- 2.2311. словарно (например, на географической карте),
- 2.2312. в связном тексте.
- 2.2313. Имеется ли различие для собственных имен разного рода? Ср. членное употребление географических названий женского рода в румынском языке при колебаниях в мужском роде.
- 2.232. В переносном употреблении.
- 2.233. Имеется ли разница в оформлении имени и фамилии?
- 2.24. В форме обращения:
- 2.241. в собственных именах,

¹С.И.Иорданиди. Основа выделения определенного артикля и семантика постпозитивного - *т* в языке былин. Тбилиси, 1972.

- 2.242. с некоторыми стилистическими эффектами (например, выражение уничтожительности).
- 2.25. В специфических синтаксических позициях:
- 2.251. в позиции предикатива,
- 2.252. в сравнительных оборотах,
- 2.253. в конструкции с местоименной репризой,
- 2.254. укажите другие специфические позиции.
- 2.255. Употребление D с предлогами:
- 2.2551. в позиции прямого объекта,
- 2.2552. в позиции обстоятельства образа действия и причины,
- 2.2553. в других позициях.
- 2.267. Совместное употребление D, I, P, R, Ø.
- 2.261. Имеются ли правила, предписывающие или запрещающие сочетания; какие из нижеследующих сочетаний обычны, редки, запрещены:
D сущ. ₁ + D сущ. ₂	P сущ. ₁ + D сущ. ₂
D сущ. ₁ + I сущ. ₂	D сущ. ₁ + R сущ. ₂
I сущ. ₁ + D сущ. ₂	R сущ. ₁ + D сущ. ₂
I сущ. ₁ + I сущ. ₂	I сущ. ₁ + Ø сущ. ₂
D сущ. ₁ + Ø сущ. ₂	R сущ. ₁ + Ø сущ. ₂
Ø сущ. ₁ + D сущ. ₂	P сущ. ₁ + Ø сущ. ₂
D сущ. ₁ + P сущ. ₂	и т.д.
- 2.2611. В определительной конструкции,
- 2.2612. в предикативной конструкции (в последнем случае указать особенности согласования).
- 2.27. Имеются ли факты дополнительной дистрибуции:
- 2.271. D и его опущения в разных лексических классах,
- 2.272. I и его опущения в разных лексических классах,
- 2.273. I и P в разных лексических классах,

Н.И. Толстой¹ обратил внимание на то, что болгарское *един* употребляется в предикативе, а сербское *један* не употребляется.

Ср. почти обязательное употребление *той* при сравнении, например, *як той баклан* в украинских говорах.

Ср. комментарий к 1.53.

Ср. в болгарском языке: *кабинетът бил (една) голяма стая*, но: *кабинет в квартирата била "Голямата стая"*.

¹Н.И. Толстой. Значение ..., стр. 55.

²Українська діалектна морфологія. Київ. 1969, стр. 70.

2.274. D и предлога (можно ли сопоставить этот случай, например, с дополнительной распределенностью падежа и предлога в других языках),

2.275. D и указательного местоимения,

Ср. статус "детерминативного члена" *cel* в румынском с собственными именами, ср. *Mircea cel bătrîn*.

2.3. Субституция.

2.31. Взаимозаменяемость D с указательным местоимением:

2.311. контексты, где замена возможна,

2.312. контексты, где замена невозможна.

2.32. Взаимозаменяемость I с неопределенным местоимением;

2.321. контексты, где замена возможна,

2.322. контексты, где замена невозможна.

2.33. Взаимозаменяемость D с притяжательным местоимением или возвратным.

2.4. Опускание.

2.411. Опускается ли D в любом контексте без изменения смысла и правильности?

2.412. Можно ли выделить специфическое значение для тех контекстов, где D факультативен, по сравнению с контекстами, где D обязателен?

Ср. выделение типа "поссесивной определенности" в работе Йорданиди, например *телом-то бела ёна*.

Ср. в болгарском языке значение: "все объекты некоторого подмножества", где член факультативен, например: *Гълъб (ът), който е наранен, е обречен*, по сравнению со значением: "все множество", например, *Гълъбът е птица*, где член обязателен.

2.421. Опускается ли I в любом контексте без изменения смысла и правильности?

2.422. Можно ли выделить специфическое значение I, где I и Ø одинаково часты?

Ср. комментарий к 1.1122.

2.5. Перевод

2.51. При помощи *этот* для D:

2.511. контексты, где перевод возможен,

2.512. контексты, где перевод невозможен.

2.52. При помощи *некоторый* для I:

2.521. контексты, где перевод возможен, контексты, где перевод невозможен.

2.6. Трансформация.

2.61. Указать случаи, когда артикль меняется при трансформации отрицания,

2.62. Указать случаи, где D меняется при трансформации вопроса.

2.63. В каких случаях употребление I можно объяснить трансформацией, сводящей соответствующую фразу:

Ср. в болгарском *аз обичам деца* → *аз не обичам децата*.

- 2.631. к предикативу,
 2.632. к выражению существования.
- 2.7. Влияние морфологических категорий.
- 2.71. Взаимодействие с падежом.
- 2.711. различается ли число разных падежей в определенном (с D) и неопределенном (с I) склонении:
- 2.712. указать падежи, в которых противопоставление форм с D и Ø ослаблено,
- 2.713. указать употребление в звательной форме.
- 2.7 2. Взаимодействие с числом.
- 2.721. Употребляется ли форма I во множественном числе?
- 2.722. Имеется ли разница в употреблении D в обоих числах?
- 2.723. Имеется ли разница, обусловленная сразу числом и падежом?
- 2.73. Взаимодействие с одушевленностью.
- 2.731. Имеются ли конструкции, где D выступает только у одушевленных (неодушевленных)?
- 2.732. Влияет ли одушевленность на I, P, R?
- 2.8. Морфемная характеристика.
- 2.81. Можно ли выделить несколько форм D, различающихся по степени близости к объекту?
- 2.82. Можно ли отделить D(I) от омонимичного указательного (неопределенного) местоимения, предлога (для P):
- 2.821. по критерию безударности,
 2.822. по возможности слияния:
 2.8221. с предлогами,
 2.8222. с существительными;
 2.823. по возможности фонетической редукции,
 2.824. по возможности рассмотрения в качестве словообразовательного форманта:
- 2.8241. при имени собственном,
 2.8242. при числительном.
- 2.83. Позиция.
- 2.831. Возможность вставки слов не из группы существительного,
- 2.832. препозитивность,
 2.833. постпозитивность,
 2.834. соотношение постпозиции и препозиции:
- 2.8341. факультативное,
- Ср. 1.1121.
- Ср. положение в албанском и отчасти в румынском языке.
- Ср. употребление только определенных форм в родит. , дат. в гегских диалектах албанского языка.
- Ср. в болгарском *едни*, в румынском *niște, unele*.
- Ср. комментарий к 2.223.
- Ср. в албанском языке употребление членной формы в родительном ед.числа и нечленной в родительном мн.числа.
- Ср. проблему "тройного члена" *сѣ, тѣ, онѣ* в истории болгарского языка.
- Ср. румынские формы типа *al doilea*.
- Ср. понятие "непроективности", ср. в болгарском: *една бе в село Раица девойка*.

- 2.8342. значимое.
- 2.835. В группе "прилагательное + существительное" и при обратном порядке:
- 2.8351. в позитивной форме,
2.8352. в сравнительной форме,
2.8353. в превосходной форме.
- 2.836. При наречии,
- 2.837. при глаголе.
- 2.84. Можно ли повторить D:
- 2.841. при прилагательном и при существительном,
2.842. при каждом из определений.
- 2.85. Согласование.
- 2.851. Можно ли отметить рассогласованность D с существительным?
- 2.852. Ориентируется ли D на "согласовательный род" или окончание?
- 2.9. Некоторые диагностические контексты.
- 2.91. Как разграничить при переводе сочетания *сын царя Федора*:
- 2.911. факт единичности сына (у царя только один сын),
2.912. факт неединственности сына (у царя несколько сыновей).
- 2.92. Есть ли разница в оформлении сочетаний:
- 2.921. *устанавливать отношения*,
2.922. *развивать отношения*.
- 2.93. Перевести:
- 2.931. *сытый голодного не разумеет*
2.932. *человеку свойственно ошибаться*
2.933. *третий, коммунистический интернационал*
2.934. *я /не/ люблю людей*
2.935. *я /не/ люблю детей*
2.936. *жил в Москве старик*
2.937. *сок вишни, цветенье вишен*
- Ср. в румынском *lui Ion, ne: omului*.
- Ср. в румынском **a copilului cel mai inteligent*.
- Ср. в севернорусских говорах: *назад-от шел!*
Ср. в тех же говорах: *у нас есть'-от хлеб-от*.
- Ср. в новогреческом языке *ο ἀνθρώπου οἱ ἀγαθοί*.
- Ср. несогласованность *то* в севернорусских говорах как аргумент, что это не член.
- Ср. в болгарском³: *момчетата, но: добрите момчета; слугата, но: добрият слуга; дядото, но: добрият дядо*.
Здесь даются некоторые типы контекстов, которые должны задаваться в анкете (в дальнейшем будут добавлены аналогичные фразы).

¹Н.П. Гринкова. Постпозитивный член в Молотовском говоре Кировской области. "Памяти академика Л.В. Щербы". Ленинград 1951.

²В.И. Кодухов. К вопросу о "постпозитивном члене" в русском языке. Ученые записки Лен. Гос. педин-та им. Герцена. Кафедра русского языка, т. 92, 1953.

³Л.Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949.

ПРОЯВЛЕНИЕ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ УНИВЕРСАЛИИ О СВЯЗИ ПАДЕЖА С ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ

1. В современном языкознании универсалии дедуктивные (ДУ) и индуктивные (ИУ) никак не связаны между собой. ИУ суть результат наблюдений над конкретными языками, а ДУ вытекают из разного рода гипотез о языке (частным случаем ДУ являются универсалии, постулируемые в порождающей грамматике Хомского). В результате ИУ часто не поднимаются выше констатаций, касающихся поверхностной структуры, а ДУ совпадают с теорией общего языкознания.

2. Представляется, что ИУ и ДУ должны отражать разные этапы одного и того же процесса, в котором общие явления, не объясняемые генетически или ареально, одновременно проверяются на их выводимость из теории. Для отграничения ДУ от общих высказываний об устройстве языка предлагается следующее определение: некое утверждение, вытекающее из общих представлений о языке, есть ДУ, если оно может быть переформулировано как ИУ.

3. В связи со сказанным рассмотрим проблему соотношения определенного и неопределенного склонения в балканских языках. Определенность-неопределенность первоначально связана с актуальным членением. Актуальное членение и субъектно-объектная структура логически восходят к одному источнику. Необходимость формально различать субъект и объект (в первую очередь среди класса одушевленных имен) должна возникнуть прежде всего среди определенных форм, поскольку субъект выступает исходно как нечто данное и, стало быть, определенное, в то время как объект может быть как определенным (относящимся к теме), так и неопределенным (относящимся к реме). Отсюда выводится ДУ: число падежей, различающихся в определенном склонении (т.е. членных форм, собственных имен, личных местоимений) должно быть не меньше, чем в неопределенном склонении и может его превосходить. Факты целого ряда тюркских, кавказских, палеоазиатских языков позволяют переформулировать данную ДУ как ИУ и притом в усиленном виде: число падежей и /или падежных форм в определенном склонении в большинстве языков больше, чем в неопределенном.

4. Данная универсалия находит различное воплощение в балканских языках.

4.1. В албанском языке винительный падеж имеет специальный показатель только в определенном склонении.

4.2. В болгарском языке в системе личных местоимений различаются три падежа, в системе собственных имен различаются прямой и косвенный падеж (а точно еще и дательный). На этом фоне (и в свете данной ДУ) следует рассмотреть различие форм типа *студентът* – *студента* при оформлении субъекта и объекта.

4.3. В румынском языке личные местоимения различают формы трех падежей; что же касается имен нарицательных, то в определенном склонении прямой и косвенный падеж различаются во всех формах, а в неопределенном – только в женском роде *casă* – *case*, но *om*.

Отметим, что указание на связь значения определенности (через актуальное членение) с субъектно-объектной структурой позволяет объяснить следующее явление: при употреблении предлога *pe* в значении определенности выступает нечленная форма: *am văzut pe om* – *am văzut omul*. Тематичность уже выражена тем, что подчеркнут объектный характер слова. Таким образом одна ДУ может имплицитно содержать в себе конкретные закономерности разного рода и – в принципе – разворачиваться в несколько разных ИУ.

5. В заключение отметим следующую индуктивную почти-универсалию: во всех языках, где число падежей в определенном склонении строго больше, чем в неопределенном, выражение определенности постпозитивно. Установление ДУ, связанной с данной ИУ, пролило бы свет на сложную проблему постпозитивности члена в балканских языках.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЧЛЕНОМ-АртиКЛЕМ И УКАЗАТЕЛЬНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. Вопрос наличия или отсутствия члена-артиКля в отдельных славянских языках и диалектах следует, как я уже отмечал ("Всесоюзная конференция по славянской филологии", Л., 1962, стр. 125-127), связать с определением ряда функций (значений) артиКля и признанием генерализирующей артиКлевой функции, решающей для восприятия его в качестве отдельной категории или части речи, ибо многие другие функции, например, современного болгарского и любого балканского артиКля - эфФатическая, анафорическая, дейКтической определенности, ситуативная - могут быть присущи и указательным местоимениям. Это условие, на наш взгляд, решает спор о старославянском члене (где его не было) и о члене севернорусском (где часть говоров его имеет, а часть не имеет, как показало в частности и недавнее интересное исследование С.И. Иорданиди, 1970 г.). Однако такая типология члена-артиКля в славянских и балканских языках (по принципу есть/нет) оказывается слишком общей. Весьма существенны более частные показатели: наличие только определенного артиКля или также развитого неопределенного (как в словенских диалектах), склоняемость - несклоняемость члена, наличие "тройного" члена, употребление артиКля с именами собственными, употребление/неупотребление/ факультативность в отдельных синтаксических конструкциях и т.п. Остановимся на двух локальных и специфических моментах.

2. Общеизвестно, что система члена в языках, где он существует, связана с системой указательных местоимений. Эта связь особенно ярка в диалектах, где имеется так называемый "тройной" член (македонские, родопские говоры). Генетически (этимологически) всякий член восходит к указательным местоимениям. Последние влияли на смысловую сторону члена, определяли его формальный облик, и эта часть вопроса хорошо исследована. Но мало внимания обращалось на то, что иногда сформировавшаяся система артиКля в свою очередь влияла на систему указательных местоимений и в функциональном и даже в формальном (морфологическом) плане. В ряде случаев прежняя структура указательных местоимений оказывалась в смысловом отношении стертой, ослабшей и подвергалась усилению при помощи частиц (или наречий). Таковы, например, болг. родопск. *аисоу, аисава, аисва, аисева* (ср. ст.-сл. СЪ, СН, СЕ ...), *айтоа, айтоа, айтва, айтева, айноа, айнава, айна, айнева* (Златоград и соседн. насел. пункты, собств. запись 1959, далее сокращ. Зл.) Близкая картина наблюдается в северо-западно-славянских и северно-великорусских говорах, где, однако, тройной член отсутствует. Словен. терск. *téla 'этот', téla 'эта, télej 'этой'* при определенном члене *te, ta, to* и неопределенном *den, dna, no* (Пластища, Брезя и соседн. насел. пункты, запись И.А. Бодуэна де Куртене, 1873 г.); северн.-в.-русск. пинежск. *нутот, нутот, нутоту, в нутот* и т.п., красноросск. *тотот, тототу, темотым, в тототом, тотото, тавота, тувоту, в тевоте, тевоты, тевотых* и т.п., при члене - *обуй сянкот 'одень сарафан', кустоте по тутам сторону стоят* пинежск. (запись Г.Я. Симиной, 1968, 1970 гг.). Последний пример отражает общее северно-в.-русск. *тоттам, тототам, темтам* и т.д. (Г.Я. Симиная, 1968 г.), со склоняемым вариантом, как и *тотот*. Ср. чешск. "полуосложненный" вариант: им.ед. *tentyž, tataž* (при *týž* и *táž*), *totéž*, вин.ед. *tentyž, tutéž, totéž*, им. мн. *tytéž* (одуш. *titiž*), *tytéž, tataž* (но и *táž*), наряду с род. ед. *téhož, téže* и т.д., а также *tenhle, tendle, tenhleo* и т.п., *tento, toten* и т.п. При этом функция местоимения *ten, ta, to* в разговорном чешском языке приближается к функции члена (Матезиус, 1947 г.).

3. В родопских говорах с тройным членом (элементы -с-, -т-, -н-) обычно -с- означает ближайшие предметы (или те, о которых идет сейчас речь), -т- выступает как немаркированный показатель определенности (и в генерализирующей функции), -н- указывает на отдаленные предметы: *отвори вратана!* 'открой внешние двери', *отвори вратаса!* 'открой те двери, что в комнате' Зл. (беседа шла в комнате - Н.Т.). Но в том же Златограде и в некоторых близких к нему насел. пунктах -н- может выступать как нейтральный и генерализирующий член: *Ага* (когда) *умре чулэк, тугава го погребът ф черкована, попън гу упева* и т.д. Зл. собств. запись, 1959 г.).

В той же зоне -с-, -т-, -н- распределяется для образования относительных местоимений и наречий по принципу соотносительно 1-го, 2-го и 3-го лица (*касо мбйсо* 'как мое', *като твбйто* 'как твое', *кано неговоно* 'как его' Зл.). По этому же принципу, хотя и не всегда последовательно, функционирует и член (*боли ме гзрбвэ* 'у меня болит спина (хребет)', *боли го гзрбви*, *скзршил ти се* 'е гзрбвт Зл.). Таким образом, наблюдается связь артикля и относительных местоимений и наречий (помимо указательных). Она нуждается в дальнейшем исследовании.

И.А. Калужская

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУМЫНСКИМ И БОЛГАРСКИМ

Выбор формы артикля (определенной, неопределенной или нулевой) во многом зависит от семантических отношений внутри контекста, а также от экстралингвистических факторов, таких, как, например, уникальность объекта, намерение говорящего и т.п. Однако существует достаточно большое число случаев, когда форма артикля выбирается автоматически, в силу чисто синтаксических причин.

В албанском языке существуют конструкции, выбор определенного артикля в которых обусловлен исключительно формальными, а не содержательными факторами. К таким конструкциям можно отнести следующие: 1. Subst.(det.) + Pron. adj. poss.; 2. Subst. + Pron. pers. + Verb. + Subst. (det.)

1. Характерной особенностью албанского языка является употребление членной формы существительного в том случае, когда его определяет притяжательное местоименное прилагательное (*toka jonë, hija e tij*). Тем не менее в албанском имеется ряд существительных, которые в данной конструкции имеют нечленную форму: к ним относятся термины родства. Их особенность состоит в том, что, во-первых, они занимают постпозитивное положение относительно притяжательного местоименного прилагательного и, во-вторых, употребляются без артикля (*im bir, ime bijë*). Интересные параллели для данной конструкции обнаруживаются при сопоставлении с румынским и болгарским. Их можно наглядно представить в следующей таблице:

Subst. det.	Subst. indet.
Subst. + Pron. adj. poss. (<i>shtepia ime</i>)	Pron. adj.poss. + Subst. (TP) (<i>ime bijë</i>)
Subst. + Pron. adj. poss. (<i>prietenui meu</i>)	Subst.+ Pron. adj.poss.(TP) (<i>frate meu</i>)
Subst.+Pron.adj.poss. Pron. adj.poss.+Subst. (<i>твоите книги, книгите ти</i>)	Subst.(TP) + Pron.adj. poss. (<i>майка ми</i>)

TP- термины родства .

2. Конструкция Subst. + Pron. pers. + Verb. + Subst.(det.) представляет собой так называемую местоименную репризу, которая заключается в дублировании прямого или косвенного объекта личным местоимением в краткой форме (*Ajo e ka zemrën gur; ... pastaj e mbylli librin.*). В данной конструкции дублируемое существительное употребляется в членной форме. Аналогичное явление имеется в румынском и болгарском языках: *Pe Bologa însă atitudinea și glasul capitanului îl uluiră; Гнездото го срунала бурята.*

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ ПО СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БАЛКАНИСТИКЕ

В рамках тематики Семинара по современной балканистике представляется полезным дать краткий обзор балканистических работ, появившихся в течение последнего времени, более узко — с 1966 г., после 1-го Международного балканистического съезда.

Предмет балканской лингвистики (в том числе и синхронной, как она рассматривалась здесь), как известно, чрезвычайно широк и практически неограничен: помимо собственно балканистических проблем и исследования отдельных балканских языков и диалектов, она соприкасается с индоевропейстикой, романистикой, славистикой, тюркологией, теорией языковых контактов, диалектологией и т.п. Сложность положения усугубляется экстенсивностью и недостаточной координированностью исследовательского подхода к балканистике, особенно синхронной. Прилагаемые усилия разнонаправленны и часто не учитывают того типологического единства (или типологических схождений), в аспекте которого целесообразно рассматривать балканские языки. Все это весьма осложняет составление балканской библиографии: она должна быть либо необозримой и открытой, либо выборочной и субъективной, когда составитель включает в нее работы, отвечающие его собственным балканистическим представлениям.

Ввиду перечисленных сложностей, в задачи данного обзора не входит составление сколько-нибудь последовательной балканской библиографии, но, скорее, указание того, где в основном ведутся балканистические исследования и в каких изданиях они публикуются. Список приведенных работ ограничен следующими темами: I. Общие проблемы современной теоретической балканистики; II. Грамматические (т.е. морфолого-синтаксические) схождения современных балканских языков в системе БЯС; III. Актуальные проблемы языковой интерференции (также на грамматическом уровне), выявление ситуаций дву- и многоязычия, преимущественно на Балканском ареале и под. Как правило, здесь учитываются работы, посвященные не менее, чем двум балканским языкам и диалектам. Ограниченность объема не позволила включить монографические описания отдельных языков или анализ явлений, существенных для БЯС, если они указаны только для одного языка или диалекта.

1. В настоящее время занятия балканистикой в разных ее отраслях ведутся в рамках достаточного числа специальных организаций и научных учреждений, многие из которых выпускают собственные, в том числе периодические и серийные, издания. Это прежде всего Международная ассоциация южно-европейских исследований (AIESEE, Association internationale des études sud-est européennes), в частности, организующая международные съезды, конференции и т.п. по балканистике. Ассоциацию представляет ее постоянный Комитет и ряд научных комиссий: в странах, входящих в нее, созданы Национальные комитеты по балканистике. Среди научных учреждений и обществ, занимающихся балканистикой в широком плане — Институт за балканистика при БАН, София; Институт за балканологију при САН и У, Белград; Centar za balkanološke ispitivanja, Сараево; Institute for Balkan Studies, Салоники; Institut des études sud-est européennes, Бухарест; Институт славяноведения и балканистики, Москва (и группы в Ленинграде и Киеве); балканистические центры при Карловом университете, Прага, и при Университете им. Пуркине, Брно; ряд центров при университетах ГДР, Берлин и Лейпциг; Балканологический институт при Свободном университете, Зап. Берлин; Südost Institut, Мюнхен; Südosteuropa Arbeitskreis der Deutschen Forschungsgemeinschaft, ФРГ; Österreichisches Ost- und Südosteuropa Institut, Вена; The School of Slavonic and East-European Studies, Лондон; при Institut d'Études slaves, Париж; балканистические центры при крупнейших университетах США (Блумингтонский, Стенфордский, Колумбийский, Калифорнийский и нек. др.) и т.д. Кроме того балканистическая (лингвистическая) проблематика так или иначе разрабатывается в институтах, занимающихся исследованием соответствующих балканских языков и связанных с ними проблем, в странах Балканского п-ова и за его пределами.

2. После 1-го Международного съезда балканских и южно-европейских исследований (София, 1966) состоялся II-й съезд (Афины, 1970). III-й съезд должен быть проведен в 1974 году в Бухаресте. За этот период был организован ряд кон-

ференций и симпозиумов, например, регулярные *Balkanologen Tagungen* в ФРГ (Грац и Мюнхен, I-й, 1962), в частности посвященные восточному и романскому элементу на Балканах; Конференција за балканолошке студије (Белград, 1968); *I. celostátní balkanistické symposium* (Брно, 1969); *International Balkan Conference Held at UCLA* (Лос-Анджелес, 1969); Международный симпозиум по этногенезу балканских народов (Пловдив, 1969); Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (Москва, 1972); XIV-й Международный съезд по византистике (Бухарест, 1971); I-й Международный съезд по фракийским исследованиям (София, 1972); I-й Коллоквиум по иллирийцам (Тирана, 1972) и т.д., не говоря о постоянных собраниях научных комиссий AIESEE, Национальных балканских комитетов, а также о научных встречах, посвященных исследованию отдельных балканских языков (здесь упомянуты те мероприятия, на которых затрагивались лингвистические темы). Балканистические проблемы обсуждались не только на специально балканистических собраниях, но также и на Международных лингвистических съездах, на съездах по славистике, романистике, диалектологии и т.п.

3. К настоящему времени вышел ряд библиографий, и специально балканистических, и включающих в себя балканистическую проблематику. Это прежде всего продолжающаяся *Bibliographie d'études balkaniques*, I 1966 (Sofia, 1968), V 1970 (Sofia, 1972), содержащая работы по всем отраслям балканистики, с учетом большого числа изданий и деятельности соответствующих балканистических организаций. В лингвистический раздел помимо обще-теоретических и сопоставительных работ, включены исследования отдельных языков и диалектов Балканского п-ова (см. рубрики: *Общевалканские проблемы*, *Ономастика*, *Топонимика*, *Антропонимия*, *Немецкие говоры Балкан*, *Романские языки*, *Румынский*, *Албанский*, *Греческий*, *Славянские языки*, *Старославянский*, *Южнославянские языки*, *Сербохорватский*, *Словенский*, *Болгарский*, *Цыганский*, *Еврейский*, *Турецкий*, *Гагаузский*, *Венгерский*, *Армянский*, *Татарский*).

Из специальных библиографий см. также: *Südosteuropa-Bibliographie*. I-III. München, 1968; *Language and Area Studies: East, Central and Southeastern Europe*. Chicago, 1969; P. L. Horicky. *Southeastern Europe. A Guide to Basic Publications*. Chicago-London, 1969; *Bibliografie československé balkanistiky za léta 1966-1968*, Vmo, 1970. См. также национальные библиографии, библиографии, ежегодно помещаемые в периодических изданиях, в частности по отдельным балканским языкам (например, "Български език", *Limba română*, "Αθήνα" "Studime filologjike", "Зборник за филологију и лингвистику" и т.д.). Балканские разделы и библиографии по отдельным языкам Балканского п-ова помещаются в общих лингвистических библиографиях - *Bibliographie linguistique* (Utrecht), библиография PMLA, "Years Work in Modern Languages Studies" (см.: т. 31, 1970), "Current Trends in Linguistics" (см.: vol. 9, 1972) и др., а также в изданиях, так или иначе связанных с балканскими языками ("Byzantinoslavica", "Byzantinische Zeitschrift", "Revue des études slaves", "Zeitschrift für Slawistik", "Die Sprache", "Kratylos" и др.)¹.

4. Наиболее полно состояние современной балканистики (к 1966 г.) отражено в многочисленных лингвистических докладах на I-м балканистическом съезде². Одной

¹ См. также: продолжающийся "Bulletin analytique de bibliographie hellénique (Athènes); Ε κλογή Ε Μπρίκης γλωσσολογικῆς καὶ λαογραφικῆς βιβλιογραφίας τῶν ἐτῶν 1950-1965, Θεσσαλονίκη, 1966; K. Μαμῶνης. Θρακικὴ βιβλιογραφία. 1958-1966. Ἀρχ. τοῦ Θρακ. λαογραφ. καὶ γλωσσολ. θησ. XXXIII, 1967; Z. Muljačić. *Bibliographie de linguistique romane, domaine dalmate et istriote avec les zones limitrophes.*-RLR, 1969, N N 1,2; T. Ionescu-Nișcov. *Contribuții la bibliografia cehoslovaco-română.* "Romanoslavica", XVII, 1970; I. Coteanu, I. Dănilă. *Introducere în lingvistica și filologia românească.* București, 1970; J. Smrčková. *Bibliographie de l'oeuvre balkanologique de Karel Horálek.* - EBTh, III, 1968, И.С. Можеева. *Южнославянские языки.* М., 1969; *Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР.* М., 1969; 1973.

² См.: *Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes.* VI, Sofia, 1968. - Поскольку это издание широко известно и многократно рецензировалось, здесь дается лишь самая общая его характеристика.

из основных проблем была проблема БЯС и вклада отдельных балканских языков в его структуру (доклад В.Георгиева "Le problème de l'union linguistique balkanique", по греческому языку – доклад Н.П. Андриотиса и Г. Курмулиса, по румынскому – А. Росетти, по албанскому – Э. Чабея, по языкам Югославии – И. Пудича, по тюркским – С.Б. Бернштейна)¹. Помимо докладов по античной и диахронической балканистике, по лексикосемантическим схождениям балканских языков, по топонимике и т.д., значительная часть докладов была посвящена грамматике современных балканских языков (фонологический – который здесь не рассматривается, морфологический и синтаксический уровень). Проблемы рассматривались как в общем плане (К.Казазис. On a Generative Grammar of the Balkan Languages; Т.В. Цивьян. К проблеме построения грамматической модели языка-посредника в системе БЯС), так и в более конкретном – разбор балканистических схождений двух или более языков, структура глагольных и именных категорий (инфинитив, адмиратив, артикли, степени сравнения, род существительного), аналогии в синтаксисе предложения и т.д., см.: М.А. Габинский. Вторичная инфинитивность в балканских языках; W. Fiedler. Zu einigen Problemen des Admirativs in den Balkansprachen; L. Galdi. Le système des articles balkaniques. V. Hořejší. Les noms hétérogènes et l'opposition animé-inanimé dans les langues balkaniques; Sh. Demiraj. A propos du changement de genre au pluriel dans l'albanais, confronté aussi avec le roumain; E. Lefe. La répétition comme moyen grammatical d'expression de l'aspect et du haut degré en albanais (considérée aussi par rapport au roumain); S. Floqi. Constructions tautologiques en albanais contemporain (et concordances et divergences albanoroumanes); M. Domi. Concordances et analogies syntaxiques albanoroumanes²). В докладах, посвященных анализу грамматических явлений в одном языке, обычно привлекалась широкая балканистическая перспектива (см. в частности: В.Конески, В.Видоески, О.Јашар-Настева. Distribution des balkanismes en macédonien; А.Косталлари. Sur les traits principaux de l'albanais littéraire contemporain; Е.Намп. La langue albanaise et ses voisins; см. также доклады М.Илиеску, Э. Мей, О. Бухольц).

Цельный ряд докладов был посвящен вопросам языковой интерференции, в том числе на грамматическом уровне: Iv. Gălăbov. Contributions au problème des contacts bulgaro-roumains au sud du Danube; Г. Болокан. Явление румыно-болгарского двуязычия; В.Настева. Sur les éléments aroumains en macédonien³).

Тематика II-го балканского съезда была более узкой и слишком связанной с местом проведения съезда: 1) Греческое наследство в балканских языках; 2) Формирование литературных балканских языков. Ввиду особых условий, в которых проходил съезд, он был и гораздо менее представительен, с ограниченным числом лингвистических докладов (по современной балканистике – доклады Г.Шаллера "Zur Satzteilfunktion der südslavischen Klytika"; М. Заниновича "Conflict-Dynamics in the Formation of Literary Languages: the Serbo-Croatian Case; К. Меха "Sur quelques rapports linguistiques entre les parlers albanais du nord, du sud-est et les parlers du sud serbocroates de Monténégro et de région de Kossovo; X. Эрена "La langue turque et les langues balkaniques").

¹ Общие вопросы БЯС разбирались также в докладах: G. Hazaï. Probleme und Aufgaben der Balkan-Türkologie (Sprachwissenschaft); E. Seidel. Bereiche der Balkanlinguistik; А.В. Десницкая. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общепалканские лингвистические проблемы; Я. Седлачек. Некоторые проблемы и основные задачи изучения языков Юговосточной Европы; S. Heřman. The Definable Boundaries of a Linguistic Pattern for the Balkan. См. также сообщения, опубликованные в сборнике "Le congrès des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications. Linguistique". Sofia, 1966; K. Horálek. Contribution à l'étude des balkanismes linguistiques; B. Simeonov. Aperçu structural, typologique et historique des langues balkaniques; P. Trost. Rapports internes des concordances linguistiques balkaniques.

² См. также: H. Walter. Zum Problem der sog. verdoppelten Objekte in den Balkansprachen. – В сб.: "Résumés des communications, Linguistique", София, 1966.

³ Темы многих докладов разрабатывались их авторами неоднократно, см. далее в библиографии.

Насколько можно судить, на II-м съезде не обсуждались сугубо теоретические проблемы современной балканистики (за исключением традиционной дискуссии о целесообразности понятия БЯС), а пленарные доклады были посвящены состоянию балканистических исследований в соответствующих странах.

5. Достаточно широко балканская проблематика оказалась представленной на X Международном съезде лингвистов (Бухарест, 1967)¹, см. в частности: H. Birnbaum. On Reconstruction and Prediction: Two Correlates of Diachrony in Genetic and Typological Linguistics, III; E. Seidel. Die grammatische Kategorie Infinitiv, III; V. Blanař. Über strukturelle Übereinstimmungen im Wortschatz der Balkansprachen, III; О.С. Широков. Лингвистическая география и типология языков, II; Г. Болокан. Одна морфологическая калька в некоторых болгарских говорах, IV; P. Olteanu. Interférence et diachronie dans l'étude de l'hypotaxe de la langue roumaine, II; N. Saramandu. Le système des formes verbales composées en aroumain, III; M. Mollova. Coïncidence des zones linguistiques bulgares et turques dans les Balkans, II; M. Iliescu. Observation sur le bilinguisme et multilinguisme des frioulans de Roumanie, IV и многочисленные доклады по отдельным балканским языкам (преимущественно по румынскому).

На VI международном съезде славистов (Прага, 1968)² проблемы современной балканистики разбирались в следующих докладах: S. Neřman. Le processus de stabilisation des langues littéraires aux Balkans; С. Стойков. Банатский язык и диалекты; A. V. Desnickaja. Rapports linguistiques entre les langues slaves et l'albanais et la dialectologie albanaise; V. Šaur. К вопросу о влиянии балканских конвергенций на диалекты южнославянских языков; A. Vašek. К взаимоотношениям славянских и неславянских языков в румынском Банате и др., см. также доклады, посвященные отдельным балканославянским языкам и диалектам.

На XII международном съезде по романistikе (Бухарест, 1968)³ балканистская тематика была представлена главным образом в разделе "Контакты между романскими и другими языками", см.: A. Vraciu. Limba română și limbile balcanice. Probleme substratului, II; O. Guțu. Elemente românești într-un grai bulgăresc din România, II; R. Flora. Cîteva observații cu privire la bilingvismul manifestat în graiurile istroromâne, II; N. Korlăteanu. Asupra interacțiunii lingvistice româno-slave, II; A. Kováčec. Le calque lexical d'après le croate comme cause de certains changements grammaticaux subis par les "quantitatifs" istroroumains, II; M. A. Gabinski. Etiologia pierderii balcanice a infinitivului în lumina faptelor din limba sefardă, II; см. также доклады по грамматическому строю румынского языка и балканороманских диалектов.

Балканистические доклады на II международном диалектологическом съезде (Марбург, 1965), опубликованные в 1968 г., указаны в библиографии.

6. К настоящему времени существует большое число продолжающихся изданий по разным отраслям балканистики, и вышел ряд специальных сборников, в частности, посвященных балканистическим съездам, конференциям и т.п.⁴ Среди изданий, в которых уделено место лингвистической балканистике, серия "Studia Balcanica" (София; I, 1970), (в основном историко-культурное направление); "Балканика" (Годишњак Института за балканологију (Београд; I, 1970, посвящен II-му Международному балканистическому съезду); "Godišnjak" (Centar za balkanološke ispitivanja, Sarajevo, I, 1965). В последних изданиях предпочтение отдается палеобалканистике (см., в частности, продолжающуюся библиографию по палеобалканистике, помещаемую в "Godišnjak'e"). Больше место уделяется современной лингвистической балканистике в "Beiträge zur Südosteuropa-Forschung" (München; X, 1970, по-

¹ См. Actes du X-e congrès international des linguistes. Bucarest, 28 août - 2 septembre 1967, tt. I-IV. Bucarest, 1970.

² См. 6. mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Akte sjezdu. I. Praha, 1970.

³ Actele celui de al XII-lea congres international de lingvistică și filologie romanică. I-II. București, 1971.

⁴ Роспись этих изданий см. в библиографии в конце статьи.

священ II-му Международному балканистическому съезду)¹. В Чехословакии, стране с богатыми традициями в области теоретической балканистики (см. идеи о БЯС, возникшие, в частности, в Пражском лингвистическом кружке), выходят "Études balkaniques tchécoslovaques" (Prague, I, 1966); см. также "Studia Balkanica Bohemoslovaca" (Brno, 1970) — в этих изданиях преимущество предоставлено работам по актуальным проблемам структуры БЯС. В сборнике "Aspects of the Balkans: Continuity and Change" (The Hague—Paris, 1972)² также помещены статьи по грамматике современных балканских языков. За последние годы вышло два специальных балканолингвистических сборника и у нас: "Балканская филология" (Л., 1970; главным образом, работы ленинградской группы балканистов по литературоведению и лингвистике); "Балканское языкознание" (М., 1973; значительное место отведено античной балканистике и историческому аспекту отдельных балканских языков). VI-й выпуск сборника "Новое в лингвистике" (М., 1972) целиком посвящен языковым контактам и, в частности, теоретическим проблемам БЯС, см. прежде всего статью Б. Гавранка "К проблематике смешения языков" (статья, напечатанная в "Travaux linguistiques de Prague" II, 1966, для данного издания была специально дополнена). См. также: Э. Петрович. Унаследованное и приобретенное под иноязычным влиянием в фонетическом и фонологическом развитии румынского языка (в связи с инфлексией румынских гласных *e* и *o*); В. Георгиев. К вопросу о балканском языковом союзе. См. также вводную статью сборника по проблематике языковых союзов вообще и БЯС в частности; В. Ю. Розенцвейг. Основные вопросы теории языковых контактов.

Кроме специальных балканистических сборников, статьи по балканистике печатаются и в других изданиях, связанных с балканскими языками, например, "Славянская филология" (София), "Славистичен сборник" (София), "Славистични изследвания" (София), "Romanoslavica" (București), "Studii de slavistică" (București; I, 1969, II 1971, с разделом "Limbi în contact"), "Beiträge zur rumänische Philologie" (Berlin, 1968), диалектологические сборники по соответствующим языкам и т.д.; см. также издания научных учреждений (академий, институтов, университетов), занимающихся исследованием балканских языков.

7. Среди монографий, посвященных проблемам БЯС и вышедших с 1966 г., см. работы теоретического характера: I. Ellis. Towards a General Comparative Linguistics. The Hague, 1966, — БЯС посвящен раздел "Possible Comparison of Balkan and North—West European Linguistic Community with Reference to System Reduction Method of Quantification" и Appendices D, F.; H. Birnbaum. Problems of Typological and Genetic Linguistics Volwed in a Generative Framed Work. The Hague—Paris, 1970, — книга подводит итог исследованиям автора, в частности, в области балканских схождения и содержит идеи о дальнейшем развитии балканистики в аспекте современных теоретических направлений; В. Ю. Розенцвейг. Языковые контакты. Л., 1972, — работа знакомит с основными положениями и историей возникновения и развития теории языковых контактов. Балканистическая проблематика, как в теоретическом, так и в практическом плане, затрагивается в книге: Т. П. Ильашенко. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. М., 1970.

Конкретным вопросам грамматики балканских языков посвящены монографии: Г. А. Цыхун. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. (Балканославянская модель). Минск, 1969, а также исследования М. А. Габинского по балканским инфинитивным конструкциям; М. А. Габинский. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковый процесс (на материале албанского языка). Л., 1967; Он же. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970, см. также раздел, посвященный аналогичным конструкциям в балканских языках, в последней монографии М. А. Габинского "Очерки по основаниям грамматики" (Кишинев, 1972). В монографии М. Филиповой-Байровой ("Гръцки заемки в съвременния български език" (София, 1969) специальный раздел посвящен морфологическому оформлению греческих заимствований в болгарском.

¹ Это издание так же, как и "Grazer und Münchener Balkanologische Studien" выходит в серии: "Beiträge zur Kenntnis Südosteuropa und des Nahen Orients". См. также серии: "Balkanvikiés mlétes" — публикации Балканолингвистического института в Салониках, "Bibliothèque d'études balkaniques" — публикации Institut d'Études slaves в Париже, многочисленные публикации Südost Institut'a в Мюнхене и др., а также серию AIESEE "Études et documents concernant le sud—est européen".

В 1968 г. вышло переиздание классической работы К.Сандфельда "Linguistique balkanique".

Недостаток места не позволяет привести здесь многочисленные монографические исследования по отдельным балканским языкам.

8. Среди специальных балканистических журналов, помещающих лингвистические статьи, см. основные: "Балканско езикознание" (София, I, 1959), "Études balkaniques" (София, I, 1964), "Revue des études sud-est européennes" (Bucarest I, 1963), "Balkan Studies" (Επιστολή, I, 1960), "Zeitschrift für Balkanologie" (Wiesbaden, I, 1963), "Südostforschungen" (München). За немногими исключениями, о которых см. далее, это журналы по всем отраслям балканистики, и предпочтение в них отдается вопросам истории, культуры, экономики, искусства, литературы, фольклора и т.п.; сравнительно немногочисленные лингвистические работы тяготеют к рассмотрению истории языка или языка в общекультурном плане¹. Все журналы ведут разделы библиографии и хроники, давая достаточно подробную информацию о деятельности балканистических учреждений. Особого рассмотрения заслуживают журналы "Балканско езикознание" и "Zeitschrift für Balkanologie". БЕ ("непериодическое списание", выходящее в одной или двух частях в год и предоставляющее отдельные выпуски исследованиям монографического характера, см., например, работы В.Георгиева, И.Дуриданова) — единственный балканистический журнал, посвященный исключительно лингвистике. Премущественное внимание БЕ уделяет сравнительно-историческому аспекту анализа балканских языков, но кроме того в нем публикуются статьи по современной балканистике, см. в частности: Я.Седлачек. Некоторые вопросы изучения языков юго-восточной Европы и традиционная балканистика. — БЕ, XI, 1, 1966; I.Ellis. Some Remarks on the Place of Balkan Linguistics in General Linguistic Theory. — БЕ, XII, 1967; H. Galton. The Evolution of Bulgarian Syntax. A Phenomenological Study of "Analytism". — БЕ, XII, 1967; A.Mirambel. La distinction des noms et du verbe dans les dialectes néo-grecs. — БЕ, XIII, 1, 1968; М.А. Габинский. Распространение дакорумынского вторичного инфинитива. — БЕ, XIII, 1, 1968; E.Hamp. Early Slavic Influence on Albanian. — БЕ, XIV, 2, 1970; P.Asenova. La différence proximite entre les langues balkaniques fondée sur les correspondances prépositives. — БЕ, XVI, 1, 1972 и т.д.

Особенно полезны регулярно помещаемые в БЕ работы по описанию актуальных ситуаций языковой интерференции на Балканах, в частности, по тюркским, цыганским и прочим говорам Балкан. Среди работ, в которых рассматривается интерференция, среди прочего, на грамматическом уровне, см.: M.Mollova. Une catégorie grammaticale turque inconnue en turkologie, — БЕ, VIII, 1964; Е.П. Боев. Некоторые особенности татарского говора в г.Варна. — БЕ, VIII, 1964; Г.Хазаи. О некоторых актуальных вопросах исследования балкано-тюркских диалектов. — БЕ IX, 1964; K.Mollov, M.Mollova. Parlers turcs de Rhodopes de l'ouest au point de vue slavistique, — БЕ, XI, 1, 1966; D.S.Kenrik. The Romanic Dialect of a Musician from Razgrad. — БЕ, XI, 2, 1967; M.Mollova. Parler turc de Florina. — БЕ, XIII, 1, 1968; P.Asenova, B.Simeonov. Observations préliminaires sur le parler d'une population romane isolée dans un milieu slavo-bulgare. — БЕ, XIII, 1, 1968; M.Mollova. Traits de fusion dans le dialecte turc du Rhodope de l'Est. БЕ, XIV, 2, 1970 и др.

"Zeitschrift für Balkanologie" — филологический журнал, публикующий работы по исторической и современной лингвистике, литературе и фольклору балканских народов. ZB характеризуется широким современным подходом и явным устремлением к теоретическому развитию проблем лингвистической балканистики. Из работ по грамматической структуре балканских языков в плане БЯС и по интерференции балканских языков см.: H.Birnbaum. Balkanslavisch und Südslavisch. — ZB, III, 1965, Nr. 2;

H.G.Lunt. On Slavic Structural Loans in Rumanian. — ZB, IV, 1966, Nr. 1-2; J. Matešić. Das Suffix-*ana* (<neupers. *hane*) im Südslavisch. — ZB, IV, 1966, Nr. 1-2; Z.Mulja-

¹ См. некоторые лингвистические работы, дающие представление о профиле перечисленных изданий: A.Mirambel. La place de la Dimotiki dans les lettres néogrecs. — EB, 1969, Nr. 1; A.Graur. Noms de femmes roumaines provenant de vocatifs grecs, — RESEE, II, 1964; E.Kriaras. La langue néo-grecque dans l'évolution de la littérature byzantine et néo-hellénique. — RESEE, III, 1965; N.Mihăescu. Les éléments latins de la langue albanaise. — RESEE, IV, 1966, I. Matei. Notes sur les "turcismes" du dialecte roumain de Banate. Un problème de méthode. — RESEE, V, 1967 и т.д.

čić. Die slavisch-romanische Symbiose in Dalmatien in struktureller Sicht. — ZB, V, 1967, N 1; N. Reiter. Der Artikel in den Balkansprachen. — ZB, V, 1967, Nr. 1; Ch. Vasilev. Der Schwund der suppletive Komparativformen beim Adjektiv in den Balkansprachen. — ZB, VI, 1968 (1969), Nr. 1–2; Ch. Vasilev. Addenda et corrigenda zu Sandfeld's "Linguistique balkanique", — ZB, VI, 1968 (1969), Nr. 1–2; R. Rohr. Beiträge zur Morphologie und Syntax des Albanischen in Acquafornosa.—ZB, VI, 1968 (1969), Nr. 1–2; H. Schaller. Die syntaktische Verwendung der Demonstrativpartikeln in den südslavischen Sprachen. — ZB, VII, 1969–1970, Nr. 1–2; B. Markov. Besonderheiten und Tendenzen der Bezeichnung des grammatischen Geschlechts in der makedonischen Sprache. — ZB, VIII, 1971–1972, Nr. 1–2; M. A. Габинский. О происхождении старого албанского инфинитива. — ZB, VIII, 1971–1972, № 2; O. Jažar-Nasteva. Bilinguität bei der türkischen Bevölkerung in der Gegend von Gostivar und dadurch bedingte phonologische Veränderungen in ihrem Dialekt. — ZB, VIII, 1971–1972, Nr. 1–2; N. Boretzky. Zusammenrückungen mit dem Modalverb "können" in den Balkansprachen. — ZB, VIII, 1971–1972, Nr. 1–2 и т.д.

Среди журналов, рассматривающих вопросы балканской лингвистики, следует упомянуть "Bollettino dell'Atlante linguistico mediterraneo" (Venezia—Roma, I, 1959), занимающегося проблематикой Средиземноморского атласа в широком плане (см. особенно деятельность М. Деановича),

9. Работы по отдельным балканским языкам и по системе БЯС публикуются в филологических и лингвистических журналах по соответствующим языкам, а также в журналах, так или иначе соприкасающихся с балканской лингвистикой. Среди журналов, выходящих в странах Балканского п-ова, см. основные: "Studia albanica" (Tirane), "Studime filologjike" (Tirane), "Български език" (София), "Български език и литература" (София), "Език и литература" (София), "Ἀθήνα" (?Ἀθήναι), "Ἑλληνικά" (Ἑσσαλονίκη), "Θρακικά" (?Ἀθήναι), "Λεξικογραφικὸν Δελτίον" (?Ἀθήναι), "Македоника" (Ἑσσαλονίκη), "Πλάτων" (?Ἀθήναι), "Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher" (Athens), "Cahiers de linguistique théorique et appliquée" (Bucarest), "Cercetări de lingvistică" (Cluj), "Limba și literatură" (București), "Limba română" (București), "Revue roumaine de linguistique" (Bucarest), "Studii și cercetări lingvistice" (București), "Зборник за филологију и лингвистику" (Нови Сад), "Јужнословенски филолог" (Београд), "Литературен збор" (Скопје), "Македонски јазик" (Скопје), "Наш језик" (Београд), "Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор" (Београд), "Jezik" (Zagreb), "Studia romanica et anglica Zagrabienis" (Zagreb), "Živa antika" (Skopje), "Gjurmime albanologjike (Prishtinë), "Jehona" (Skopje), "Përparimi" (Prishtinë) и др.

За пределами Балканского п-ова работы по балканистике появляются в изданиях, непосредственно посвященных балканским языкам, или связанным с ними общими темами (т.е. в славистических, романистических, тюркологических и т.д.), в журналах, представляющих лингвистическую деятельность отдельных стран, научных учреждений или обществ (см. хотя бы "Bulletin de la Société de linguistique", Paris, в течение нескольких десятков лет помещавший работы А. Мирамбеля по новогреческому языку), а также в лингвистических журналах по теоретическому и индоевропейскому языкознанию, как в классических так и в новых, например, "Eranos" (Uppsala), "Folia linguistica" (The Hague), "Glossa" (Bumaby), "Glotta" (Göttingen), "Indogermanische Forschungen" (Berlin), "Kratylos" (Wiesbaden), "Language" (Baltimore), "Lingua" (Amsterdam), "La linguistique" (Paris), "Linguistics" (The Hague), "Neophilologus" (Groningen), "Orbis" (Louvain). "Die Sprache" (Wien), "Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung" (Göttingen), "Word" (New-York) и др.

10. Далее прилагается выборочная библиография работ по современной лингвистической балканистике.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БАЛКАНИСТИКИ

1. З. Голомб. За "механизмот" на словенско-романските односи на Балканскиот полуостров. — М јаз., XXI, 1970.
2. Б.В. Кобылянский. Можно ли говорить о своеобразном балкано-карпатском союзе языков? "Симпозиум по проблемам карпатского языкознания". Тезисы, М., 1973.
3. И. Леков. Праславянската основа на дуализма на балканските славянски езици. Изв. ИБЕ, XVI, 1968.

4. И. Леков. Праславянски, следпраславянски и балкански черти в синтаксиса на съвременния български литературен език. – Бълг. Е, 1969, № 6.
5. К. Мирчев. За хронологията на основните балканизми в българския език. – Бълг. Е, 1966, № 4.
6. А.М. Рот. Структурно-типологические особенности языков карпатского ареала и проблемы языкового родства. "Симпозиум по проблемам карпатского языкознания". Тезисы, М., 1973.
7. С. Стойков. Банатският езиков съюз. "Слав. филол." София, X, 1968.
8. О.С. Широков. Взаимодействие контактирующих языков на уровне наблюдения и на уровне конструктов. "Уровни языка и их взаимодействие". М., 1967.
9. E. A. Fendras. Quantitative Distinctive Feature Typologies and a Demonstration of Areal Convergence. "Rev. of the Inst. of Appl. Linguist." Louvain, IX, 1970.
10. H. Becker. Zu Begriff und Name des "Sprachbundes". ZSl, X, 1965.
11. H. Birnbaum. Славянские языки на Балканах и понятие так называемых языковых союзов. "Glossa", II, 1968, Nr. 1.
12. H. Birnbaum. On Deep Structure and Loan Syntax in Slavic. "Stud. in Slav. Ling. and Poet. in Honor. of Boris O. Unbegaun". New-York, 1968.
13. H. Birnbaum. On Reconstruction and Prediction. Two Correlates of Diachrony in Genetic and Typological Linguistics. – Folia ling. II, 1969, Nr. 1–2.
14. H. Birnbaum. On Typology, Affinity and Balkan Linguistics. – 36 ФЛ IX, 1966.
15. E. Çabej. Das Albanische und seine Nachbarsprachen. "Die Sprache", XIII, 1967, Nr. 1.
16. E. Çabej. Der Beitrag des Albanischen zum Balkansprachbund. – St. Alb., 1967, Nr. 1.
17. A. Gallis. Die Balkanlinguistik–Probleme und Forschung. "Norsk Tidss. for Sprogvid.", XXIII, 1969.
18. V. Georgiev. Lingvistica balcanică și limba română. Univers. de București, 1968.
19. B. Havránek. Au sujet du caractère et de l'ancienneté de l'évolution convergente des langues balkaniques. – EBTch, II, 1967.
20. B. Havránek. Zur Problematik der Sprachmischung. "Travaux linguistiques de Prague", II, 1966.
21. S. Heřman. Proces stabilizace spisovných jazyků na Balkáně. – "Českoslov. předn. pro VI. mez. sjezd slav.", Praha, 1968.
22. S. Heřman. Z problematiky slovanských jazyků na Balkáně. – Jazykov. aktual., 1968, Nr. 3.
23. K. Kazasis. On a Generative Grammar of the Balkan Languages. – "Foundations of Language", III, 1967.
24. K. Kazasis. The Status of Turkisms in the Present-Day Balkan Languages. "Aspects of the Balkan: Continuity and Change". The Hague–Paris, 1972.
25. E. Lozovan. L'union linguistique" comme hypothèse de travail. "Bollet. dell. Ati. Ling. Mediterr.", 1966–67 (1968), 8–9.
26. E. Petrovici. Despre uniunile lingvistice. (Limbile balcanice și limbile vesteuropeene). "Romanoslavica", XIV, 1967.
27. V. Polák. L'albanais et les origines du type linguistique balkanique. – EBTch, III, 1968.
28. G. Reichenkron. Die Bedeutung des Griechischen für die Entstehung des balkansprachlichen Typus. – BzSF, 1966.
29. G. Rohlf s. Probleme të gjuhësisë ballkanike dhe marrëdhënjet e saj me Italinë e jugut. – St fil, 1966, Nr. 2.
30. G. Rohlf s. Problèmes de linguistique balkanique et ses rapports avec l'Italie méridionale. – St Alb., 1967, Nr. 1.
31. J. Sedláček. Parallel Phenomena in the Development of the Languages of Southeastern Europe. – EBTch, II, 1967.
32. J. Sedláček. Význam studia srbochorvátského jazyka pro balkanistiku. – SBB.
33. E. Seidel. Zur Problematik des Sprachbundes. – B Steinitz.
34. V. Škalička. Über die Typologie der Balkansprachen. – EBTch, III, 1968.
35. V. Škalička. Zum Problem des Donausprachbundes. "Ural–altaische JB", XL, 1968.
36. V. Šaur. K otázce ovlivnění dialektů jihoslovanských jazyků balkanskými konvergenčními. "Českoslov. předn. pro VI. mez. sjezd. slav.", Praha, 1968.
37. P. Trost. Deux points de linguistique balkanique. – OR.
38. P. Trost. Zum Kritik der Substrattheorie. – EBTch, III, 1968.
39. P. Trost. Zum Typus der Balkansprachen. – EBTch, I, 1966.

40. П. Асенова. Общност в употребата на най- характерните граматикализирани предлози в балканските езици. - Годишн. на Соф. Универс. LXVI, 1, 1972.
41. П. Асенова. Предлогът "от" в балканските езици. - Изв. ИБЕ, XVI, 1968.
42. П. Асенова. Финална употреба на предлога *до* в български език и нейните съответствия в западнославянските и балканските езици. "Славист. изслед.", София, 1968.
43. Х. Василев. Нечленуването на роднински названия в румънски и български като езиково явление. - Бълг. Е, 1968, № 2-3.
44. М.А. Габинский. Балканская утрата инфинитива в свете данных сефардистики. "Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков". Матер. III все-союзн. совещ. по ром. яз. Минск, 1970.
45. М.А. Габинский. К диахронической типологии инфинитива. - ВЯ, 1966, № 1.
46. М.А. Габинский. К новой этиологии балканской утраты инфинитива. "Балканская филология". Л., 1970.
47. М.А. Габинский. Новая этиология утраты греческого инфинитива. "Listy filol", 1968, № 3.
48. М.А. Габинский. Распространение дако-румынского вторичного инфинитива. - Бълг. Е, 1968, № 1.
49. А.А. Горбачевский. Об одной особенности балканских языков (на материале изучения супплетивных форм). - Уч. зап. Тадж. универс. Сер. филол., Душанбе, 1971, вып. 4.
50. В.П. Гудков. Славянские предлоги: болг. към, къде, код, макед.кон, каде, kaj с.-хорв. код, куде и иносязычные балканские соответствия. "Балканское языкознание". М., 1973.
51. И. Гълъбов. Български номина агентис като прилагателни в румънски и албански. - Бълг. Е, 1966, № 4.
52. Л.Я. Демко. Падежная система бессарабского наречия албанского языка. - Минск. Педагог. Инст. Матер. XIX научн.-теор. конф. Языкознание. Минск, 1967.
53. М. Деянова. За модалната употреба на аориста в български и сърбохърватски език. "Славист. сб.", София, 1968.
54. М. Деянова. Изявительният перфект без спомагателен глагол в български език в сравнение с сърбохърватски. - Изв. ИБЕ, XIX, 1970.
55. А.В. Жугра. К вопросу об общих типах будущего времени в румынском и албанском языках. "Лингвистические исследования". Л., 1970.
56. Л. Лашкова. Замена на славянския генитив с акузатив в сърбохърватския език. - ЕЛ, 1968, № 1.
57. К.И. Логачев. Некоторые вопросы албано-греческого параллелизма и общекананистические проблемы. "Балканская филология". Л., 1970.
58. К.И. Логачев. Состав глагольной формы и глагола в новогреческом языке. "Лингвистические исследования", Л., 1970.
59. Ю.А. Лопашов. К вопросу о местоименных повторах дополнения в балканских языках. "Лингвистические исследования". Л., 1970.
60. Ю.А. Лопашов. К вопросу о типах местоименных повторов дополнения и их употреблении в литературном новогреческом и других балканских языках. "Балканское языкознание". М., 1973.
61. К.М. Любимов. Об одной группе словосочетаний в тюркских языках. - ВЯ, 1969, № 5.
62. А. Минчева. За турското влияние върху семантичния спектър на българския предлог "от". - Изв. ИБЕ, XIX, 1970.
63. А. Минчева. Към проучването на *да*-изреченията в южнославянските езици. - Бълг. Е, 1968, № 2-3.
64. М. Младенов. Една морфологично-синтактична успоредица в български и румънски език. - Бълг. Е, 1966, № 4.
65. М. Младенов. Една морфологична успоредица в български и румънски език. - Изв. ИБЕ, XIX, 1970.
66. Ц. Младенов. Балканизъм ли е удвояването на обекта в български? - Изв. ИБЕ, 1968.

67. Л.А. Покровская. Об одном "балканизме" в гагаузском языке и балканотурецких диалектах. – ВЯ, 1972, № 3.
68. Л.А. Покровская. Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах. "Советская тюркология", 1971, № 4.
69. В.Ю. Розенцвейг. Инфинитивные конструкции и балканские языковые контакты. "Slavia", 1969, № 2.
70. М. Савић. Основные функции српскохрватского аориста и румынского простого перфекта у светлости романских и балканских языка. – "Анали филол. фак", Београд, 1969.
71. Р. Угринова-Скаловска. Бугаризмите во современниот македонски јазик. – М јаз., XIX, 1968.
72. М. Филипова-Байрова. Глаголи от гръцки произход в български език. "Славист. сб.", София, 1968.
73. Т.В. Цивьян. Опозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка. "Балканское языкознание". М., 1973.
74. Л.В. Шаропова. Грамматическая категория рода в албанском и румынском языках. "Лингвистические исследования 1972", I. М., 1973.
75. Gh. Bolocan. Observații cu privire la viitor în limba română și în bulgară. "Romano-slavica", XIV, 1967.
76. G.Brâncuș. Intercalarea pronumelui neaccentuat în formele de plural ale imperativului albanez. – OR.
77. G.Brâncuș. O concordanță gramaticală româno-albaneză: modul supin. – LL, 1967.
78. S.Bronsert. Zu einigen Eigenheiten der Balkanturkismen im Rumänischen. – "Beiträge zur rumän. Philol.", Berlin, 1968.
79. D.Copcea g. Considérations typologiques sur l'article postposé en roumain. – RRL, XI, 1970, Nr. 5.
80. G.Dell'Agata. A proposito di alcuni prestiti grammaticali greci e turchi nelle lingue slave dell'area balcanica. – "Ricerche slavist.", XIV, 1966 (1968).
81. Sh.Demiraj. A propos du changement de genre au pluriel en albanais, confronté aussi avec le roumain. – St Alb, 1966, Nr. 2.
82. Sh.Demiraj. Rreth ndërrimit të gjinisë së emrave në shumës në shqipe vështuar edhe në përjasje me rumanishten. – St. fil, 1966, Nr. 4.
83. M.Domi. Concordances et analogies syntaxiques albano-roumaines. – St Alb, 1966, Nr. 2.
84. W.Fiedler. Das aromunische Verbalsystem in balkanologischen Sicht. "Beiträge zur rumän. Philol.", Berlin, 1968.
85. W.Fiedler. Zur Kategorie des Aspekts in den Balkansprachen. – Z Sl, XV, 1970, Nr. 1.
86. S.Floqi. Constructions tautologiques en albanais contemporain (et concordances albano-roumaines). – St Alb, 1966, N 2.
87. O.Guțu. Puncte de vedere asupra problemei determinării proclitice în limba bulgară literară. – SCL, XIX, 1968, Nr. 6.
88. S.Heřman. Semantica modálních, temporálních a vidových tvarů slovese v balkánských jazycích. – SBB.
89. V.Hořejší. K otázce životnosti, neživotnosti a obourodosti substantiv ve slovanských a balkánských jazycích. – SBB.
90. H.Galton. On the Function of the Definite Article in Some Indo-European Languages. – Folia ling., V, 1971, Nr. 1–2.
91. A.Hurren. Aspect and Archi-aspect in Istro-Romanian. "La Linguistique", 1969, Nr. 2.
92. H.Kaleshi. The Importance of Turkish Influence upon Word Formation in Albanian. "Balcanica", II, 1971.
93. K.Kazasis. Some Balkan Constructions Corresponding to Western European Infinitives. Diss. Indiana Univ. 1965.
94. B.Koenitz, H.Walter. Zur Beschreibung der bulgarischen und makedonischen Konstruktionen von Typ majka mi im Rahmen einer generative Transformationsgrammatik. – "Zur grammat. und lexikal. Struktur der slaw. Gegenwartssprach", Halle, 1968.
95. B.Koenitz, H. Walter. Zur syntaktischen Interpretation der Klytika in der slawischen Sprachen der Gegenwart. – ZSl, XIII, 1968, Nr. 2.

96. B.Koneski, O.Jašar-Nasteva. Un balkanisme dans la langue de la poésie populaire macédonienne. – WSl, XI, 1966.
97. F.Kopečny'. Gleichstellung der Ruhe- und Richtungskonstruktionen bei den südosslavischen Vorwörtern. – EBTch, III, 1968.
98. F.Kopečny'. O homonymii pronominalních adverbí a předložek. – SBB.
99. E.Koschmieder. Zu den Zeitkonzeptionen in den Balkanischen Sprachen. BzSF, 1966.
100. K.Kostov. Zur Entstehung und Anwendung einer substantivischen Fügung in den Balkanslavischen Sprachen. – WSl, XIII, 1968, Nr. 2.
101. A.Kovačec. Observations sur les influences croates dans la grammaire istroroumaine. "La linguistique", 1968, Nr. 1.
102. M.Křepešsky. Observations sur quelques constructions prépositionnelles roumaines d'origine slave. – EBTch, I, 1966.
103. H.Kurzová. Zum Aussterben des Infinitivs im Griechischen. – EBTch, I, 1966.
104. E.Lafe. Përsëritja si mjet gramatikor i shprehjes së aspektit dhe shkallës sipërore në gjuhën shqipe e parë edhe në krahasim me rumanishten. – St fil, 1967, Nr. 4.
105. R.Löttsch. Zur Typologie grammatischer Interferenzerscheinungen im Bereich des Nomens. "Létopis Instituta za serbski ludospyt v Budyšinje". Rjad A, XVII, 1970, /1.
106. E.Petrovici. Le neutre en istro-roumain. "To Honor Roman Jakobson", II, the Hague-Paris, 1967.
107. G.Reichenkron. Anfänge einer Artikelausbildung im Serbokroatischen? – WSl, XI, 1966, Nr. 4.
108. H.W.Schaller. Zur Syntax der südslavischen Pronominalklytika. – BzSF, X, 1970.
109. J.Sedláček. K výkladu některých strukturálních typů obsahových vět žadacích v jižní slovanštině. "Otázky slov. syntaxe", II, Brno, 1966.
110. J.Sedláček. Problems of the Sentence Syntax and of Compound Clauses in Balkan Languages. – EBTch, III, 1968.
111. W.Stölting. Das Artikelsystem im Albanischen und Rumänischen. – BzSF, 1966.
112. V.Šaur. Ist die Auslassung des Fürwortes es eine balkanische Konvergenzerscheinung? – EBTch, III, 1968.
113. K.Togebly. Le neutre en roumain et en albanais. "Revue romane", 1968, Nr. 2.
114. K.Uhlik. Glagolski prilog sadašnji u ciganskom. "Godišnjak" (Sarajevo), IX, 1972.
115. Ch.Vasilev. Bestimmten und unbestimmten Artikel im Südslavischen. "Stud. sloven. Monacens, in honor. Antonii Slodnjak". München, 1969.
116. H.Walter. Zum Problem der sogenannten verdoppelten Objekte in den Balkansprachen. "Wiss. Z.der Karl-Marx-Univ. Lpz.: "Gesch.-u-sprachwiss. Reihe, XV, 1966, Nr. 3.

III. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

117. Е. Боев. За българско-тюркските езикови връзки. – Изв. ИБЕ, ХУ1, 1968.
118. Г. Болокан. Болгарский говор села Брешешть. – RRL, 1968, № 2.
119. Гостиварскиот крај (Македонскиот, албанскиот и турскиот говор). Гостивар, 1970.
120. Р. Гуцу. Болгарский говор села Чопля (Бухарест). III. Краткое описание морфологической системы. – RRL, 1968, № 4.
121. А.В. Десницкая. Славяно-албанские отношения и албанская диалектология. "Славянское языкознание". М., 1968.
122. К. Димчев. Возможность за проява на езиковата интерференция на морфологично равнище. – Изв. ИБЕ, XIX, 1970.
123. Р. Леч. О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка. "Исслед. по слав. языкознанию". М., 1971.
124. К. Младенов. Гръцкото езиково проникване в долновардарските говори. – ЕЛ, 1968, № 6.
125. В. Нестореску. Одно явление интерференции румынского языка с липованскими говорами. – RRL, 1968, № 6.
126. С. Стойков. Българският говор в с. Бълен Сърб. (С.Р. Румъния) – Бълг. Е, 1970. № 2-3.
127. J.Ajeti. Prilog proučavanju međusobnih šiptarsko-srpskih jezičkih odnosa. – Gjum Alb, II, 1965.

128. J.A jeti. Rreth disa tipareve gjuhësore të ligjëtimeve shqiptare të Kosovës. – Gjum Alb, 1969, Nr. 1.
129. J.A jeti. Rreth disa veçorive të folmeve të shqiptarëve të rrethit të Preshevës. – Gjum Alb, 1969, Nr. 2.
130. J.A jeti. Rreth disa veçorive të folmeve të shqiptareve të rrethit të Preshevës dhe të Bujanovcit. – St fil, 1971, Nr. 3.
131. J.A jeti. Rruga e zhvillimit të gjuhës letrare shqipe në Kosovë. St fil, 1973, N 1.
132. W. Budziszewska. Związki bułgarno-rumuńskie przy zapożyczeniach z języka greckiego. "Z polsk. stud. slawist.". Ser. 3 (T.3). Językozn., Warszawa, 1968.
133. M.C amaj. La parlata albanese di Greci in provincia di Avellino. Firenze, 1971.
134. M.Caragiu-Marioțeanu. La romanité sud-danubienne. L'aroumain et le mégléno-roumain. "La linguistique", VIII, 1972, Nr. 1.
135. Γ. Διγικρίκης. Τὰ ἑλληνικά: πῶς κἀτὼ Ἰταλίας – "Πάγα λαλόουσα", Ἀθήνα, 1968.
136. I. Dorovský. K charakteristice makedonského Kosturského dialektu v dnešním Řecku. – ŠBB.
137. V.Drimba. Repartiția graiurilor turcești din Dobrogea. – SCL, 1967, Nr. 1.
138. V.Drimba. La répartition des parlers turcs de Dobroudja. – AOH, XXIII, 1970.
139. M.Halimi. Disa tiparet të së folmës së Moravës së Eperme. – Gjum Alb, 1970, Nr.1–2.
140. F.W. Housholder. Greek diglossia. "Georgetown Univ. Round Table. Selected Papers on Linguistics 1961–1965", Washington, 1968.
141. I.Jordan. Bilingvism în domeniul romanic. – SCL, 1973, Nr. 2.
142. P.Ivić. Balkan Slavic Migrations in the Light of South Slavic Dialectology. "Aspects of the Balkans: Continuity and Change". The Hague–Paris, 1972.
143. M.Jivković. Articolul postpus la adjective în graiul sârbesc din Svinița. – SCL, 1969, Nr. 1.
144. H.Kahane, R.Kahane. Greek in Southern Italy. "Romance philology", XX, 1967, Nr. 4.
145. R.Kisch. H.Mantsch. Un caz de bilingvism dublu. – LR, 1969.
146. B.Koneski, B.Nastev, O.Jaşar–Nasteva. Interférence au niveau de la langue de la poésie populaire des peuples balkaniques. "Balcanica", I, 1970.
147. A.Kovačec. Certaines modifications grammaticales et sémantiques des "quantitatifs" et "qualitatifs" istroroumains dues à l'influence croate. "Stud. rom. et angl. Zagrab.", 1967, 23.
148. A.Kovačec. Quelques influences croates dans la morphosyntaxe istroroumaine. "Stud. rom. et angl. Zagrab.", 1966, 21–22.
149. Ο.Λαμπίδης. Ἡ γλωσσολογία ἐν ὄπῳ μετοικιστέντος πληθισμοῦ. "Ἀρχ.Πόντου", XXIX, 1968/1969.
150. H. Mihăescu, P.Tekavčić. Današnij istororomanski dijalekat Vodnjana. – Rad Jugosl. Akad. Z i U, knj.344, 1967.
151. P. Mitrović. Deux sabirs balkaniques. "La linguistique", 1972, Nr. 1.
152. M.Mladenov. Influența românească asupra graiului bulgar din Novo Selo. "Romanoslavica", XIV, 1968.
153. M.Nagavci. Të folurit e Gjakoves. "Përparimi", 1969, Nr. 11–12.
154. P.Neiescu. O inovație într-un grai aromânesc din Albania. – OR.
155. R.Nesimi. Procesi i njësimit të shqipes letrare në Maqedoni. – St fil, 1973, N 1.
156. V.Nestorescu. Contacte lingvistice româno-bulgare. "Stud. de slavist.", II, București, 1971.
157. V.Nestorescu. Un fenomen de bilingvism româno-bulgar. – SCL, 1968, Nr. 6.
158. V.Nestorescu, M.Petrișor. Graiul românilor din Bregovo (regiunea Vidin, R.P.Bulgaria). Craiova, 1969.
159. M.Pavlović. Les dialectes et les principes de la mixoglottie. "Verh. II. Intern. Dialekt. Kongr.", Wiesbaden, 1968.
160. I.Petkanov. La stratificazione linguistica e lessicale sulla costa bulgara del Mar Nero. "Bollet. dell'Atl. Ling. Mediterr.", 1966–1967, Nr. 8–9.
161. E.Petrovici. Persistence et désintégration des îlots linguistiques. (A propos du dialecte istroroumain). "Verh. II. Intern. Dialekt. Congr.", Wiesbaden, 1968.
162. V.Polák. L'albanais et l'interférence linguistique balkanique. – EBTch, I, 1966.
163. M.Sala. Elemente balcanice în iudeospaniolă. – SCL, 1966, Nr. 2.

164. E. Saporta. Le parler judéospagnol de Salonique. "Tesoro de los judios sefardies", IX, 1966.
165. A. Schmaus. Pojave tursko-srpskohrvatske jezičke interferencije. "Godišnjak" (Sarajevo), VI, 1968.
166. J. Šabršula. Les équivalents de l'aspect slave sur le territoire de la Romania Orientale. Le problème de l'influence slave sur le système roumain. - EBTch, I, 1966.
167. M. Tomić. Upotreba akuzativa i lokativa u srpskim i hrvatskim govorima u Banatu. "Knjiž. život", 1968, N 1.
168. M. Tomić. Sistemul verbal al graiului sârbesc din Svinița, județul Mehedinți. "Stud. de slavist.", II, București, 1971.
169. T. N. Trápcsa. Observații asupra graiului muntenegrilor din Clopidia (Banat). "Romanoslavica", XIV, 1967.
170. A. Vašek. K vzájemným vztahům slovanských a neslovanských jazyků v rumunském Banatě. "Českoslov. předn. pro VI. mez. sjezd slav.", Praha, 1968.
171. V. Vescu. Influența românească asupra lexicului și sintaxei unui grai sârbesc din Banat. - LR, 1968, Nr. 6.
172. V. Vescu. Problemele studierii graiurilor sârbești și croate din România. "Romanoslavica", XVII, 1970.
173. J. Vuković. Govorni kontakti i izražajni postupci markirani upotrebom srpskohrvatskih vremenskih glagolskih oblica. "Stud. z Filol. Polsk. i Slov.", VII, 1967.
174. A. Zenu. Disa karakteristikă të së formës në krahinën e Kërçovës. "Jehona", 1968, Nr. 3.

T.Ц.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BE - Балканско езикознание, София.
- Бълг Е - Български език, София.
- ВЯ - Вопросы языкознания, Москва.
- ЕЛ - Език и литература, София.
- ЗБ ФЛ - Сборник за филологију и лингвистику, Нови Сад.
- Изв ИБЕ - Известия на Института за български език, София.
- М јаз - Македонски јазик, Скопје.
- АОН - Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae, Budapest.
- Вз SF - Beiträge zur Südosteuropa-Forschung, München.
- В Steinitz - Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung W. Steinitz zum 60. Geburtstag am 28 Februar 1965 dargebracht. Berlin, 1965.
- ЕВ - Études balkaniques, Sofia.
- ЕВТсh - Études balkaniques tchécoslovaques, Prague.
- Гјурм Алб - Гјурmime albanologjike, Prishtinë.
- ЛЛ - Limbă și literatură, București.
- LR - Limba română, București.
- OR - Omagiu lui Alexandru Rosetti, București, 1966.
- RESEE - Revue des études sud-est européennes, Bucarest.
- RESI - Revue des études slaves, Paris.
- RRL - Revue roumaine de linguistique, Bucarest.
- SBB - Studia Balcanica Bohemoslovaca, Brno, 1970.
- SCL - Studii și cercetări lingvistice, București.
- St Alb - Studia albanica, Tiranë.
- St fil - Studime filologjike, Tiranë.
- ZB - Zeitschrift für Balkanologie, Wiesbaden.
- ZSl - Zeitschrift für Slawistik, Berlin.
- WSl - Die Welt der Slaven, Wiesbaden.

Предисловие

I. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ БЯС

А.В. Десницкая. Взаимодействие языков и историческая диалектология	1
М.А. Габинский. Диахронно-типологические аспекты балканских сдвигов в сфере инфинитива	2
Вяч. Вс. Иванов. К типологическому и сравнительно-историческому исследованию инфинитива в балканских и других индоевропейских языках	5
А.Б. Черняк. К вопросу о реликтах первичного албанского инфинитива в тосском	8
Е.И. Демина. К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива	10
А.П. Сытов. Видо-временные системы болгарского, новогреческого и албанского языков	11
В.Ю. Розенцвейг. О синтаксисе глаголов и синтаксисе инфинитивных предложений	15
Л.А. Покровская. Методика исследования синтаксических особенностей гагаузского языка и балкано-турецких диалектов	18
И.И. Воронина. Грамматические средства согласования в современном албанском языке	23
Т.Н. Свешникова. О грамматических трансформациях румынских конструкций с конъюнктивом в аспекте БЯС	25
О.С. Широков. Новогреческие и албанские падежи	26
Л.В. Шаропова. Два вида синтаксической связи в субстантивных словосочетаниях современного албанского языка	28
Т.Н. Молошная. Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в балканских языках	30
Т.Б. Менская. Морфологическая адаптация турецких заимствований в болгарском языке	34
К.И. Логачев. Классификация балканских языков с точки зрения структуры речевых вариантов	36
Р.Г. Пиотровский. Морфонология Молдавского Лингвистического Атласа.	38
А.В. Жугра. Албанские материалы для сопоставительной аспектологии	38
Т.В. Цивьян. Предложения по сопоставительной грамматике балканских языков	38

II. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

И.И. Ревзин. Анкета по категории определенности-неопределенности	43
О.Г. Ревзина, И.И. Ревзин. Проявление в балканских языках универсалии о связи падежа с определенностью	52
Н.И. Толстой. Из наблюдений над членом-артиклем и указательным местоимением в южнославянских диалектах	53

И.А. Калужская. Некоторые употребления определенного артикля в албанском языке в сопоставлении с румынским и болгарским 54

Т.Ц. Обзор основных изданий по современной лингвистической балканистике 55

Подписано к печати 11/XII - 1973 г.

А - 04961 Объем 4,5 п. л. Тираж 450 экз. Заказ 627. Цена 40 коп.

Офсетное производство типографии № 3 изд-ва «Наука»
Москва, Центр, ул. Арбат, 33/12

